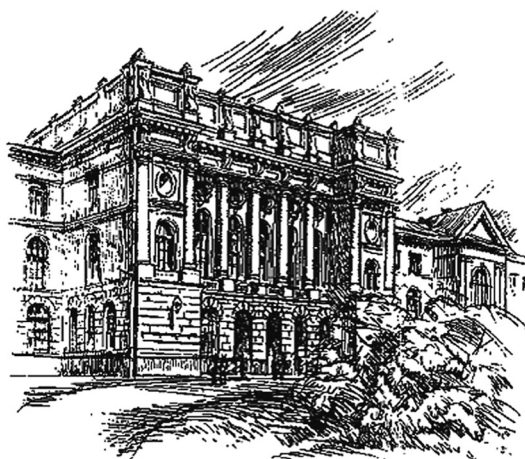

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

1 (215) 2015

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2015

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

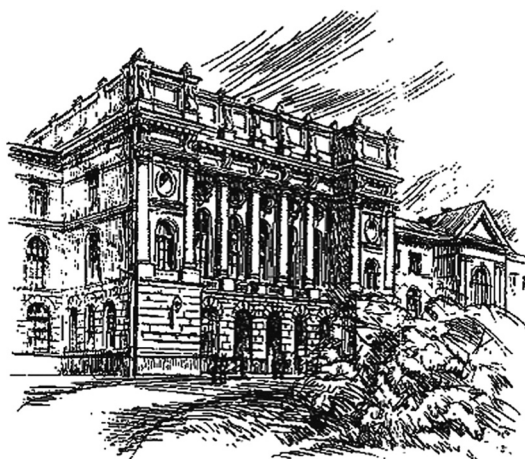
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

1 (215) 2015

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2015

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Akopova M.A., D.Ed., prof.;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Goryunov V.P., D.Phil., prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Pylin V.V., J.S.D., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2015

Содержание

Политические науки и регионоведение

Молодыхенко Е.Н. Аксиологические основания политического дискурса	9
Беликова А.В., Комаров М.П. Социальная безопасность и ее место в системе национальной безопасности	18
Бахтуридзе З.З., Коршунов Э.Л. Потенциал обеспечения безопасности государств на постсоветском пространстве	24
Чжоу Цзюнь. Особенности региональной политики Китая	32
Лагутина М.Л., Чарумани К. Сравнительный анализ ведущих региональных организаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе	38

Международные отношения

Погодин С.Н. Роль Финляндии в отношениях Россия – ЕС	49
Ван Цзюньтао. Геополитическая стратегия Китая в Арктике	53
Рябова А.Л. Общественное мнение и международные отношения	59
Акопов А.К. Особенности современного этапа информатизации международных отношений	68

Исторические науки и археология

Башкарев А.А. Влияние государственной политики СССР на ассимиляцию вепсов в XX веке	73
Левшин К.В. Организация военной печати в Советской России в годы Гражданской войны (на материалах газеты «Боевая правда», 1919–1920 гг.)	83
Каменева Г.Н. Военная мобилизация женщин Юга России в годы Великой Отечественной войны	92
Никонова С.И. Советская власть и творческая интеллигенция в 1960–1980-е годы (на материалах федеральных и региональных архивов)	102
Кашеваров А.Н. Государственно-церковные отношения в период перестройки 1985–1991 годов	109
Ульянова С.Б., Офицерова Н.В. Предпосылки формирования досуговой культуры советского города в 1920-е годы	116

Философские и культурологические исследования

Хомелев Г.В. Философская теория критики: категории модальности	125
Лезгина М.Л., Иванов В.Г. Эпистемология становления математических абстракций	133
Незнанова В.С. Взаимоотношения гражданского общества и власти в России в социально-историческом контексте	140
Дёмин И.В. Проблема соотношения идеологии и науки в современной эпистемологии	146

Образование и педагогические науки

Арсеньев Д.Г., Малюгин В.И. Опыт СПбПУ по созданию совместных образовательных структур высшего профессионального образования в странах Юго-Восточной Азии	154
Гуськова Н.Д., Неретина Е.А., Салимова Т.А. Образование в контексте концепции устойчивого развития	161
Хороших В.В. Вариативность самопрезентации как предмет психологического исследования	172
Ни О.П., Филиппова Л.М. Особенности обучения переводу профессиональной лексики студентов технических вузов в условиях дидактической триглоссии (на примере английского и немецкого языков)	178
Кувырталова М.А., Малий Д.В. Педагогические взгляды Л.Н. Толстого на проблему создания комфортной развивающей среды школы	184

Contents

Political science and area studies

Molodychenko E.N. <i>Axiological dimension of political discourse</i>	9
Belikova A.V., Komarov M.P. <i>Social security and its place in the national security system</i>	18
Bakhturidze Z.Z., Korshunov E.L. <i>Security potential of the states in the post-Soviet space</i>	24
Chzhou Tszyun'. <i>Special features of the regional policy in China</i>	32
Lagutina M.L., Charumani K. <i>A comparative analysis of the main regional organizations in the Asia-Pacific region</i>	38

International relationships

Pogodin S.N. <i>Finland's role in the EU – Russia relations</i>	49
Wang Juntao. <i>Geopolitics of China in the Arctic</i>	53
Ryabova A.L. <i>Public opinion and international relations</i>	59
Akopov A.K. <i>The present stage characteristics of international relations informatization</i>	68

Historical science and archaeology

Bashkarev A.A. <i>Impact of the USSR state policy on assimilation of Vepsians in the XX century</i>	73
Levshin K.V. <i>Organization of the military press in the Soviet Russia during the Civil War (based on the materials of the newspaper "Boevaya pravda" in 1919–1920)</i>	83
Kameneva G.N. <i>Military south Russia's women mobilization during the Great Patriotic War</i>	92
Nikonova S.I. <i>The Soviet authorities and intellectuals in 1960s–1980s (on the materials of the federal and regional archives)</i>	102
Kashevarov A.N. <i>The relations between the state and the church in the period of perestroika 1985–1991</i>	109
Ulyanova S.B., Ofitserova N.V. <i>The prerequisites of the formation of the leisure culture of the Soviet city in the 1920s</i>	116

Philosophical and cultural studies

Khomelev G.V. <i>The philosophical theory of criticism: the categories of modality</i>	125
Lezgina M.L., Ivanov V.G. <i>Epistemology of emerging of mathematical abstractions</i>	133
Neznanova V.S. <i>Relations between civil society and power in Russia. Social and historical context</i>	140
Demin I.V. <i>The problem of the relationship of ideology and science in contemporary epistemology</i>	146

Education and pedagogical science

Arseniev D.G., Malyugin V.I. <i>Experience of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University to create joint educational institutions of higher professional education in the South-Eastern Asia</i>	154
Gus'kova N.D., Neretina E.A., Salimova T.A. <i>Education in the context of the concept of a sustainable development.....</i>	161
Khoroshikh V.V. <i>The variability of self-presentation as a subject of psychological research</i>	172
Ni O.P., Filippova L.M. <i>Peculiarities of teaching professional vocabulary translation in technical colleges in terms of didactic trilingualism (with English and German languages as examples).....</i>	178
Kuvyrtaeva M.A., Maliy D.V. <i>Pedagogical views of L.N. Tolstoy on the problem of creating a comfortable developing environment of the school</i>	184

DOI 10.5862/JHSS.215.1
УДК 316.752

Е.Н. Молодыченко

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

e-mail: e.molodychenko@gmail.com

В статье рассмотрены категория ценности и ее эвристический потенциал для анализа и объяснения текстового развертывания традиционных для политического дискурса стратегий идентификации и отчуждения. Основной тезис — утверждение, что дискурс, понимаемый как «видение мира», предполагает наличие встроенных в него ценностных моделей — представлений об идеальном порядке вещей для стоящей за дискурсом группы акторов. Такой дискурс, как коммуникативно-когнитивное (над)пространство, является носителем предзаданных ценностных представлений, которые управляют процессом вербализации. Текстовая репрезентация группы «чужих» осуществляется, таким образом, всегда исходя из ценностной позиции «своих», задаваемой дискурсивно. Ценностная позиция группы «своих» доминантно определяет систему номинаций и оценок в конкретном тексте, а ценностная позиция группы «чужих» с задаваемой ей системой вербализации автоматически отсекается.

ЦЕННОСТЬ; АКСИОЛОГИЯ; ДИСКУРС; ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС; ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ; СТРАТЕГИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ; СТРАТЕГИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Предметом анализа в рамках статьи является ценностный аспект в изучении дискурса и текста как результата дискурсивного процесса. Исследование выполнено как междисциплинарное, сочетающее подходы современной лингвистики и аксиологии.

Выбор ценности в качестве объекта исследования может иметь место в процессе ее изучения как изолированной категории, представляющей самостоятельный исследовательский интерес. С другой стороны, обращение к данной категории может быть обусловлено ее использованием в качестве инструмента исследования, в целом ставящего перед собой какие-то иные задачи. Одним из примеров совмещения обозначенных подходов служит лингвистический анализ текста.

Авторы аксиологически ориентированных лингвистических исследований часто используют категорию «ценность», как если бы речь шла о чем-то интуитивно понятном и заранее известном. При этом вопрос о формулировании дефиниции понятия «ценность», операционализируемого в рамках анализа текста/дискурса, как представляется, остается открытым. Данным фактом определяется актуальность предпринимаемого нами исследования, одна из задач которого — уточнение дефиниции и выявление прикладного характера аксиологических разработок применительно к лингвистическому дискурсу-анализу. С другой стороны, актуальным остается и вопрос о выработке системного подхода к текстоориентированному анализу ценностей с использова-

нием конкретного инвентаря лингвистических инструментов.

Задача операционализации ценности в текстовом анализе оказывается не самой простой прежде всего ввиду неоднозначности самой категории. Несмотря на то что история изучения вопроса достаточно солидна, единого и непротиворечивого представления о дефиниции и границах понятия, по-видимому, не существует [См., например: 1–6]. Из концепций, в целом близких нашему пониманию, однако более «расширительных», следует указать концепцию И.И. Докучаева. Приведем здесь определение ценности, сформулированное им: «Под ценностью мы понимаем идеальную модель какого-либо явления. Идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое, стало быть, необходимо либо изменить, либо соотнести (оценить) в соответствии с моделью. Модель эта включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных» [7, с. 20]. По мнению Докучаева, одна из важнейших характеристик ценностной модели – ее тотальный характер: каждое явление мира имеет свое ценностное отражение. Другой важной характеристикой ценностной модели является ее порождающий характер: ценностная модель лежит в основе всей человеческой деятельности и ее продуктов [Там же. С. 61].

Следует различать понимание ценности, являющееся, по-видимому, *производным от языкового значения* лексемы «ценность», и собственно *терминологическое*. На эту особенность, в частности, указывает Д.А. Леонтьев [8]. Ссылаясь на антрополога Дороти Ли, он отмечает, что имеет смысл различать конкретную ценность (a value) или систему ценностей (system of values) конкретной культуры и ценность чего-либо вообще *как абстрактное понятие* (value), синонимичное значимости, субъективному смыслу [Там же. С. 6–7].

Под ценностью в предлагаемых рассуждениях далее будем понимать идеальное образование – «модель должного» (a value), задающую ориентиры человеческой деятельности. Те случаи, когда что-либо номинируется «ценным», следует рассматривать как вытекающее из языкового значения лексемы и практики ее речевого употребления. Подобные высказывания следует трактовать как утверждение, что некоторый объект или явление обладает той или

иной *значимостью*. Такая значимость может *определяться соотношением* с ценностной моделью, но сама по себе *не есть ценность*.

Как идеальная модель ценность существует в двух базовых формах. Она может рассматриваться, во-первых, как компонент индивидуального сознания, т. е. как когнитивная модель на материальном субстрате головного мозга индивида, а во-вторых, как компонент надындивидуального, общественного сознания. Как компонент общественного сознания ценность, в сущности, является разновидностью групповых представлений. Понимание ценности, таким образом, можно уточнить, указав, что ценность отражает *выработанное социумом*, находящимся на определенном этапе развития в определенных исторических условиях, *представление об идеальном положении вещей*, соотносимое с конкретной областью человеческой деятельности.

Поскольку мы исходим из представлений дискурсивной парадигмы, следует признать первичность социальных ценностей как в генетическом смысле, так и в качестве объекта анализа. Такое понимание, в частности, созвучно трактовке ценности, принятой в социально-когнитивном направлении дискурс-анализа, представленном Т. ван Дейком. О генетической первичности социальных ценностей говорится и в работах по психологии [См., например: 5].

Итак, двумя основными формами существования ценностей являются индивидуальные личностные ценности и общественные идеалы, имеющие надындивидуальный характер, существующие в форме группового представления. Одной из основных форм фиксации и генерирования ценностных моделей как надындивидуальных групповых представлений являются языковые корреляты общественных практик – дискурсивные формации.

Обозначенная позиция проистекает из теоретических и методологических основ дискурс-анализа, опирающихся, в свою очередь, на принципы философии *социального конструционизма*. Для последней характерны четыре общие посылки [8, с. 9–12]. Во-первых, это критическое отношение к «само собой разумеющемуся» знанию. Наши знания о мире не следует рассматривать как нечто объективное: реальность доступна через посредничество категорий, т. е. наши знания и репрезентации не

отражают реальность «как таковую», но скорее являются результатом специфических способов ее категоризации, или — в дискурс-аналитических терминах — наши знания суть продукты дискурса. Во-вторых, это историческая и культурная обусловленность знаний о мире. Наши знания о мире — результат вписанных в конкретный исторический контекст дискурсивных взаимодействий между людьми. Дискурс в таком случае является формой социального поведения, участвующего в создании социального мира, включающего знания, идентичности и социальные отношения, а следовательно, и в закреплении и поддержании конкретных социальных паттернов. В-третьих, это связь знания и социальных процессов: наши знания о мире создаются и закрепляются в процессе социального взаимодействия, где различные акторы оспаривают право на фиксацию своей, единственно верной, интерпретации действительности. В-четвертых, это связь знания и социального поведения: определенные способы интерпретации действительности делают одни шаблоны недискурсивного поведения вполне естественными, другие — неприемлемыми.

Взаимообусловленность дискурса и ценностных моделей имеет комплексный характер. Любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов, транслирующая некоторое видение мира, транслирует последнее не беспристрастно, но с точки зрения обобщенных представлений об идеальном порядке вещей для стоящих за дискурсом акторов. В реконструируемом дискурсом фрагменте мира всегда что-то рассматривается как желанное, правильное, хорошее, а что-то как отвергаемое, ложное, плохое. Дискурс отсекает одни варианты интерпретаций и предполагает другие — эту аксиому дискурсивного подхода можно и должно применить к функционированию ценностных моделей. Приведенное выше утверждение справедливо в первую очередь по отношению к такой разновидности дискурса, как политический.

Политический дискурс следует интерпретировать как комплексное и «многокомпонентное» явление или — в дискурс-аналитической терминологии — как *порядок дискурса*, где сталкиваются и конкурируют различные *типы дискурса* за утверждение своей версии артикуляции элементов дискурсивного поля, своего «видения мира» [См. подробнее: 8].

Мы исходим из представления, что базовыми *ценностными координатами* политического дискурса являются полюса оппозиции «свой — чужой». Данное утверждение основывается на реализованном ранее дискурс-аналитическом проекте применительно к политике США в привязке к двум выделяемым историками и политологами периодам — периоду холодной войны и периоду нового мирового порядка в XX веке. Выявленная в ходе исследования регулярность лексико-грамматических представлений позволяет говорить о последовательной репликации на протяжении двух упомянутых отрезков истории единообразного видения мира (типа дискурса). Назовем такой тип дискурса в рабочем порядке «дискурсом глобального антагонизма» [См. подробнее: 9].

В качестве логического развития упомянутого выше исследования проведем аксиологически акцентированный анализ речи американского президента Б. Обамы, посвященной актуальному конфликту США и России. Такая преемственность позволит соотнести выявляемые в результате лингвистического анализа смыслы с системой дискурса «глобального антагонизма», предположительно реплицируемого конкретным текстом, а также подтвердить аксиологическую природу выявленной в процессе анализа «рецептивной программы».

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что ценностное содержание реализуется в тексте одновременно в двух плоскостях. Данные две плоскости соответствуют двум (из трех) выделяемым М. Хэллидеем языковым мета-функциям — идеационной и межличностной (*ideational and interpersonal meta-functions*) [См. подробнее: 10]. В идеационном плане ценность (ре)конструируется как «квант знания»; происходит «концептуализация» ценности по мере развертывания текста, в результате чего содержание определенной ценности/ценностей прирастает новыми смыслами. В межличностном плане ценностное содержание развертывается как конструируемая текстом оценочная позиция, к которой адресату предлагают «присоединиться».

Очевидно, что процесс «концептуализации» ценности не ограничивается рамками отдельного текста, но характеризуется преемственностью и определенной динамикой развития в пределах группы текстов. Такие тексты

могут, в частности, составлять один дискурс в указанном выше смысле. Аналогичная преемственность и динамика, как представляется, характерны и для оценочной позиции в рамках одного дискурса.

В приведенном ниже анализе будем исходить из представления, что ценностные смыслы выстраиваются вокруг базовой оппозиции политического дискурса «свои – чужие». Конкретнее, поскольку в тексте доминирует мотив конфликта и противостояния сторон, рассмотрим, какую специфику имеет текстовое представление этих сторон и какую роль при этом играют собственно ценностные смыслы.

С точки зрения идеационной семантики интерес представляет то, каким образом в лексико-грамматических структурах отражается физический контекст/экстралингвистическая реальность, или – в терминах М. Хэллидея – «поле» (field). С точки зрения межличностной семантики интересно проследить, как выражается оценочная позиция автора текста по отношению «полю» конфликта. Здесь также важен ответ на вопрос, насколько автор текста готов допустить оценочную/ценностную позицию второй стороны конфликта, а с точки зрения адресности, насколько безапелляционно потенциальному адресату предлагается присоединиться к оценочной позиции автора, и открывает ли текст (в самом широком смысле) пространство для альтернативного мнения и альтернативной оценочной/ценностной позиции.

Анализ текстового материала показывает, что моделирование сторон конфликта в тексте осуществляется путем последовательного аккумуляирования текстовой семантики вокруг двух полюсов. Причем центром этих полюсов являются абстрактные идеи, а не конкретные акторы. Данное положение иллюстрируется анализом системы транзитивности (transitivity, по М. Хэллидею) в нескольких первых абзацах текста, где в качестве актантов процессов выступают абстрактные сущности. Ср. использование лексемы *ideals* в первом предложении пятого абзаца, с которого начинается непосредственное структурирование поля конфликта:

And it was here in Europe, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that a particular *set of ideals* began to emerge...

Весьма показательно, что автор начинает конструирование поля конфликта с вписывания его в непосредственный физический контекст (ср.: *and it was here in Europe*; речь произносится в Брюсселе для представителей ЕС и НАТО) – первый шаг для включения непосредственного адресата (Европы) в группу «своих».

Тематическая часть следующих предложений «подхватывает» того же абстрактного актора, обеспечивая дальнейшее текстовое конструирование «своего» полюса конфликта, ср.:

And those ideas eventually inspired a band of colonialists...

But those ideals have also been tested...

Таким же образом в тексте формируется и полюс «чужих», основным актором которого является абстрактная сущность:

Those ideals have often been threatened by older, more traditional view of power...

Ср.: [*goal*] *those ideals* [*process*] *have been threatened* [*actor*] *by view of power.*

Специфичность лексико-грамматического структурирования поля конфликта обнажает и тот факт, что абстрактные сущности фигурируют не только как актанты физических процессов, но и в семантической роли адресанта (*sayer*) вербальных процессов, прототипически соотносимых (в грамматике английского языка) с наделенными интеллектом субъектами, ср.:

This alternative vision argues...

Аналогичным образом абстрактные сущности (ср.: *vision*) через метафору (*roots itself*) могут быть источником «предикации идеи» (*idea clause*; ср.: *the notion that...*):

Often this alternative vision roots itself in the notion that by virtue of race or faith or ethnicity, some are inherently superior to others and that individual identity must be defined by us versus them, or that national greatness must flow not by what people stand for, but what they are against.

Основной фрейм конфликта, таким образом, структурируется взаимодействием абстрактных акторов, т. е. описывается как конфликт идей и видений мира, что, кстати, вполне прямолинейно иллюстрируется следующим высказыванием:

In so many ways, the history of Europe in the 20th century represented the ongoing clash of these two sets of ideas, both within nations and among nations.

Помимо абстрактных актантов в две противопоставленные в конфликте группы входят

и конкретные акторы. Однако роль их следует охарактеризовать как второстепенную: действия данных акторов вписываются в готовую схему конфликта, полюса которого заданы идейным содержанием (sets of ideas). Например, идеалы группы «своих» лексико-грамматически иницируют процессы, в которых участвуют уже конкретные агенты:

And [agent] these ideas eventually [process] inspired a [goal] band of colonialist across an ocean...

Следующее предложение «подхватывает» данных акторов в тематической части, где они уже сами выступают в агентивной роли:

...and they [colonialist] wrote them into the founding documents that still guide America today.

Другим вариантом текстовой актуализации конкретных акторов, подчеркивающих их второстепенность по отношению к основным «действующим лицам» конфликта, является их функционирование в пределах предикаций (projected clauses), проецируемых лексемами со значением «идея», ср.: использование лексемы *belief* как основного актора фрейма конфликта для проекции предикации идеи:

...the belief that through conscience and free will, each of us has the right to live as we choose...

Итак, поле конфликта задается двумя полюсами идейного содержания, в которые вписываются исторические события, конкретные действия и группы лиц. Предыдущее утверждение также позволяет охарактеризовать данный конфликт (в его текстовом отражении!) как конфликт ценностей. Такой подход в интерпретации обоснован как минимум в силу трех причин. Во-первых, одной из основных лексем для номинации «своего» полюса конфликта является лексема *ideals*, отсылающая своей семантикой к «модели должного», т. е. к ценностям. Интересно в этой связи заметить, что группы полюса «чужих» текстуально не имеют «идеалов», так как данная лексема для номинации этого полюса не применяется: с точки зрения лексико-грамматической реализации идеалы/ценности могут быть только у «своих», но не у «чужих» (ср., например: ...we must meet the challenge to our ideals). Во-вторых, для семантического наполнения полюса «своих», как это свойственно американскому президентскому дискурсу вообще, используются традиционные ключевые слова и выражения ценностного архива американской культуры

(ср.: conscience and free will, the right to live and choose, equal trade and open markets, international law, democracy, human dignity и т. д., и т. п.). Поскольку данные слова, так или иначе, фиксируют некоторые важные ценностные отношения, их текстуальный «захват» полем «своих» одновременно лишает всех этих ценностей группу «чужих». В-третьих, лексико-грамматически идеалы и ценности группы «своих» являются «мотивообразующими» для входящих в группу акторов (ср.: those ideas eventually inspired a band of colonialists...) – это одна из специфических характеристик ценностей.

Второй ракурс нашего анализа связан с тем, как выражается оценочная позиция автора по отношению к идеационному содержанию текста в плане ее диалогичности. Для проекции в текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки, преимущественно семантического поля «суждение» (judgement, по Дж. Мартину и П. Уайту), поскольку текст в первую очередь ориентирован на оценку противопоставленной группы акторов через их активность.

Одним из способов введения в текст такой оценки является использование номинаций процессов, где в семантику лексемы помимо дескриптивного содержания «встроена» и оценка, кодирующая отношение автора и соответственно его (предположительную) ценностную позицию. Так, в следующем примере для описания взаимодействия России с Украиной используется лексема с эмотивным компонентом (ср.: to bully – use superior strength or influence to intimidate (someone), typically to force them to do something), отражающим оценочное отношение автора к процессу:

...bigger nations can bully smaller ones to get their way.

Анализируя способы номинации активности России в данном тексте, можно смоделировать некоторое ценностное пространство, определяемое представлениями о справедливости и справедливых международных отношениях, ср.:

And that's why Russia's violation of international law, it's assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

Together, we've condemned Russia's invasion of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean

referendum. Together, we have isolated Russia politically, suspending it from the G-8 nations and downgrading our bilateral ties. Together, we are imposing costs through sanctions that have left a mark on Russia and those accountable for its actions.

But that doesn't mean that Russia can *run roughshod* over its neighbors. Just because Russia has a deep history with Ukraine does not mean it should be able to *dictate* Ukraine's future. No amount of *propaganda* can make right something that the world knows is wrong.

В приведенных примерах обозначенная оценочная позиция проецируется номинациями процессов (*violation, assault, invasion, to run roughshod, to dictate, propaganda*) и предикатами «осуждения» (*condemnation, to condemn*). Более того, понимание системы оценки как системы семантики текста, способной развертываться на отрезках больших, чем предложение, позволяет говорить о проекции ценностной позиции и через идеационное содержание (все описываемые санкции по отношению к России – *isolated, suspended* и пр.). Ср. также в этой связи развертывание средств системы суждения (*judgement*) с противоположной полярностью для описания активности Украины:

And meanwhile, the United States and our allies will continue to *support* the government of Ukraine as they chart a democratic course. Together, we are going to provide a *significant package of assistance* that can help stabilize the Ukrainian economy and meet the basic needs of the people.

Таким образом, можно говорить о последовательной проекции одной и той же ценностной позиции США/группы «своих»: «помощь тем, кто в беде», «порицание тех, кто нарушает наши представления о справедливости, морали и пр.».

Ценностную позицию, определяемую понятиями «свобода», «мир», «свободный выбор» и пр., очевидно, проецирует и оценка, выраженная в обстоятельстве *through brute force* процесса *achieve*:

...the Russian people will recognize that they cannot achieve the security, prosperity and the status they seek *through brute force*.

Таким образом, взгляд на целостную систему оценки текста позволяет в определенной степени реконструировать заложенную автором рецептивную программу. В аксиологическом ключе можно говорить, что система средств

оценки проецирует определенную ценностную позицию автора и стоящей за ним группы. Данная позиция в анализируемом тексте, как представляется, определяется понятиями «свобода», «равенство», «уважение международного законодательства» и т. п.

С точки зрения диалогичности выражение ценностной позиции автора и его группы следует охарактеризовать как безапелляционное, не допускающее выражение ценностной позиции другой стороны конфликта. В лексико-грамматическом плане это реализуется несколькими способами.

Так, Россия фигурирует в роли актанта только в физических процессах, номинации для которых демонстрируют некоторую тенденциозность. Лишь в нескольких случаях Россия получает «право голоса» как актант вербальных процессов для аргументации своей позиции, ср.:

(1) Russia's *justified* these actions as an effort to prevent problems on its own borders and to protect ethnic Russians inside Ukraine. *Of course*, there is no evidence, never has been, of systemic violence against ethnic Russians inside of Ukraine.

(2) Moreover, Russia *has pointed* to America's decision to go into Iraq as an example of Western hypocrisy.

(3) In defending its actions, Russian leaders have further *claimed* Kosovo as a precedent, an example, they say, of the West interfering in the affairs of a smaller country, just as they're doing now.

(4) So our approach stands in stark contrast to *the arguments* coming out of Russia these days. It is absurd to suggest, as a *steady drumbeat of Russian voices* do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine but failing to respect the Russian people.

Кажущаяся диалогичность, привносимая приведенными выше примерами, нивелируется, однако, способом их текстовой репрезентации. Во-первых, обращает на себя внимание использование глаголов, вводящих косвенную речь (*framers*), семантика которых явно проецирует позицию «своих», ср.:

to claim – state or assert that something is the case, *typically without providing evidence or proof*; акцентирование смысла «голословно утверждать»;

justify – show or prove to be right or reasonable; в контексте системы оценки всего текста вероятным прочтением будет «оправдываться»;

point – cite a fact or situation as evidence of something; в данном контексте также предположительно несет (общую) негативную оценку.

Во-вторых, тенденциозным представляется способ формулирования «голоса» оппозиции: содержание высказываний не передается прямым цитированием или в косвенной речи, но «свернуто» в объект при вербальном процессе (verbiage), ср.:

justified these *actions*;

claimed *Kosovo*;

has pointed to *America's decision*.

Дальнейшее содержание разясняется в нефинитных предикациях (an effort to prevent problems, the West interfering in the affairs of a smaller country) или «свернуто» в номинализацию (an example of Western hypocrisy). И то и другое как бы «отдаляет» эти формулировки от того, что было сказано на самом деле, и позволяет исключить передачу оценочной, а вместе с ней и ценностной позиции другой стороны (которую, очевидно, можно было бы определить в оригинальных формулировках).

Обращает на себя внимание и лексико-грамматическое оформление пропозиции *America's decision to go into Iraq*: несмотря на то что это мнение должно принадлежать противоположной стороне конфликта, его формулировка в нейтральных, устраняющих оценку терминах (decision to go; ср.: возможные в данной синтагматической последовательности опции – to invade, to wage a war, to assault и пр.) указывает на то, что оно также сформулировано с ценностной позиции «своих»: мы действовали, исходя из представлений о справедливости, свободе и т. п.

Потенциальный диалогизм, вносимый в текст приведенными выше примерами, также нивелируется средствами конструирования потенциального адресата как однозначно разделяющего предлагаемую ценностную позицию и интерпретацию событий вообще (ср. использование *of course* в примере 1 выше).

Еще одним способом введения в текст «голоса» России является то, что можно назвать «подразумеваемой атрибуцией», ср.:

And once again, we are confronted with the *belief among some* that bigger nations can bully smaller ones to get their way – that recycled maxim that might somehow makes right [*sic*].

Номинативная группа *belief among some* открывает пространство конкурирующего мнения

(выраженного следующей далее предикацией проекции – that bigger nations can bully smaller ones to get their way), что теоретически должно расширять диалогичность текста. Однако такая диалогичность опять же нивелируется лексико-грамматической реализацией с позиции «своих» (см. выше разбор семантики глагола *to bully*). При этом мнение приписывается некоторому внешнему голосу (among some), предположительно принадлежащему России.

Несмотря на обозначенные выше «псевдодиалогичные вкрапления», в плане допущения иной ценностной позиции, отличной от доминирующей, текст монологичен. Не случайно, как уже было указано выше, Россия преимущественно является актантом физических процессов. Более того, реализуются они либо в виде пресуппозиции, либо через номинализацию. Вкупе с рассмотренными выше средствами оценки такой способ формулирования делает проекцию ценностной позиции «своих» абсолютной; любое пространство для иной ценностной позиции отсекается. Ср. «вынесение» основного утверждения в нефинитную предикацию:

Russia has resisted diplomatic overtures, *annexing* Crimea and *massing* large forces along Ukraine's border.

Аналогично через номинализацию определенная ситуация репрезентируется как пре-конструкт (термин П. Серио):

Our borders are not threatened by *Russia's annexion*...

And that's why *Russia's violation* of international law, *its assault* on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

We've condemned *Russia's invasion* of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean referendum.

На данном этапе представляется возможным объединить разведенные ранее два ракурса анализа – структурирование поля конфликта и степень доминирования ценностной позиции автора. Моделирование потенциальной ценностной позиции автора, определившей отбор средств оценки, позволяет говорить о ее *содержательном сходстве* с идейным полюсом «своих» в поле конфликта. Анализ системы оценки, развертываемой в тексте, реконструирует ценностную позицию автора как определяемую через понятия «справедливость», «междуна-

родные нормы», «свобода», «помощь слабым» и пр. Похожими понятиями определяется и «свой» полюс конфликта. В реализации фрейма конфликта обозначенные ценности выступают в роли «идеалов», способных действовать как самостоятельные сущности или мотивировать поведение конкретных акторов. Причем как с точки зрения структурирования поля конфликта, так и с точки зрения реализации авторской позиции группа «чужих» не имеет права на обозначенные ценности. В плане структурирования поля конфликта полюс «чужих» наполняется идейным содержанием, актуализирующим антиценности; лексико-грамматически «чужие» не могут быть мотивированы идеалами. В плане доминирования авторской позиции «чужие» лишены «права голоса»; текст лишь репрезентирует их активность через призму «своей» ценностной позиции.

Итак, краткое рассмотрение возможных подходов к трактовке понятия «ценность» позволило определить последние как модель идеального положения вещей, групповое пред-

ставление, разделяемое социумом, связанное с определенной общественной практикой. Каждому дискурсу, понимаемому как совокупность текстов, фиксирующих некоторое видение мира, свойственны определенные модели и их конфигурации. Методология аксиологически ориентированного анализа предполагает, во-первых, работу с комплексной системой языковых средств текстового целого, во-вторых, дискурсивный подход осуществления текстового анализа. Первый аспект предполагает системный анализ языковых средств реализации ценностного смысла в двух плоскостях – идеационной и межличностной, как было продемонстрировано выше. Такой анализ позволяет выявить некоторую «рецептивную программу», заложенную в тексте. Второй аспект указывает на то, что данную рецептивную программу следует интерпретировать как «ценностное содержание», если аналитическим путем обнаруживается некоторая устойчивость его реализации на *дискурсивном уровне*, т. е. в целой совокупности текстов, фиксирующих данное видение мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дробницкий О.Г.** Мир оживших предметов: проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. 351 с.
2. **Nordby H.** Values, cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language // J. of Intercultural Communication. June 2008. Iss. 17. URL: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm> (accessed 10.11.2014).
3. **Harman G.** Explaining Value // Social Philosophy and Policy. 1994. No. 11 (1). Pp. 229–248.
4. **Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F.** Discursive Legitimation of Human Values: Local-global Power Relations in Global Media Discourse // GEMA Online J. of Language Studies. 2014. Vol. 14 (1). Pp. 171–187. URL: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (accessed 10.11.2014).
5. **Perry R.B.** General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1950. 702 p.
6. **Rescher N.** Value Matters: Studies in Axiology. Frankfurt Lancaster: Ontos Verlag, 2004. 134 p.
7. **Докучаев И.И.** Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
8. **Леонтьев Д.А.** Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современ. социоанализ: сб. работ авторов, получивших гранты Моск. отделения Рос. науч. фонда и Фонда Форда. VI вып. М., 1996. С. 5–23.
9. **Баева Л.В.** Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. М.: Прометей : Изд-во МПГУ, 2003. 240 с.
10. **Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.** История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

E.N. Molodychenko

AXIOLOGICAL DIMENSION OF POLITICAL DISCOURSE

MOLODYCHENKO Evgeniy N. – *Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics.*

Myasnitskaya ul., 20, Moscow, 101000, Russia

e-mail: e.molodychenko@gmail.com

The paper deals with an axiological dimension in discourse studies. It presents different theories of values in Russian and European scientific research, focuses on the heuristic potential of values and value studies for discourse analyses. Specifically, the two traditional strategies in political discourse, i.e. identification and out-casting, are analyzed vis-à-vis the category of value. It is contended that values are integrated in discourse, with “discourse” construed as a “way of speaking which gives meaning to experiences from a particular perspective”. Values are defined as notions about ideal states of affairs tied to specific social practices as instantiated in their respective discourses in the abovementioned sense. These discourse-specific values, as common-sense, taken-for-granted, notions of excellence, control verbalization processes. An “out-group” is thus always represented textually out of the discourse-driven system of values of an in-group. An in-group system of values pre-frames word choice, attitudes and evaluations in a text/texts, with an out-group system of values being automatically ruled out.

VALUE; THEORY OF VALUES; DISCOURSE; POLITICAL DISCOURSE; DISCOURSE ANALYSES; STRATEGY OF IDENTIFICATION; STRATEGY OF OUT-CASTING.

REFERENCES

1. Drobnitskiy O.G. *Mir ozhivshikh predmetov: problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [A World of Sentient Things: Value and Marxist Philosophy]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 351 p. (In Russ.)
2. Nordby H. Values, cultural identity and communication: A perspective from philosophy of language. *J. of Intercultural Communication*, 2008, iss. 17. Available at: <http://www.immi.se/intercultural/nr17/nordby.htm> (accessed 10.11.2014).
3. Harman G. Explaining Value. *Social Philosophy and Policy*, 1994, no. 11 (1), pp. 229–248.
4. Hazaea A.N., Ibrahim N., Mohd Nor N.F. Discursive legitimation of human values: local-global power relations in global media discourse. *GEMA Online J. of Language Studies*, 2014, vol. 14 (1), pp. 171–187. Available at: <http://ejournal.ukm.my/gema/article/view/3821/2677> (accessed 10.11.2014).
5. Perry R.B. *General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 1950. 702 p.
6. Rescher N. *Value Matters: Studies in Axiology*. Frankfurt Lancaster, Ontos Verlag, 2004. 134 p.
7. Dokuchaev I.I. *Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozhenia istoricheskoy aksiologii kultury* [Value and Existence. Foundations of Historical Axiology of Culture]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 595 p. (In Russ.)
8. Leontyev D.A. [Value as interdisciplinary concept: a multidimensional view]. *Sovremennyy sotsioanaliz* [Contemporary Social Analysis: Papers of Moscow Russian Science Foundation and Ford Foundation grant-holders]. Vol. VI. Moscow, 1996. Pp. 5–23. (In Russ.)
9. Baeva L.V. *Tsennostnye osnovaniya individualnogo bytiya: opyt ekzistentsialnoy aksiologii* [Value foundations of individual existence: a perspective from existential axiology]. Moscow, Prometey, MSPU Publ., 2003. 240 p. (In Russ.)
10. Chernyavskaya V.E., Molodychenko E.N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in political discourse: Linguistic construction of US and THEM]. Moscow, LENAND Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.2
УДК 316

А.В. Беликова, М.П. Комаров

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

БЕЛИКОВА Анна Владимировна — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: bel4onok_spb@mail.ru

КОМАРОВ Михаил Петрович — доктор военных наук, профессор кафедры УСЭС Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: komarovkmp@mail.ru

Государство сегодня уделяет повышенное внимание интересам общества, поскольку процветание государства напрямую зависит от уровня жизни населения и социальной безопасности общества, что объясняет актуальность темы данной статьи. Цель ее заключается в создании четкой структуры и разработке эффективной системы обеспечения социальной безопасности с высоким уровнем интеграции элементов системы. Проведен анализ существующего понятийного аппарата, применимого к системе обеспечения социальной безопасности. Рассмотрены основные определения и выявлены основные элементы системы: личность, социальная группа и общность. Отображены основные угрозы Российской Федерации в социальной сфере и определена основная задача системы обеспечения социальной безопасности — контроль за социальными процессами с целью сохранения устойчивого состояния социальной системы и ее элементов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА; СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС; СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ.

В настоящее время вопросы национальной безопасности стали приоритетными для государства. Но если в предыдущие годы большое внимание уделялось военной и экономической безопасности как элементам национальной безопасности, то на данный момент на первый план выходят интересы общества, т. е. социальная безопасность. От того, насколько общество обеспечено всем необходимым, зависит и уровень процветания государства, поэтому вопросы социальной безопасности становятся актуальными как никогда. Однако в отличие от систем обеспечения экономической и военной безопасности система обеспечения социальной безопасности разработана значительно хуже. У нее нет четко определенной структуры, а ряд отраслей, которые входят в эту систему, функционируют сами по себе, не взаимодействуя или

слабо взаимодействуя с другими элементами. Поскольку безопасность населения и условия жизни общества должны стать приоритетом при принятии решений государством, разработка сильной системы обеспечения социальной безопасности становится очень важной задачей.

Прежде чем раскрыть понятие «социальная безопасность», рассмотрим понятия «безопасность» и «национальная безопасность».

Согласно словарю Робера, термин «безопасность» начал употребляться с 1190 года и означал спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении он не вошел в лексику и использовался крайне редко. В России термин «государственная безопасность» был впервые употреблен в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и обще-

ственного спокойствия» от 14 августа 1881 года при царе Александре III [1].

В законе Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» дано следующее определение: *безопасность* – состояние защищенности жизненно важных интересов общества и государства от внутренних и внешних угроз [2].

Но это определение несовершенно, поскольку в стране не могут рассматриваться только интересы общества или государства. Взамен данного закона 28 декабря 2010 года был принят федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности» [3], в котором выделены основные принципы обеспечения безопасности, содержание деятельности по обеспечению безопасности, государственная политика в области обеспечения безопасности, правовые основы, координация деятельности, международное сотрудничество, а также определены полномочия федеральных органов государственной власти, функции органов государственной власти в субъектах Российской Федерации и органов местного самоуправления, статус Совета Безопасности.

В новом законе определения безопасности не дано, но в статье 1 определен предмет регулирования:

«Настоящий федеральный закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность)...»

По сути, новый закон поставил знак равенства между понятиями «безопасность» и «национальная безопасность».

Понятие «национальная безопасность» ввел в политический лексикон в 1904 году президент США Т. Рузвельт, а первое определение безопасности, связанное с национальными интересами, дал известный американский журналист и политолог У. Липпман. В дальнейшем американцы наполнили термин «национальная безопасность» вполне осмысленным содержанием. Произошло это сразу после Второй мировой войны, когда США оказались в положении великой мировой державы с огромными возможностями воздействия на мир. Окончатель-

но указанный термин утвердился с принятием в США в 1947 году Закона о национальной безопасности. Под национальной безопасностью в этом законе понимаются условия функционирования государства, являющиеся результатом оборонных (защитных) мероприятий, которые повышают неуязвимость государства от враждебных актов извне или изнутри или других видов вмешательства [4].

В России определение понятия «национальная безопасность» дано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [5]: *национальная безопасность* – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Существуют и другие определения национальной безопасности, но мы будем использовать приведенное выше определение, поскольку оно считается основным и наиболее полно раскрывает данное понятие.

Кроме того, в «Стратегии» введены следующие понятия:

- *система обеспечения национальной безопасности* – силы и средства обеспечения национальной безопасности;

- *силы обеспечения национальной безопасности* – Вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации;

- *средства обеспечения национальной безопасности* – технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Силы и средства обеспечения национальной безопасности сосредоточивают свои усилия и ресурсы на обеспечении национальной безопасности во внутривластной, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности.

Система обеспечения национальной безопасности, как и любая система, состоит из ряда элементов, благодаря взаимодействию которых она может осуществить свое предназначение. В научных трудах выделяются разные элементы национальной безопасности, их количество варьируется от 4 до 10 и более.

Существуют четыре основные сферы общественной жизни: социальная, экономическая, политическая и духовно-нравственная, следовательно, можно выделить четыре элемента национальной безопасности:

- социальная безопасность;
- экономическая безопасность;
- политическая безопасность;
- духовно-нравственная безопасность.

Значит, *социальная безопасность* — это безопасность самой социальной сферы общественной жизни, а также один из элементов системы обеспечения национальной безопасности.

Чтобы перейти к определению понятия «социальная безопасность», нужно дать определение понятию «социальная система».

Социальная система — совокупность элементов (личности, различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную социальную целостность [6]. Как видно из определения, основными элементами социальной системы являются: личность, социальные группы и социальные общности.

Социальная группа — объединение людей, имеющих общий значимый социальный признак, основанный на их участии в некоторой деятельности, связанной системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами [Там же].

Социальная общность — это совокупность индивидов, объединенных одинаковыми условиями жизнедеятельности, ценностями, инте-

ресами, нормами, социальной связью и осознанием социальной идентичности, выступающая в качестве субъекта социальной жизни [Там же].

Все элементы социальной системы являются объектами обеспечения социальной безопасности, значит, можно дать следующее определение: *социальная безопасность* — это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

Нередко понятие «социальная безопасность» заслоняется понятием «экономическая безопасность». Очевидно, что социальные и экономические риски и угрозы различны. Не следует смешивать понятия социальной безопасности и социальных последствий нарушения экономической безопасности: если первое содержит в себе прямые социальные риски и угрозы, то второе — опосредованные реализацией экономических рисков и угроз.

Наконец, вызывает вопрос соотношение понятий «социальная безопасность» и «социальная политика», которые часто воспринимают как одно и то же понятие, что неверно. Социальная безопасность — это свойство социальной системы, а социальная политика — это система проводимых субъектом хозяйствования (обычно государством) мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни определенных социальных групп. Социальная политика, по сути, это меры, направленные на улучшение качества функционирования социальной системы, в том числе и на улучшение обеспечения социальной безопасности.

Существует понятие социальных гарантий, которое неразрывно связано с системой обеспечения социальной безопасности.

В социальных государствах (в том числе и в России) социальные гарантии обеспечиваются также их финансированием за счет средств государственной казны и механизмами публичного финансового менеджмента. Таким образом, социальные гарантии служат целям социальной безопасности в той мере, в какой это достижимо в экономических отношениях в социальной сфере в условиях адекватного законодательного регулирования. В соответствующей части социальные гарантии являются экономическим обеспечением социальной политики, в другой — социальной безопасности.

Однако социальная безопасность обеспечивается не только социальными гарантиями, но и мерами предотвращения реализации рисков, угроз и опасностей для общества.

Следует отметить, что угрозы социальной безопасности возникают не из нарушения в обществе запретов государства и антисоциального поведения, за что можно привлечь к ответственности, а из самих социальных процессов.

Социальные процессы – это совокупность устойчивых взаимодействий, связанных между собой структурными и причинными зависимостями, приводящими к движению, переходу социальной системы, ее элементов из одного состояния в другое [6].

Состояние системы – характеристика системы на данный момент ее функционирования. Поскольку система описывается определенным комплексом существенных переменных и параметров, то, для того чтобы выразить это состояние, нужно определить значения, принимаемые ими в рассматриваемый момент [7].

Каждое состояние системы характеризуется устойчивостью. Устойчивость системы сохраняется до тех пор, пока элементы системы не начинают терять свою собственность до уровня, когда дальнейшая потеря может привести к неудовлетворенности элемента системы своим положением. Незначительные отклонения системы под воздействием внешней среды не приводят к смене состояния системы, система восстанавливает такие отклонения, стремясь к равновесию обмена [8].

Неустойчивость состояния социальной системы вызывается множественными воздействиями как со стороны элементов системы, так и со стороны внешней среды, создающими аналог резонанса. Такое положение дел характеризуется скачком неудовлетворенности элементов системы своим положением [Там же].

Так, для населения показателем неудовлетворенности является уровень жизни. Особенно важен экономический уровень жизни населения. Если относительный уровень его жизни начинает снижаться, то это приведет к ухудшению состояния элементов системы социальной безопасности. В этом случае можно утверждать, что система потеряла равновесие.

Постоянным объектом социальной безопасности в общем виде является личность, ее жизненно важные права и свободы в соци-

альной сфере жизнедеятельности общества, а именно право на жизнь, на труд и его оплату, на бесплатное лечение и образование, на доступный отдых и гарантированную социальную защиту со стороны государства. Однако сами объекты и субъекты социальной безопасности могут меняться по мере изменения условий развития общества.

Состояние социальной безопасности в обществе находится в прямой зависимости от уровня жизни населения. Социальная безопасность не может быть обеспечена только действиями официальных и неофициальных властных институтов. Она требует благоприятных социально-экономических условий.

Значит, основной задачей системы обеспечения социальной безопасности становится контроль за социальными процессами и недопущение ухудшения состояния социальной системы и ее элементов.

Откуда исходят угрозы безопасности в социальной сфере? В Концепции национальной безопасности Российской Федерации [9] сказано, что угрозу национальной безопасности в социальной сфере представляют: расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан; увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности; рост безработицы, а угрозу физическому здоровью нации несет кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения, рост потребления алкоголя и наркотических веществ.

Все это приводит к резкому сокращению рождаемости и средней продолжительности жизни в стране, деформации демографического и социального состава общества, подрыву трудовых ресурсов как основы развития производства, ослаблению фундаментальной ячейки общества – семьи, снижению духовного, нравственного и творческого потенциала населения [Там же].

Инструментами решения этих и других проблем жизнедеятельности государства являются следующие системы:

- образования, науки и культуры;
- здравоохранения страны и благосостояния народа;
- физической культуры, туризма и спорта;
- работы с молодежью;
- социального страхования, пенсионного и другого обеспечения;

- общественной безопасности, борьбы с правонарушениями и преступностью;
- социальной защиты населения, лиц с ограниченными возможностями.

Каждая из систем имеет свои органы управления, опирается на соответствующее финансирование, нормативно-правовую базу, кадровый потенциал, территориальные органы управления (как правило) и местные учреждения.

Исходя из этого стратегическими целями социальной политики являются:

- достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей;
- обеспечение эффективной занятости населения, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы;
- гарантия конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, культуры, обеспечения жильем;
- переориентация социальной политики на семью, обеспечение прав и социальных гарантий, предоставляемых семье, женщинам, детям и молодежи;
- нормализация и улучшение демографической ситуации, снижение смертности населения, особенно детской, и граждан трудоспособного возраста;
- существенное улучшение социальной инфраструктуры.

Таким образом, **социальная безопасность** — это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

Социальная безопасность представляет собой свойство социальной системы, а социальная политика — это меры, направленные на

улучшение качества функционирования социальной системы, в том числе и на улучшение обеспечения социальной безопасности.

Объектами социальной безопасности являются все основные элементы социальной системы:

- личность,
- социальная группа,
- социальная общность.

Социальная безопасность обеспечивается мерами предотвращения реализации рисков, угроз и опасностей для общества.

Угрозы социальной безопасности возникают из социальных процессов, следовательно, основной задачей системы обеспечения социальной безопасности становится контроль за этими процессами.

Как уже отмечалось, инструментами решения проблем жизнедеятельности государства в рамках социальной безопасности являются системы: образования, науки и культуры; здравоохранения страны и благосостояния народа; физической культуры, туризма и спорта; работы с молодежью; социального страхования, пенсионного и другого обеспечения; общественной безопасности, борьбы с правонарушениями и преступностью; социальной защиты населения, лиц с ограниченными возможностями.

Системы имеют свои органы управления, опираются на соответствующее финансирование, нормативно-правовую базу, кадровый потенциал, территориальные органы управления (как правило) и местные учреждения.

Полученный понятийный аппарат может быть использован при разработке эффективной системы обеспечения социальной безопасности, целью которой будут снижение и предотвращение опасностей, угроз и рисков в каждом социальном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Метелёв С.Е. Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты: моногр. М., 2006. 270 с.
2. **О безопасности:** закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1. URL: <http://www.base.garant.ru>.
3. **О безопасности:** федер. закон от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ. URL: <http://www.base.garant.ru>.
4. Мунтян М.А. Основы теории международных отношений: учеб. пособие. М.: Изд-во МАБиУ, 2006. 164 с.
5. **Стратегия** национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537). URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>.
6. Электронный ресурс. URL: ru.wikipedia.org/.
7. Лапин Н.Н., Брехов А.Г. Региональная экономика и управление. СПб.: Стратегия будущего, 2010. 87 с.
8. **Социальная** система. URL: http://sharov7.3dn.ru/publ/sostojanija_sistemy/1-1-0-14.
9. **Концепция** национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24). URL: <http://www.stra.teg.ru/library/national/34/2/1>.

A. V. Belikova, M. P. Komarov

**SOCIAL SECURITY AND IT'S PLACE
IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM**

BELIKOVA Anna V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: bel4onok_spb@mail.ru

KOMAROV Mikhail P. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: komarovkmp@mail.ru

In this article the social security system is accounted as an element of the national security system. The author made an analysis of the existed conceptual construct, which is available for the social safety system. The main definitions are accounted. The main elements of social security system (person, social group and society) are found. The definitions of social security and social policy are opposed. The main dangers for Russian Federation are represented in the article. Resulting from these dangers the main goal of social security system is to control the social processes and to decrease all possible dangers and threats to person and social groups.

NATIONAL SECURITY; SOCIAL SECURITY; SOCIAL SECURITY SYSTEM; SOCIAL PROCESS; STATE OF A SYSTEM.

REFERENCES

1. Metelev S.E. *Natsional'naya bezopasnost' i priority razvitiya Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye aspekty* [The national security and priorities of Russia development: social, economic and jural aspects]. Moscow, 2006. 270 p. (In Russ.)
2. *O bezopasnosti* [About security]. The law of Russian Federation from March 5, 1992, no. 2446-1. Available at: <http://www.base.garant.ru>.
3. *O bezopasnosti* [About security]. The federal law from December 28, 2010, no. 390-FZ. Available at: <http://www.base.garant.ru>.
4. Muntyan M.A. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy* [The basic theory of international relations]. Moscow, MABiU Publ., 2006. 164 p. (In Russ.)
5. [The national security strategy of Russian Federation before 2020] (confirmed by Russian Federation President's decree from May 12, 2009 No. 537). Available at: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>.
6. Electronic resource. Available at: ru.wikipedia.org/.
7. Lapin N.N., Brekhov A.G. *Regional'naya ekonomika i upravlenie* [The regional economy and management]. St. Petersburg, Strategiya budushchego Publ., 2010. 87 p. (In Russ.)
8. *Sotsial'naya sistema* [Social system]. Available at: http://sharov7.3dn.ru/publ/sostojaniya_sistemy/1-1-0-14.
9. [The national security conception of Russian Federation] (confirmed by Russian Federation President's decree from January 10, 2000, no. 24). Available at: <http://www.stra.teg.ru/library/national/34/2/1>.

DOI 10.5862/JHSS.215.3

УДК 327

3.3. Бахтуридзе, Э.Л. Коршунов

ПОТЕНЦИАЛ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Института специальной педагогики и психологии.

Россия, 194356, Санкт-Петербург, ул. Большая Озерная, 92

e-mail: zeinabb1000@mail.ru

КОРШУНОВ Эдуард Львович – начальник НИО Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Россия, 119571, Москва, пр. Вернадского, 100

e-mail: himhistory@yandex.ru

Процесс формирования новых международных отношений в контексте структурирования пространства бывшего Советского Союза в отдельных случаях характеризуется высоким уровнем конфликтности. В статье рассмотрены различные подходы к оценкам международной безопасности на конкретных примерах существования квазигосударств на постсоветском пространстве. Авторы полагают, что вклад всех государств постсоветского пространства в формирование новой архитектуры безопасности должен заключаться в поиске путей сотрудничества и их реализации в рамках интеграционных проектов в экономической, социальной, политической и других сферах. Сделан вывод, что интеграция должна быть осознанно необходимым процессом и результатом эволюционного развития. Лишь в этом случае можно ожидать положительной динамики в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве и в мировом пространстве в целом.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ; ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; КВАЗИГОСУДАРСТВА; ИНТЕГРАЦИЯ.

Согласно этимологии, понятие «безопасность» означает отсутствие опасности. В соответствии с законом РФ «О безопасности» безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом в оценке степени национальной безопасности существенным фактом является то, как и кем определяются указанные интересы. Для обеспечения безопасности необходимо наличие следующих условий:

- устойчивые, защищенные правом и надежно охраняемые границы;
- стабильные, основанные на праве отношения между субъектами взаимодействия;
- легитимный политический процесс, предполагающий высокую степень предсказуемости

поведения политических субъектов, регулируемой неизбежных конфликтов в рамках подерживаемой законом процедуры;

- отсутствие или слабость незаконно существующих сил, способных непредсказуемо вмешаться в политический процесс.

В целом безопасность – широкое и многогранное понятие, контент которого не определен окончательно. Однако для нашего видения этой проблемы существенным остается механизм обеспечения безопасности государством. История мировой политики XX столетия демонстрирует немало примеров того, что в данном направлении именно государствам принадлежала решающая роль. Процессы трансформации современного миропорядка дают основание предположить, что роль и вли-

яние государств как субъектов мировой политики и международных отношений в процессе трансформации системы международных отношений могут значительно уменьшиться. Данный факт, в свою очередь, подталкивает к переосмыслению возможностей современных государств, в том числе в деле обеспечения безопасности.

Нельзя не согласиться с тем, что «общие угрозы и интересы обуславливают императив сотрудничества великих держав в сфере международной безопасности» [1, с. 13], но при этом «их способность эффективно взаимодействовать далеко не гарантирована...» [Там же].

Согласно оценкам экспертов, современные международные отношения при всей сложности и неоднозначности имеют ряд положительных характеристик. Во-первых, можно говорить о прекращении идеологического противостояния, разделявшего государства на два лагеря (здесь мы не учитываем страны третьего мира). При этом множество локальных конфликтов не дают основания заявлять о победе политического идеализма. Во-вторых, наблюдается формирование международной системы взаимного сдерживания. Это выражается, в частности, в интеграции европейских стран. В-третьих, налицо процессы демократизации и гуманизации мировой политики, что способствует формированию такой мировой системы, в которой человечество будет выступать в качестве единого целого. Однако эти факторы имеют и свои минусы. Пожалуй, самое неоднозначное явление, характеризующее международные отношения на современном этапе, – это процесс глобализации. Идеологи глобального общества считают, что наблюдается некая универсальность в образе жизни людей, определяемая формированием единого информационного, образовательного, культурного пространства, и в социальном, политическом и экономическом смысле планета представляет собой единое, хотя и многообразное пространство. В последнее десятилетие всё чаще высказывается мнение: усиление взаимозависимости и процессы глобализации мирового развития, стирая грань между внутренней и внешней политикой, по сути, могут привести к исчезновению объекта теории международных отношений [См. об этом подробнее: 2].

Верно и то, что «в определении характера внешнеполитических приоритетов раз-

личных государств мира все большую роль играют негосударственные субъекты системы международных отношений» [3, с. 34]. Фактически, неправительственные организации, международные движения и сообщества, межгосударственные организации и неформальные «клубы» оказывают значительное, часто противоречивое, воздействие на политику отдельных государств [Там же].

Современный период развития международных отношений зачастую определяется как эпоха постбиполярного мироустройства. В отношении характеристик того, что происходит на данном этапе, точки зрения исследователей иногда прямо противоположны. С одной стороны, сформировалось представление об однопольном характере современной мировой системы (З. Бжежинский, С. Хантингтон и др.), с другой стороны, ряд экспертов пишут о становлении многополярной системы (К.С. Гаджиев, А.В. Торкунов, А. Буриан [4] и др.). Такая противоположность взглядов свидетельствует о наличии трансформационных процессов, часто выражающихся в социально-экономических и политических кризисных ситуациях. Последнее обстоятельство в наибольшей степени нашло отражение на пространстве, которое принято называть постсоветским, так как оно определяется политическими территориальными границами бывшей супердержавы – СССР. Данное пространство вошло в систему глобальных международных отношений как новое поле внешнеполитических и внешнеэкономических взаимоотношений бывших советских республик. Особенностью данного нового сегмента современных международных отношений является то, что новые независимые государства (бывшие республики, входившие в состав СССР) призваны практически с чистого листа формировать свою внешнюю политику, как по отношению друг к другу, так и с другими международными акторами.

Стоит отметить, что эти государства «очень активно использовали интеграционные связи при формировании своей государственности», так как «многие из них видели путь к собственному успеху в сотрудничестве с другими, зачастую более сильными государствами» [5, с. 40]. Как отмечает грузинский политолог А. Рондели, «фактически, распад СССР создал новую реальность, породив международные отношения

между бывшими субъектами Союза. Иерархия советских межэтнических отношений уступила место процессам самоутверждения, дележу территорий, пересмотру прав и обязанностей, всеобщей неуверенности и страху, напряженности и агрессии» [6, с. 35].

Трансформационные процессы на постсоветском пространстве являются для нас особенно значимыми и актуальными, так как выбор, который делают государства, бывшие ранее союзными республиками, не может не затронуть интересы России. Естественно, что становление международных отношений на постсоветском пространстве и включение этого пространства в общую систему международных отношений, являясь весьма непростыми и длительными процессами, не могут протекать бесконфликтно. Ко всему прочему «нынешняя система международных отношений характеризуется тенденцией к глобализации, она все более полицентрична и взаимозависима на глобальном и региональном уровнях, а отношения ведущих государств состоят из сложного и переменного сочетания сотрудничества и соперничества» [1, с. 12].

Существует точка зрения, согласно которой «представляется, что главная угроза для стабильности Европы в условиях сохраняющихся латентных конфликтов – соперничество между Россией и Западом на постсоветском пространстве» [7].

Рассуждая о конфликтах в современном мире, Г. Пашаева отмечает, что «формирующийся новый миропорядок хотя и кажется на первый взгляд более „справедливым“, но ввиду отсутствия прежней системы тотального доминирования двух супердержав является и менее предсказуемым. В этих условиях для некоторых малых стран, получивших независимость после окончания холодной войны и распада биполярного мироустройства, наиболее актуальными остаются проблемы обеспечения национальной безопасности и определения долгосрочных внешнеполитических ориентиров» [8].

При этом сегодня «угрозой европейской безопасности являются не противостояние военных блоков и стран, не вероятность войны между ними, не гонка вооружений, а распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), международный терроризм, открытые и латентные конфликты» [Там же].

Как известно, выделяют три основные системы международных отношений, сменявшие одна другую: Венскую (Систему Европейского концерта); Версальско-Вашингтонскую, которая существовала между двумя мировыми войнами, и Ялтинско-Потсдамскую. Анализируя Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений, М.М. Лебедева отмечает, что эта система была сформулирована в значительной степени под влиянием политических и военно-стратегических соображений стран-победительниц и не учитывала интересы побежденных, а также вновь образованных стран. В результате она оказалась противоречивой и нестабильной, и, как следствие, не удалось избежать начала Второй мировой войны. Вполне очевидно, что создание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений несло в себе повторение ошибок прошлого и закономерное развитие сценария, диктуемого победителями.

По мнению С.В. Картунова, после распада СССР началась «эрозия Ялтинско-Потсдамского мирового порядка как шестой модификации Вестфальской системы международных отношений» [9, с. 87]. Он предполагает, что Вестфальская система стала разрушаться под воздействием процессов глобализации, «которые наносят все более сокрушительные удары по основе Вестфальской системы – национальному государственному суверенитету» [Там же].

Таким образом, упадок Вестфальского мирового порядка привел к серьезнейшему кризису всей системы международной безопасности. На региональном и локальном уровнях возросла опасность межгосударственных вооруженных конфликтов и их неконтролируемой эскалации [Там же. С. 90]. Впрочем, следует отметить, что каждая из существовавших систем международных отношений имела свои мотивы для различного рода конфронтаций. Конфликтность как общая черта межгосударственных отношений основана на объективно существующих социально-экономических, политических и иных противоречиях между государствами. Однако реальной причиной конфликтного противостояния государств было и остается геополитическое соперничество, борьба за контроль над ресурсами неосвоенных или уже захваченных/интегрированных территорий. Тем не менее существует множество интеграционных про-

цессов, которые объединяют государства для решения задач, имеющих первостепенное значение в условиях трансформирующейся системы миропорядка.

Следует отметить, что, несмотря на декларируемые цели сотрудничества в различных областях деятельности (экономической, социальной, правовой), основные усилия государств сосредоточены прежде всего в сфере международной безопасности. В связи с этим представляется крайне важным определить, насколько государства способны создать и реализовать механизм обеспечения и поддержания безопасности, коль скоро «практически все механизмы поддержания международной безопасности, созданные после Второй мировой и в годы холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.), неадекватны вызовам и угрозам начала нынешнего столетия» [9, с. 90–91]. С.В. Кортунов считает, что попытки реформирования этих структур пока безуспешны, в результате чего «резко упал уровень управляемости международными кризисами и процессами» [Там же].

Между тем крушение системы международной безопасности — это закономерный результат не только окончания холодной войны и распада двухполюсного мира, но и всей логики противостояния и антагонизма времен холодной войны. Попытка разделения мира на два враждующих лагеря и противостояние двух военно-блоковых систем предполагали жесткие ограничения торгово-экономических, научно-технических, культурных связей с потенциальными противниками.

Соответственно «сама логика развития современных международных отношений доказывает несостоятельность односторонних и блоковых схем, особенно силовых» [10, с. 65–66], так как «их приверженцы не способны гарантировать безопасность даже для самих себя и лишь демонстрируют пределы того, что можно достичь подобным реагированием» [Там же].

По мнению экспертов, «ключ к поиску эффективных решений проблем безопасности видится в создании глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам» [11, с. 30]. В свою очередь, для эффективного функционирования подобной системы необходим общепризнанный координирующий центр, способный сплотить вокруг себя мировое сообщество.

Такой центр уже есть — Организация Объединенных Наций с ее уникальной легитимностью, универсальностью и опытом [Там же].

Смысловым содержанием интеграционных процессов должна быть прагматичная политика, направленная на адаптацию и в конечном счете выживание государств в условиях трансформаций в современной мировой политике и международных отношениях. При этом интеграция должна быть результатом эволюционного развития, а не блоковых противостояний. В связи с этим нельзя не отметить, что «отличительной чертой современной системы международной безопасности является растущая роль ООН и Совета Безопасности, прежде всего в многосторонних миротворческих операциях» [1, с. 13].

Следует подчеркнуть, что большинство исследователей и экспертов в России рассматривают Организацию Объединенных Наций и Совет Безопасности ООН в качестве важнейших инструментов, обеспечивающих глобальную стабильность. Понижение их роли и переход к практике применения вооруженных сил на основании решений, принятых отдельными государствами, представляются крайне опасной тенденцией, способной в перспективе создать серьезную угрозу политическим и военно-политическим интересам России [3, с. 34].

С.Б. Иванов отметил, что в глобальной системе военно-политических отношений наиболее актуальным становится противодействие вызовам, стимулированным процессами глобализации, в числе которых «распространение оружия массового поражения и средств его доставки, международный терроризм, демографические проблемы и этническая нестабильность, деятельность радикальных религиозных сообществ и группировок, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность» [Там же. С. 33]. Представляется закономерным вывод постоянного члена Совета безопасности Российской Федерации о том, что «характер вызовов таков, что с ними невозможно эффективно бороться в рамках отдельных государств» [Там же]. Данное заключение еще раз подтверждает необходимость интеграционных процессов и, как результат, создания интеграционных моделей в целях обеспечения безопасности в условиях существующих угроз и вызовов.

Сегодня одним из наиболее проблемных, взрывоопасных и нестабильных регионов мира, возникновение конфликта в котором не проходит незамеченным и вызывает очередной дисбаланс в международных отношениях, считается постсоветский Южный Кавказ. Вместе с тем оценка западными странами роли России в мире носит противоречивый характер, и «именно в этом контексте складывается политика западных стран в отношении Кавказа в целом и Южного Кавказа в особенности» [12, с. 169].

Геополитическое значение Кавказского региона в последние годы заметно возросло. На Кавказе пересекаются интересы различных акторов мировой политики – стран постсоветского пространства, США, стран ЕС, Ирана, Турции, стран Ближнего Востока.

По мнению В.А. Гуссейнова, с одной стороны, малые государства часто играют большую роль в истории, а с другой стороны, они «действительно могут послужить и своего рода разменной монетой в политике мировых держав» [13]. В мировой истории более чем достаточно подобных примеров.

Очевидно, прав А.Г. Арбатов, который полагает, что «нередко за спиной локальных конфликтующих сторон стоят большие державы, соперничающие за экономическое и политическое влияние...» [1, с. 13].

Достижение стабильности, прогнозируемого сценария развития и снижение военного конфликтного потенциала стран Южного Кавказа являются необходимыми условиями для стабилизации ситуации на постсоветском пространстве, для выстраивания грамотного взаимодействия и реализации общих целей основных лидеров мировой политики. При этом следует учитывать, что внешнеполитическая ориентация для южнокавказских государств – это в значительной степени проблема внутренняя, определяемая прежде всего приоритетами формирования и институционализации национальной государственности, а также ухода от прошлого путем вхождения в Европу, интеграции в экономические и политические структуры Запада [12, с. 182].

Очевидно, что многие из стран, ранее входивших в состав СССР, пытаясь «убежать» от советского прошлого, стараются найти новые пути развития, делая акцент на интеграцию в европейское сообщество, на приобщение к запад-

ным ценностям. Эти попытки связаны также с желанием преодолеть негативные последствия как существования в рамках Советского Союза, так и распада этой мощной сверхдержавы. После распада советской системы регионы постсоветского пространства стали форсировать прямые контакты со странами Запада, Ближнего Востока, с Турцией.

Между тем пребывание в постсоветском пространстве не зависит от субъективной воли какого-то отдельного государства. Оно в решающей степени определяется «объективными обстоятельствами, которые невозможно изменить одномоментно» [14, с. 74]. Бывшие союзные республики столкнулись с рядом проблем, связанных со становлением и укреплением государственности при условии отсутствия опыта самостоятельного развития в результате длительного существования в рамках сверхдержавы. В условиях трансформационных процессов, происходящих в мировой политической системе, в системе международных отношений, постсоветские государства нуждаются в обретении точки опоры. Прежде всего это выражается в достижении безопасности и стабильности. В связи с этим представляется необходимым определить потенциальную устойчивость взаимоотношений бывших советских республик как одной из локальных систем современных международных отношений.

А.С. Панарин писал о том, что путь от «принудительного униформизма старой биполярной модели к будущей качественно новой интеграции» лежит «через промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» [Там же. С. 109]. При этом постсоветское пространство «защищено системой явного или неявного протекционизма» [Там же].

Исследователи много пишут о принципе территориальной целостности государств и о праве наций на самоопределение. Не следует ли признать тот факт, что со времен заключения Вестфальского мира, который положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета, и принятия ряда правовых положений в результате завершения 30-летней войны ситуация на мировой политической арене претер-

пела серьезные изменения? Это становится особенно очевидным с учетом последствий глобализации, распада существующих ранее и образования новых союзов государств. Государство как единственно серьезный актор международных отношений утратило свою прежнюю значимость, на пространстве мировой политики появились иные акторы, диктующие новые принципы, например транснациональные корпорации, бюджет которых иногда значительно превышает бюджет отдельно взятой страны.

Пытаясь осознать логику развития геополитических процессов в условиях меняющегося миропорядка, мы неизбежно приходим к вопросу: считать ли право наций на самоопределение приоритетом или принцип территориальной целостности государств сохраняет прежнее значение? А если этот принцип все так же главенствует и сегодня, то как расценивать независимость Косово, Южной Осетии, Абхазии? Являются ли они прецедентами или это примеры, позволяющие выстраивать аналогии? Эти и многие другие вопросы, по справедливому замечанию Н. Арбатовой, предполагают детальный анализ хельсинкских принципов на основе как действующего международного права, так и принятия новых правовых норм там, где это потребует. Избирательное применение хельсинкских принципов, их интерпретация в зависимости от соображений политической целесообразности сторон чревата лишь новыми конфликтами [14, с. 109].

По мнению Э.Х. Карра, для реалиста «неуместность государственного суверенитета — идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего преобладающего положения» [15, с. 57].

Структурирование постсоветского пространства далеко от завершения. Процессы интеграции и дезинтеграции, находящие вы-

ражение во вспышках конфликтности, доказывают, что мы всё еще в точке неустойчивости и продолжает определяться та новая структура, которая возникает за ее порогом. В рамках синергетического дискурса для успешного противостояния тенденциям, ведущим к дезорганизации и деградации сложных систем, «живые и социальные структуры должны быть открытыми и способными осуществлять извлечение из окружающего мира как материального сырья, так и энергии, необходимой для его переработки» [16, с. 175].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обеспечение безопасности остается одной из главенствующих функций государства. В условиях глобализации, в контексте формирования нового миропорядка, в котором явно проследживается тенденция к уменьшению значимости государства как основного актора мировой политики и укреплению позиций и влияния других акторов (в частности, транснациональных корпораций, неправительственных организаций, международных движений), особенно остро стоит вопрос о возможности успешного функционирования в данном ключе.

В формировании новой архитектуры безопасности сегодня активными участниками являются постсоветские страны, так как при выборе интеграционных стратегий они обращаются к тем моделям и конфигурациям интеграций, которые призваны прежде всего способствовать обеспечению безопасности и стабильности и сохранению государственности.

Несомненно, поиск путей сотрудничества в разных сферах, реализуемый в рамках интеграции, — базовое, необходимое условие развития и процветания постсоветских государств. При этом важно, чтобы процесс интеграции формировался как логично осознанный и прагматично значимый результат эволюции международных отношений на пространстве, некогда объединявшем союзные республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арбатов А.Г.** Международная безопасность в эпоху перемен и внешняя политика России // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрест. В 6 т. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012.
2. **Rosenau J.N.** Les processus de la mondialisation: re tombées significatives, échanges impalpables et symbolique subtile // Etudes internationales. Sept. 1993. Vol. XXIV. No. 3.
3. **Иванов С.Б.** Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрест. В 6 т. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012.
4. **Многополярный мир** и место Европы в новой системе международных отношений. URL: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (дата обращения: 15.01.2015).
5. **Потоцкая Т.И.** Геополитический статус государств постсоветского пространства // Геополитика и безопасность. 2014. № 3 (27).
6. **Рондели А.** Южный Кавказ и Россия // Вестн. Европы. 2002. № 7–8.
7. **Арбатова Н.** Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности. URL: <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=6017> (дата обращения: 15.01.2015).
8. **Пашаева Г.** Южный Кавказ в поисках баланса между Западом и Россией. URL: http://www.ca-c.org/c-g/2010/journal_rus/c-g-3-4/02.shtml (дата обращения: 15.01.2015).
9. **Коргунов С.В.** Кризис системы международной безопасности // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрест. В 6 т. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012.
10. **Лавров С.В.** Безопасность нужна не друг от друга и тем более не против кого-то, а от трансграничных угроз // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрест. В 6 т. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012.
11. **Иванов И.С.** Международная безопасность в эпоху глобализации // Россия в глобальном мире: 2000–2011: хрест. В 6 т. Т. 2. М.: Аспект Пресс, 2012.
12. **Гаджиев К.С.** «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2010.
13. **Гусейнов В.А.** К чему приведет «перезагрузка» отношений между США и Россией? URL: <http://lenta.ru/conf/perezagruzka/> (дата обращения: 15.01.2015).
14. **Панарин А.С.** Философия политики. М.: Новая школа, 1996.
15. **Карр Э.Х.** Двадцать лет кризиса: 1919–1939 // Теория международных отношений. М., 2002. С. 53–68.
16. **Васильева Н.А.** Ноосферный вариант цивилизационных перспектив человечества // ПОЛИТЭК. 2009. № 4. С. 170–180.

Z.Z. Bakhturidze, E.L. Korshunov

SECURITY POTENTIAL OF THE STATES IN THE POST-SOVIET SPACE

BAKHTURIDZE Zeynab Z. – *Institute of Special Pedagogy and Psychology.*

Ul. Bol'shaya Ozernaya, 92, St. Petersburg, 194356, Russia
e-mail: zeinabb1000@mail.ru

KORSHUNOV Eduard L. – *Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.*

Pr. Vernadskogo, 100, Moscow, 119571, Russia
e-mail: himhistory@yandex.ru

The process of new international relations formation in the context of structuring the space of the former Soviet Union is characterized in some cases by high levels of conflict. The article discusses various approaches to international security assessments on specific examples of quasi-existence in the post-Soviet space. The authors suggest that the contribution of all post-Soviet states in the formation of a new security architecture should consist in finding ways to cooperate and implement them in the framework of integration projects in economic, social, political, and others spheres. It is concluded that integration should comprise both the process and the result of evolutionary development. Only in this case positive dynamics in ensuring security in the post-Soviet space and in the world can be expected.

INTERNATIONAL RELATIONS; INTERNATIONAL SECURITY; TRANSFORMATION PROCESSES; POST-SOVIET SPACE; QUASI-STATES; INTEGRATION.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. [International security in the epoch of changes and foreign policy of Russia]. *Rossiia v global'nom mire: 2000–2011* [Russia in the global world: 2000–2011]. Readings. In 6 vol. Of vol. 2. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)
2. Rosenau J.N. Les processus de la mondialisation: re tombées significatives, échanges impalpables et symbolique subtile. *Etudes internationales*, Sept. 1993, vol. XXIV, no. 3.
3. Ivanov S.B. [The armed forces of Russia and its geopolitical priorities]. *Rossiia v global'nom mire: 2000–2011* [Russia in the global world: 2000–2011]. Readings. In 6 vol. Of vol. 2. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)
4. *Mnogopoliarnyi mir i mesto Evropy v novoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [A multi-polar world and the place of Europe in the new system of international relations]. Available at: <http://www.iarex.ru/articles/46648.html> (accessed 15.01.2015).
5. Pototskaya T.I. [Geopolitical status of the post-Soviet States]. *Geopolitics and security*, 2014, no. 3 (27). (In Russ.)
6. Rondeli A. [The South Caucasus and Russia]. *Vestnik Evropy*, 2002, no. 7–8. (In Russ.)
7. Arbatova N. [Frozen conflicts in the context of European security]. Available at: <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=6017> (accessed 15.01.2015).
8. Pashaeva G. [The South Caucasus in search of a balance between the West and Russia]. Available at: http://www.ca-c.org/c-g/2010/journal_rus/c-g-3-4/02.shtml (accessed 15.01.2015).
9. Kortunov S.V. [The crisis of the system of international security]. *Rossiia v global'nom mire: 2000–2011* [Russia in the global world: 2000–2011]. Readings. In 6 vol. Of vol. 2. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)
10. Lavrov S.V. [Security is needed not from each other, and especially not against someone, but against cross-border threats]. *Rossiia v global'nom mire: 2000–2011* [Russia in the global world: 2000–2011]. Readings. In 6 vol. Of vol. 2. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)
11. Ivanov I.S. [International security in the age of globalization]. *Rossiia v global'nom mire: 2000–2011* [Russia in the global world: 2000–2011]. Readings. In 6 vol. Of vol. 2. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. (In Russ.)
12. Gadzhiev K.S. *“Bol'shaya igra” na Kavkaze. Vchera, segodnya, zavtra* [“The Big game” in the Caucasus. Yesterday, today, tomorrow]. Moscow, 2010. (In Russ.)
13. Guseinov V.A. [What would the “reboot” of relations between the U.S. and Russia lead to?]. Available at: <http://lenta.ru/conf/perezagruzka/> (accessed 15.01.2015).
14. Panarin A.S. *Filosofiya politiki* [Philosophy of politics]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. (In Russ.)
15. Karr E.Kh. [The Twenty years of crisis: 1919–1939]. *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Theory of international relations]. Moscow, 2002. Pp. 53–68. (In Russ.)
16. Vasil'eva N.A. [Noosphere option civilizational perspectives of humanity]. *POLITEKS*, 2009, no. 4, pp. 170–180. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.4
УДК 327

Чжоу Цзюнь

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

В статье рассмотрена региональная концепция внешней политики Китая. Дан анализ регионального подхода в международных отношениях, построенных на традициях китайской внешней политики – по принципу «мягкой силы», основанному на экономическом влиянии, культурном воздействии китайской диаспоры и оказывающему значительно более сильное влияние, нежели военные и силовые инициативы стран Запада. Данная концепция нашла свое продолжение в период правления Мао Цзэдуна. Подчеркивается, что во внешней политике Китая используются различные подходы с учетом специфики регионов.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; КИТАЙ; РЕГИОНЫ МИРА; «МЯГКАЯ СИЛА»; ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР; ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Цивилизационной особенностью Китая с древних времен было стремление уйти от прямых конфликтов с применением силы и использовать всевозможные дипломатические способы достижения консенсуса, как формальные, так и неформальные. Огромное влияние на современную политику Китая продолжают оказывать философские идеи Конфуция, в основе которых лежит принцип «вертикальных связей» – от высшего к низшему, от старшего к младшему [1]. Стремление уйти от военных конфликтов выразилось в политике, говоря современным языком, «мягкой силы», применяемой сейчас во внешнеполитической деятельности Китая. Общеизвестно, что экономическое влияние и культурное воздействие китайской диаспоры ощущается значительно сильнее и не дает таких негативных последствий, как военные и силовые инициативы стран Запада.

Идеология «мягкой силы», как определенная политическая традиция китайской внешней политики, нашла свое продолжение и в период правления Мао Цзэдуна, пришедшего к власти в 1949 году, хотя этот период в истории КНР отмечен и серьезными конфронтационными действиями китайского руководства, особенно в отношении СССР (конфликт на острове Даманский).

Во внешней политике Китая большую роль играет этнокультурный фактор, что выражается в активной деятельности китайских диаспор, разбросанных по всему миру. Именно они становятся главными проводниками китайского влияния как в Африке, Латинской Америке, так и в других регионах мира. К сожалению, зачастую это вызывает негативную реакцию среди населения, так как китайские диаспоры остаются закрытыми для местного общества и рассматриваются исключительно как часть «Большого Китая».

Для понимания современной внешнеполитической линии КНР важно обратиться к изучению особенностей китайского теоретического подхода к структурированию геополитических схем современного мира. Многие эксперты отмечают, что китайская школа геополитики в значительной мере основывается не столько на западных теориях, сколько на традиционных китайских историко-культурных и философских учениях.

Одна из идей, которые развивают китайские геополитики, заключается в том, что в современных условиях возрастает роль развивающихся стран. Данная концепция в разные периоды имела разные акценты, например идея Мао Цзэдуна о трех мирах. В XXI веке основное

внимание китайских лидеров сосредоточено на замещении западных идей (политика с позиции силы, доминирование великих держав, приоритет западной демократии и др.) китайскими идеологемами («концепция мирного развития и сотрудничества», «гармоничного мира» и «гармоничного соседства») [2].

Международная стратегия Китая стала формироваться не только в рамках партийных программных решений, но и в ведущих университетских и научно-исследовательских центрах. Еще в конце XX века в Китае активно заявили о себе такие структуры, как Институт современных международных отношений при Госсовете КНР, Институты международных проблем в Шанхае и Пекине (МИД КНР), пекинский Институт международных стратегических исследований, связанный с министерством обороны и Генеральным штабом НОАК, а также исследовательские институты АОН КНР.

Особенностью современной китайской внешней политики является упор на двусторонние отношения с отдельными государствами. При этом важно заметить, что Китай крайне редко сам выступает с какими-либо крупными международными инициативами, предпочитая участвовать в инициативах своих союзников. Кроме того, традиционная дипломатическая практика Китая выражается в занятии выжидательной или нейтральной позиции по тем или иным международным проблемам [3]. В качестве примера можно привести позицию Китая по урегулированию кризиса на Украине в 2014 году.

При анализе китайских геополитических подходов важно отметить геополитическую концепцию, разработанную китайскими учеными в последние годы. В ней определяются три важнейших пространства взаимодействия КНР с другими государствами:

1) *северо-западная геополитическая линия*, которая включает в себя Россию, Монголию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Фактически речь идет о той территории, где пролегал Великий шелковый путь между Китаем и Европой. В современных условиях после распада СССР это пространство получило название «Большая Центральная Азия», куда включаются также Турция и Иран. Важнейшей державой в этом пространстве для Китая является Россия, которая все еще доминирует в

политико-экономической сфере государств Центральной Азии. По мнению авторов данной концепции, «трехсотлетнее геополитическое противостояние между Россией и Китаем завершилось лишь 14 октября 2008 года, когда на острове Большой Уссурыйский была проведена церемония установки последнего столба на российско-китайской границе, что знаменовало завершение ее демаркации» [2];

2) *юго-западная геополитическая линия*, включающая в себя Индию, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал и Бангладеш. На этой линии главной страной является Индия. Важным событием развития и укрепления китайско-индийских отношений стало признание Индией Тибета частью территории Китая в ответ на признание Китаем Сиккима частью территории Индии в 2003 году [4]. В ближайшей перспективе, по оценке экспертов, отношения между двумя государствами будут оставаться противоречивыми. «С одной стороны, обе страны будут избегать военных столкновений по нерешенным территориальным и политическим (Пакистан, Кашмир, Тибет) вопросам, увеличивать взаимную торговлю, развивать приграничное сотрудничество, а также взаимодействовать в сфере энергетики, с другой — будет нарастать противоборство Индии и Китая за региональное влияние. Немаловажным для обеих стран станет борьба за признание мировой общественностью. Здесь Индия будет „играть“ на двух факторах: „индийской демократии“ в противовес „китайскому социализму“ и индийской помощи Вашингтону в „сдерживании Китая“» [5, с. 43–44];

3) *юго-восточная геополитическая линия*, которая включает в себя КНДР, Республику Корея, Японию, 10 стран АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию и другие страны юго-западной части Тихого океана. Учитывая тот факт, что центр мировой политики сегодня постепенно перемещается из «Атлантики в Пасифику» (А.Д. Богатуров), значимость государств АТР возрастает, а потому и контакты Китая с этими государствами выходят на одно из первых мест. Свидетельством тому служит создание зоны свободной торговли со странами АСЕАН, которая стала крупнейшей в мире, так как в регионе проживает более половины населения мира, среди стран региона наиболее количество ядерных держав и т. д. Однако именно

здесь Китай сталкивается с наибольшим количеством проблем, которые связаны с морской геостратегией (например, проблема демаркации ресурсной зоны Южно-Китайского моря). Кроме того, в регионе сложилась достаточно острая конкурентная среда, участниками которой выступают Китай и США с Японией, которые, в свою очередь, стремятся использовать свои геополитические преимущества в океанической зоне региона и не допустить единоличного лидерства Китая.

Таким образом, в данной геополитической классификации представлены те регионы, которые географически непосредственно близки Китаю. Однако представляется, что современная геополитическая карта мира, формируемая КНР, не ограничивается данными направлениями. Поэтому, по нашему мнению, логично добавить еще ряд современных китайских геополитических направлений.

- *Латиноамериканская геополитическая линия.*

В связи с растущими потребностями Китая в продовольствии и энергетических ресурсах в начале XXI века в геополитической стратегии Китая появляется южно-американское направление. В 2008 году был опубликован документ о политике Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна [6], в котором были определены основные цели и задачи политики Китая в регионе Южной Америки, отмечались исторически сложившиеся дружественные отношения между народами Китая и Латинской Америки. Кроме того, активное вхождение как Китая, так и стран Южной Америки в мировую экономику создало необходимые предпосылки для сближения и выработки общих позиций в эпоху глобализации.

Важную роль здесь также сыграла интеграция Китая и крупнейшей латиноамериканской страны – Бразилии в рамках неформальной переговорной структуры БРИКС. В 2014 году в ходе латиноамериканского саммита БРИКС китайская делегация во главе с председателем КНР Си Цзиньпином подписала в Буэнос-Айресе и Каракасе крупные контракты на поставки нефти и полезных ископаемых из Аргентины и Венесуэлы, что повлечет за собой приток китайских инвестиций в экономику этих стран. Например, за период президентства (1999–2013) Уго Чавеса товарооборот между

Венесуэлой и КНР вырос более чем в 100 раз – с 183 млн долларов в конце 1990-х годов до 19,2 млрд [7]. Интересно отметить, что в сферу южноамериканских интересов Китая входит также Куба, куда правительство КНР намерено вложить значительные капиталы. Огромные надежды возлагает на китайские вложения в экономику и руководство Никарагуа, которое очень надеется на осуществление китайского проекта строительства канала. Этот грандиозный геополитический проект нацелен на создание более эффективных транспортных связей между Тихим и Атлантическим океанами, что крайне важно для развития китайской экономики.

- *Африканская геополитическая линия.*

Как отмечает китайский исследователь Чжан Чунь, интенсивное развитие китайско-африканских отношений приходится на середину первого десятилетия XXI века [8]. Так же, как и в случае с Южной Америкой, интерес Китая к Африке стал проявляться в начале XXI века на фоне его растущих потребностей в ресурсах, которыми чрезвычайно богат африканский континент: «Африка – кладь природных ресурсов: по разным оценкам, на нее приходится 30–40 % разведанных мировых запасов сырья» [9].

В экономическом плане КНР делает ставку на такие рычаги усиления своего влияния и укрепления конкурентных позиций китайского капитала в Африке, как экономическая помощь и готовность списать долги ряда африканских стран (прежде всего в Судане, Замбии, Тропической Африке).

Важной составляющей является также политика. Так, «отношения с Африкой – часть пекинской стратегии создания нового мирового порядка. Китай нуждается в поддержке в международных организациях. Ему требуются союзники в противоборстве с США» [Там же]. Основу для политического взаимодействия Китая со странами Африки составил созданный в 2000 году форум «Китай – Африка» [10], в рамках которого обсуждаются существующие проблемы, а также принимаются решения о предоставлении кредитов со стороны Китая и возможных путей расширения торгово-экономического, культурного и дипломатического сотрудничества. Китай активно инвестирует финансы в строительство коммуникаций,

школ, больниц и других необходимых учреждений в Африке.

Возрастание роли Китая в Африке вызывает недовольство стран Запада, которые теряют там свои позиции. В западных СМИ появлялась даже следующая информация: «Лик китайского неокOLONиализма более опасен и кроваваден, чем классический западный колониализм» [11]. В ответ китайские СМИ делают акцент на социальной направленности действий Китая, напоминая о создании новых рабочих мест, участии в развитии инфраструктуры и т. д. В свою очередь, политические представители Китая в Африке неоднократно опровергали подобные заявления и защищали позиции его политики в Африке. Так, по словам директора департамента по африканским делам при министерстве иностранных дела Китая Лу Шай, «Китай не игнорирует проблемы, существующие в африканских странах, а лишь ведет политику, противоположную западной» [12].

Однако свои стратегические интересы в Африке имеют и такие крупные державы, как США и Индия. Нигерия, например, является пятым по величине поставщиком нефти в США и обеспечивает индийские потребности в нефти на 11 % [13]. Таким образом, несколько крупнейших держав мира претендуют на доминирующее положение в Африке и ведут борьбу за ее природные ископаемые, составляя достаточно серьезную конкуренцию КНР. Однако стоит отметить, что пока в этой конкурентной борьбе лидирующие позиции все же удается удерживать Китаю. Дело в том, что проводимая официальным Пекином политика «мягкой силы» более предпочтительна для африканских элит, чем политика давления со стороны ряда стран Запада. Основным же политическим мотивом присутствия Китая в Африке является стремление Пекина повысить международный авторитет страны и продемонстрировать правильность проводимого внешнеполитического курса.

- *Северная геополитическая линия.*

Наряду с традиционными регионами мировой политической и экономической карты мира в последнее время в сферу интересов китайского руководства входят и достаточно экзотические регионы, например Арктика. К этому региону Китай стал проявлять интерес в 1980-х годах, когда в условиях изме-

нения климата открылись новые экономические и торговые перспективы: разработка углеводородных месторождений на шельфе Северного Ледовитого океана, развитие морских торговых путей в Арктике приобрели для современного Китая не только торгово-экономическое значение, но и геополитическое. По словам китайского ученого Ли Чжэньфу, тот, кто будет контролировать арктические маршруты, будет контролировать и «новое направление мировых экономических и международных стратегий...» [14].

С целью увеличения своей роли и отстаивания своих интересов Китай интенсифицирует дипломатическую деятельность на Севере, что проявляется:

- в заключении многочисленных двусторонних соглашений;
- лоббировании китайских бизнес-интересов;
- создании условий для успешной транспортировки китайских грузов по Северному морскому пути.

В основе китайской арктической геостратегии лежит геополитическая концепция Северного шелкового пути, которая предполагает, что контроль над Арктикой автоматически представляет собой в условиях глобального мирового переустройства и смещения мировых геополитических центров контроль над всей мировой экономикой и над новыми подходами к мировым рынкам [15].

Успехом дипломатической деятельности и геополитических устремлений Китая на северном направлении можно считать получение им статуса постоянного наблюдателя при Арктическом совете в 2013 году.

Таким образом, можно констатировать, что традиционные рамки азиатского геополитического позиционирования Китая уже не соответствуют мировым амбициям страны в XXI веке. Свидетельством тому служит активность Китая в деле укрепления своих позиций в географически далеких от него регионах: Южной Америке, Африке и Арктике.

При этом важно отметить, что в отличие от западной стратегии расширения своего влияния в мире инструментами «жесткой силы» (бомбардировки, свержение неугодных режимов силовым путем, введение экономических санкций против «провинившихся» государств и т. д.) Китай традиционно использует такие

дипломатические и экономические методы, которые соответствуют понятию «мягкая сила» (инвестирование, списание долгов, культурные обмены, использование миграционных механизмов и т. д.).

Выход Китая на первые роли во многих регионах мира приводит к определенной конфронтации с устоявшимися лидерами в лице США, ЕС, Японии, в ряде регионов он вступа-

ет в конкуренцию с «растущими гигантами» – Индией, Россией.

Немаловажным фактором успеха Китая в отдаленных регионах мира является, на наш взгляд, его активная роль в развитии неформального переговорного формата – БРИКС, так как кроме Китая в эту структуру как раз входят остальные «растущие гиганты» – лидеры основных глобальных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бог** – Человек – Общество в традиционных культурах Востока / под ред. М.Т. Степанянц, М., 1993. 224 с.
2. **Грачиков Е.** Китай в мировой политике. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/kitay-v-mirovoju-politike>.
3. **Внешняя** политика Китая: обеспечение суверенитета и целей развития // Информ. портал ChinaStar. URL: <http://www.chinastar.ru/rus/1/5/2/>.
4. **Чэнь Чжихао.** Китай и Индия: отношения, вызовы, перспективы. URL: <http://glasru.ru/kitay-i-indiya-otnosheniya-vyizovy-i-perspektivy/>.
5. **Треугольник** Россия – Китай – США в АТР: факторы неопределенности / отв. ред. В.Б. Амиров, В.В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 114 с.
6. **Китайско-латиноамериканские** отношения: «куй железо, пока горячо». URL: <http://www.geopolitics.ru/2013/05/kitajsko-latinoamerikanski-otnosheniya-kuj-zhelezo-poka-goryacho/>.
7. **Китай** и Венесуэла договорились о союзнических отношениях. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1403605/>.
8. **Zhang Chun.** Sino-Africa Relationship: Moving to New Strategic Partnership // Global Rev. Spring. 2013. URL: <http://en.sis.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=15&id=106>.
9. **Дейч Т.** Китай «завоевывает» Африку. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=547#1.
10. **Политическое** и экономическое присутствие КНР в Африке в XXI веке. URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/1167f5b21c0d42f079564cac01712bb9b315dd1a.docx>.
11. **Битва** Китая и Запада за природные ресурсы Африки. URL: <http://topwar.ru/7309-bitva-kitaya-i-zapada-za-prirodnye-resursy-afriki.html>.
12. **China** wants peace in Africa. URL: <http://www.globalissues.org/news/2012/10/13/15045>.
13. **India** offers aid at first summit with african leaders. URL: <http://www.theguardian.com/world/2008/apr/08/india.china?gusrc=rss&feed=networkfront>.
14. **Карлусов В.В.** Арктический вектор глобализации Китая // Российский совет по междунар. делам (РСМД). 15.03.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=244/.
15. Электронный ресурс. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document238775.phtml>.

Chzhou Tszyun'

SPECIAL FEATURES OF THE REGIONAL POLICY IN CHINA

CHZHOU Tszyun' – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

The article discusses the concept of regional foreign policy of China. Provides an analytical analysis of a regional approach in international relations built on the principle of “soft power”. This principle is based on the traditions of Chinese foreign policy. Explores the notion of “soft power” built on the economic impact and cultural impact of the Chinese diaspora. s much greater than the influence of the military and law

enforcement initiatives in the West. This concept was continued during the reign of Mao Zedong. Highlights the different approaches in China's foreign policy region-specific.

INTERNATIONAL RELATIONS; CHINA; REGIONS OF THE WORLD; "SOFT POWER"; GLOBAL PEACE; POLITICAL COOPERATION.

REFERENCES

1. Bog – Chelovek – Obschestvo v traditsionnykh kul'turakh Vostoka. Moscow, 1993. 224 p. (In Russ.)
2. Grachikov Ye. Kitay v mirovoy politike. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/kitay-v-mirovoy-politike>.
3. Vneshnyaya politika Kitaya: obespecheniye suvereniteta i tsey razvitiya. Available at: <http://www.chinastar.ru/rus/1/5/2/>.
4. Chen' Chzhikhao. Kitay i Indiya: otnosheniya, vyzovy, perspektivy. Available at: <http://glasru.ru/kitay-i-indiya-otnosheniya-vyizoyi-perspektivy/>.
5. Treugol'nik Russia – China – USA v ATR: faktory neopredelennosti. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2009. 114 p. (In Russ.)
6. Kitaysko-latinoamerikanskiye otnosheniya: "kuy zhelezo, poka goryacho". Available at: <http://www.geopolitics.ru/2013/05/kitajsko-latinoamerikanskiye-otnosheniya-kuj-zhelezo-poka-goryacho/>.
7. Kitay i Venesuela dogovorilis' o soyuznicheskikh otnosheniyakh. Available at: <http://newsland.com/news/detail/id/1403605/>.
8. Zhang Chun. Sino-Africa Relationship: Moving to New Strategic Partnership. *Global Review*. Spring 2013. Available at: <http://en.sis.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=15&id=106>.
9. Deych T. Kitay "zavoyevyayet" Afriku. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=547#1.
10. Politicheskoye i ekonomicheskoye prisutstviye KNR v Afrike v XXI veke. Available at: <http://regconf.hse.ru/uploads/1167f5b21c0d42f079564cac01712bb9b315dd1a.docx>.
11. Bitva Kitaya i Zapada za prirodnyye resursy Afriki. Available at: <http://topwar.ru/7309-bitva-kitaya-i-zapada-za-prirodnye-resursy-afriki.html>.
12. China wants peace in Africa. Available at: <http://www.globalissues.org/news/2012/10/13/15045>.
13. India offers aid at first summit with african leaders. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2008/apr/08/india.china?gusrc=rss&feed=networkfront>.
14. Karlusov V.V. Arkticheskij vektor globalizatsii Kitaya. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). 15.03.2012. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=244/.
15. Electronic resource. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document238775.phtml>.

DOI 10.5862/JHSS.215.5
УДК 327.7

М.Л. Лагутина, К. Чарумани

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕДУЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

ЛАГУТИНА Мария Львовна – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: manipol@mail.ru

ЧАРУМАНИ Кабун – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: kuboon_11@hotmail.com

В статье дан анализ региональных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выделены их ключевые факторы и специфические черты. Подробно рассмотрена деятельность двух ведущих интеграционных структур региона – Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, проведен их сравнительный анализ. Авторы приходят к выводу, что в современной мировой системе Азиатско-Тихоокеанского региона формируется «азиатская» модель глобальной регионализации.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ; ИНТЕГРАЦИЯ; РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ; АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН; АТЭС; АСЕАН.

В начале XXI века феномен регионализации приобретает особенно важное значение, поскольку процесс образования отдельных регионов сегодня становится неотъемлемой частью процесса глобализации, а также усиливает свои тенденции, становясь наиболее характерной чертой современных мирополитических процессов. Современное развитие показывает беспрецедентный рост различного рода региональных блоков, которые становятся важными элементами мировой системы.

Образование и развитие региональных структур в начале XXI века осуществляется чрезвычайно динамично. Формируются новые региональные центры, охватившие все обитаемые континенты земного шара. Вплоть до недавнего времени Европейский и Североамериканский регионы выступали главными центрами мирового развития. Однако в последнее время исследователи все чаще говорят о «наступлении тихоокеанской эры», «тихоокеанском столетии» [1], о том, что Азиатско-Тихо-

океанский регион (АТР) становится мировым политическим и экономическим центром современности [2].

Сегодня АТР является одним из крупнейших центров международного сотрудничества, международной торговли, финансовых ресурсов и современного производства. Страны данного региона представляют собой значительный и активный социально-экономический и политический потенциал, их роль в современных международных отношениях в последнее время неуклонно возрастает. Это целый ряд уже утвердившихся экономических гигантов, например Китай и Япония, и бурно развивающиеся государства – Республика Корея, Сингапур, Малайзия и др. АТР сегодня является наиболее процветающим и стабильным, чем когда-либо за всю свою историю. Во всех сферах взаимодействия ощущаются усиление доверия и рост интеграционных процессов.

Анализируя региональные интеграционные процессы в АТР, важно уделить внимание эко-

номической интеграции, так как в сфере экономики эти процессы развернулись с наибольшей интенсивностью, они здесь более динамичны, чем в политической области, и подталкивают государства к более тесной политической интеграции. Однако экономическая интеграция не может эффективно развиваться без создания политической структуры, которая обеспечивала бы правовое регулирование взаимодействия интегрирующихся экономик. По мнению российского исследователя Н.А. Ушакова, «экономическая интеграция на межгосударственном уровне не реальна, не имеет смысла, если она не сопровождается созданием адекватной политической межгосударственной структуры в виде того, что описывается термином „конфедерация государств” или термином „наднациональная международная организация”» [3, с. 51]. Вместе с тем необходимо отметить, что создание формальных условий для интеграции (подписание соответствующих договоров и создание наднациональной организации) само по себе отнюдь не обеспечивает развития интеграционных процессов и повышения эффективности интегрирующихся элементов, хотя с этой целью, собственно, эти условия и создаются. Реальная экономическая интеграция, т. е. эффективное взаимодействие экономик, при котором повышается производительность труда, возрастают масштабы производства, увеличивается объем торговли (внутренней и внешней), имеет место прежде всего там, где есть объективная заинтересованность в развитии подобных процессов.

Первые шаги по организации межгосударственного сотрудничества в АТР были предприняты еще во второй половине 1940-х годов [4], однако на общерегиональный уровень интеграционные процессы в экономической сфере в АТР вышли лишь в конце 1980-х. Импульсом этому послужило стремление государств АТР кооперироваться в своем экономическом развитии перед лицом неприкрытого протекционизма и дискриминационной внешнеэкономической политики ЕС и США по отношению к своим партнерам в АТР, а также стремление более полно встраиваться в мирополитические и мирохозяйственные связи [5, с. 3].

Современные тенденции развития интеграционных процессов в АТР определяются двумя факторами: во-первых, этот регион является

ареной взаимодействия всех ключевых игроков мировой политики (Китай, Япония, США, Россия), и, во-вторых, для АТР, как ни для какого другого региона, характерны колоссальные различия в уровнях развития и степени влияния участников интеграционных взаимодействий.

Эти два фактора в совокупности отражаются на характере и формах интеграции в АТР, и, на наш взгляд, именно они определяют существование в регионе таких разных по своей структуре организаций, как, например, Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – это политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация стран Юго-Восточной Азии. Декларация о создании АСЕАН, более известная как Бангкокская декларация, в которой были зафиксированы основные цели организации, была подписана в 1967 году Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами. Договорное оформление АСЕАН произошло лишь в 1976 году с подписанием Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Декларации согласия АСЕАН.

В соответствии с Бангкокской декларацией, целями организации являются ускорение экономического роста, социального прогресса и культурного развития в регионе посредством совместного устремления в укреплении фундамента для процветающего и мирного сообщества стран Юго-Восточной Азии, развитие сотрудничества и взаимопомощи по вопросам, представляющим общий интерес в экономической, социальной, культурной, технической, научной и административной областях, а также установление мира и стабильности в регионе через приверженность принципам Устава ООН [6].

Сразу же после создания АСЕАН испытала «кризис интеграции» сроком в 9 лет, до 1976 года, но этот кризис был обусловлен внешними причинами – интервенцией США во Вьетнаме, а страны-участницы не хотели, чтобы внерегиональные государства вмешивались в региональные интеграционные процессы. Кроме того, важно подчеркнуть, что изначально создание АСЕАН было мотивировано не экономическими причинами, а же-

лением стабилизировать политико-военную ситуацию в регионе.

Первые реальные шаги в области экономической интеграции были сделаны лишь в 1990-х годах, когда к АСЕАН присоединились Бруней (1984), Вьетнам (1995), Лаос и Мьянма (1997), Камбоджа (1999). В 1997 году на II саммите в Куала-Лумпуре (Малайзия) страны – участницы АСЕАН приняли программу комплексного развития сообщества «АСЕАН: взгляд в 2020». В программе была провозглашена цель – содействие динамичному экономическому развитию на основе углубления экономической интеграции, интенсификации и диверсификации взаимного сотрудничества, поддержания макроэкономической стабильности, в том числе благодаря созданию зоны свободной торговли, инвестиционной зоны, интенсификации субрегионального сотрудничества в рамках уже созданных и новых зон экономического роста [7]. В основные среднесрочные перспективы также вошли: создание единой патентной системы с целью защиты прав интеллектуальной собственности (патентов, лицензий, авторских прав и др.); разработка плана развития систем транспорта и связи; использование «принципа открытого неба» в гражданской авиации; создание свободной инвестиционной зоны [Там же]. Кроме того, в программе была поставлена долгосрочная задача создания общего рынка, а также не исключается возможность введения общей валюты (в частности, эксперты МВФ, исследовавшие данный вопрос, определили готовность национальных экономик шести стран к валютному союзу) [8, с. 23].

В начале 1990-х годов в странах – участницах АСЕАН возникла новая форма регионального сотрудничества – создание зон экономического роста, основной целью которого является: транснациональное развитие географически близких регионов трех и более стран на основе совместного использования факторов производства – капиталов, товаров, услуг, природных ресурсов; повышение уровня жизни населения на основе создания новых рабочих мест; повышение уровня развития менее развитых регионов; улучшение экономических, политических и культурных связей с соседними государствами. В целом с участием стран – участниц АСЕАН созданы проекты 4 зон роста,

охватывающих регионы 13 стран и территорий Восточной Азии:

- Южной (объединяет Сингапур, Индонезию и Малайзию);
- Восточно-асеановской (включает Бруней, Индонезию, Малайзию, Филиппины);
- Северной (Индонезия, Малайзия, Таиланд);
- экономической зоны Большой Меконг (в нее входят Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, провинция Янань в КНР) [9, с. 230].

На данном этапе большое внимание уделяется именно развитию зон экономического роста как более узкой и более динамичной формы интеграции на микроуровне. Страны АСЕАН участвуют практически во всех проектах таких зон, разработанных в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В 2003 году на IX саммите АСЕАН была принята декларация, которая, подтверждая стремление к созданию общего рынка к 2020 году, установила конкретные параметры развития экономического сообщества АСЕАН (ЭСА) к 2015 году. Согласно этому документу, ЭСА состоит из зоны свободной торговли и инвестиционной зоны, которые регулируются соответствующими соглашениями. Кроме того, в зоне свободной торговли от таможенных пошлин освобождаются некоторые виды услуг, согласно Рамочному соглашению по услугам. С точки зрения лидеров стран-участниц, этого вполне достаточно для успешного развития экономической интеграции в рамках АСЕАН. Декларация 2003 года ставит задачи по усовершенствованию этих элементов ЭСА к 2015 году.

Помимо интеграции внутри АСЕАН, организацией проводится широкая работа по расширению и укреплению сотрудничества с государствами всего АТР. Это, в частности, нашло отражение в создании механизма партнерских диалогов «10+3» (АСЕАН + КНР, Япония и Южная Корея) и «10+6» (АСЕАН + КНР, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия) – так называемый Восточно-Азиатский саммит. В 2002 году между АСЕАН и КНР было подписано Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве [10], конечной целью которого является создание зоны свободной торговли между Китаем и асеановской «десяткой». В 2005 году подобный документ был подписан между АСЕАН и Республикой Корея [11]. В 2007–2008 годах были

успешно завершены переговоры и подписано Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между АСЕАН и Японией [12]. Таким образом, со стороны АСЕАН началось последовательное продвижение всестороннего сотрудничества в Азии. В 2007 году страны АСЕАН заявили о своем намерении заключить соглашения о свободной торговле с Китаем, Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией к 2013 году, что соответствовало намеченной ранее цели – к 2015 году создать экономическое сообщество АСЕАН.

Для интеграционных процессов в АСЕАН характерно то, что государства-участники очень осторожно и взвешенно подходят к вопросам создания наднациональных институтов и делегирования этим институтам части национального суверенитета. Подтверждением этому служит следующее: во всех официальных документах АСЕАН всегда подчеркивается примат принципа невмешательства во внутренние дела государств-участников. Здесь надо отметить, что Балийский договор о дружбе и сотрудничестве 1976 года, с подписанием которого страны АСЕАН вышли из «кризиса интеграции», в качестве основных принципов взаимоотношений предусматривал: взаимное уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела государств, отказ от принуждения в международных делах и разрешение всех конфликтов мирным путем.

Отличительной чертой политического сотрудничества в рамках АСЕАН до недавнего времени являлся его неформальный совещательный, можно сказать, кулуарный характер в рамках саммитов глав государств и правительств АСЕАН. При этом задекларированные по результатам этих встреч цели и задачи политического, экономического или социально-культурного сотрудничества формулировались соответственно реальным возможностям государств-участников и неизменно с учетом того же принципа невмешательства во внутренние дела. Институциональная структура АСЕАН не была развита, так как в этом не было необходимости. На постоянной основе действовали Секретариат АСЕАН, несколько технических комиссий, обеспечивающих работу по сотрудничеству в политической, экономической и социокультурной областях, а также механизм

разрешения экономических споров, который в 2003 году было решено реформировать с целью эффективного становления экономического сообщества к 2015 году. В 2009 году было подписано Соглашение о свободной торговле между АСЕАН и Новой Зеландией и Австралией, а в 2013 году члены АСЕАН вместе со своими основными торговыми партнерами (Австралия, Китай, Индия, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония) начали переговоры о создании «Всеобъемлющего регионального экономического партнерства» [13].

Страны – участницы АСЕАН, понимая, что для обеспечения конкурентоспособности их блока на международной арене необходимо более тесное и институционализированное сотрудничество, приступили к созданию своей системы институтов. На XIII саммите АСЕАН в 2007 году в Сингапуре был принят Устав АСЕАН, первый официальный документ, имеющий обязательную юридическую силу для всех участников. Этот документ вобрал в себя все наработки АСЕАН в процессе интеграции за предыдущие годы. В нем по-прежнему подчеркивается степень значимости принципов, установленных Договором о мире и сотрудничестве 1976 года, во взаимоотношениях стран-участниц друг с другом, но в то же время упор делается на необходимости создания институтов АСЕАН, решения которых были бы обязательными для всех участников. С момента ратификации Устава АСЕАН начала создаваться комплексная иерархичная система институтов, направленная на консолидацию политического сотрудничества и более тесную экономическую интеграцию.

Согласно Уставу АСЕАН, ее высшим органом является саммит глав государств и правительств АСЕАН, который принимает ключевые политические решения относительно развития организации. Координационный совет АСЕАН, состоящий из министров иностранных дел, обеспечивает работу саммитов глав государств и правительств и координирует работу нижестоящих органов – Советов сообществ: сообщества в области политического сотрудничества и безопасности, экономического сообщества и социокультурного сообщества, которые являются опорами восточноазиатской интеграции. Советам сообществ подчиняются отраслевые министерские рабочие группы. Тех-

ническую работу выполняет Генеральный секретариат АСЕАН, которому подчинены национальные секретариаты, призванные облегчать выполнение решений, имеющих наднациональный характер, в национальных политических, экономических и правовых системах.

Очевидно, что в рамках АСЕАН интеграционные взаимоотношения строятся по принципу «конфедерации» и учреждается наднациональная организация, которая практически не ограничивает суверенитет государств-участников. Отличительной чертой такой системы, на наш взгляд, является совместимость ее иерархичности с функциональным управлением на уровне сообществ АСЕАН. С точки зрения лидеров стран-участниц, это должно обеспечить эффективную политическую, экономическую и культурную интеграцию, без злоупотребления принципом наднациональности. Следует отметить, что если такая система также эффективно скажется на политическом и экономическом сотрудничестве стран-участниц, как и неформальные консультативные механизмы, то АСЕАН сможет существенно углубить интеграционные процессы, что, в свою очередь, потребует дальнейшего совершенствования этой системы.

Одним из последних важнейших саммитов АСЕАН стал саммит, прошедший 12–13 ноября 2014 года в новой столице Мьянмы – Нейпидо. Этот саммит важен по двум причинам:

1) на нем обсуждались последние соглашения по созданию экономического сообщества АСЕАН, которое должно начать работу в 2015 году;

2) в 2014 году в более предметную стадию вошли соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, об экономической кооперации в рамках АТЭС, и проект новой АСЕАН напрямую влияет на перспективы мировой конкуренции за рынки инвестиций Юго-Восточной Азии [14].

Таким образом, АСЕАН представляет собой модель «закрытого» регионализма, так как объединяет исключительно страны Юго-Восточной Азии. В то же время поставить АСЕАН в центр интеграционных процессов в АТР позволяет тот факт, что, консолидируя позиции государств-участников и выступая на международной арене, планомерно и активно углубляя интеграционные процессы внутри блока, АСЕАН интенсивно развивает экономическое сотрудничество и

политический диалог с партнерами по региону и внерегиональными партнерами.

Другим важным интеграционным объединением в АТР, но несколько иного характера, является *Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)*, созданный в 1989 году и включающий 21 государство АТР. Цели его деятельности были официально определены в 1991 году в Сеульской декларации [15]: поддержание экономического роста стран региона; укрепление взаимной торговли; ликвидация ограничений на передвижение между странами товаров, услуг и капиталов согласно нормам ГАТТ/ВТО. Для взаимодействия стран-участниц и реализации поставленных целей АТЭС выработаны следующие механизмы:

- Сотрудничество только в экономической сфере.

С самого начала АТЭС рассматривался не как политически сплоченная группировка стран, а как свободный набор экономик.

- Почти полное отсутствие специального административного аппарата.

АТЭС образован как свободный консультативный форум без какой-либо жесткой организационной структуры или крупного бюрократического аппарата. Главной формой его организационной деятельности с 1993 года являются ежегодные саммиты лидеров стран – участниц АТЭС, в ходе которых принимаются декларации, подводящие общий итог деятельности форума за год и определяющие перспективы его дальнейшей деятельности.

- Отказ от принуждения, деятельность на основе добровольности.

АТЭС работает только на основе консультаций и достижения консенсуса. Главным движущим стимулом выступают позитивные примеры «соседей», стремление им следовать. Страны – участницы АТЭС официально демонстрируют приверженность принципу открытого регионализма, что обычно трактуется как свобода выбора членами АТЭС конкретных механизмов либерализации торговли.

- Приоритетное внимание к информационному обмену.

Основным элементом процесса взаимодействия стран – участниц АТЭС является открытый обмен информацией. Можно сказать, что ближайшей целью этого экономического объединения является не столько единое эконо-

номическое, сколько единое информационное пространство.

Согласно декларации, принятой в Блэйк-Айленде в 1993 году, основной задачей АТЭС является выработка единых правил торговли и инвестиций в АТР, а также содействие экономическому развитию государств региона, укрепление многосторонней системы торговли в регионе, устранение препятствий для свободного движения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы в регионе в соответствии с правилами и нормами ВТО [16].

При этом создаваемые правила торговли и внешнеэкономических отношений представляют собой рамки для развития торгово-экономической интеграции в регионе.

Форум АТЭС, несмотря на свой совещательный характер, имеет довольно разветвленную структуру, во главе которой стоит саммит глав государств и правительств стран-участниц. В рамках его различных органов, служащих такой же совещательной площадкой, ведется диалог по конкретным формам и направлениям сотрудничества. Ярким примером, характеризующим особенности Форума АТЭС, является Богорская декларация, принятая на II саммите АТЭС в 1994 году. Среди всех положений декларации наиболее характерным является положение о целесообразности и готовности (в общем смысле) государств-участников начать работу над формированием зоны свободной торговли [17]. Фактически в рамках Форума АТЭС не принимаются обязательные или договорные решения о сближении экономик, а вырабатываются рекомендации относительно эффективных методов развития интеграционных процессов.

Функционирование Форума АТЭС, с одной стороны, является важным и уже неотъемлемым фактором экономического сотрудничества в АТР, а с другой – не обладает институциональной и юридической основой развития, что не позволяет даже в отдаленном будущем определить возможные формы интеграционных взаимодействий в рамках АТЭС. Но при этом Форум АТЭС выполняет очень важную функцию – представляет собой механизм диалога и обмена информацией, согласования позиций государств по ключевым вопросам экономики, торговли и др., которые были бы невозможны в таких формах при обычном межгосударственном общении.

Сфера деятельности Форума АТЭС постоянно расширяется. Его деятельность началась со скромной программы переговоров о развитии взаимной торговли, но уже на саммите в Осаке в 1995 году странами-участницами было определено более десятка приоритетных сфер деятельности, среди которых взаимодействие по торговым тарифам, международным услугам, инвестициям, стандартизации товаров и услуг, таможенным процедурам, конкурентной политике, посредничеству в спорах и др. [18]. А главной темой IX саммита глав государств и правительств стран АТЭС, прошедшего в 2001 году в Шанхае, была борьба с международным терроризмом, как отклик на события сентября 2001 года в США. Кроме того, было положено начало обсуждению глобализационных процессов и эффективного использования людских ресурсов. Сегодня сфера деятельности АТЭС включает в себя также борьбу с кризисом, урегулирование территориальных споров в регионе (например, между КНДР и Республикой Корея), борьбу с пиратством, охрану окружающей среды, борьбу с изменением климата и др.

Знаковым этапом развития Форума АТЭС, по нашему мнению, стал XVII саммит в Сингапуре в 2009 году, по итогам которого были приняты два важных документа:

- итоговая декларация «К устойчивому развитию и укреплению региональных связей» [19];
- Заявление «Новая парадигма роста для единого Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке» [20].

Из текстов данных документов следует, что именно Форум АТЭС способствует глубокой и всесторонней консолидации стран региона. В декларации говорится о стремлении государств продолжить совместную работу по укреплению тенденции к устойчивому и сбалансированному глобальному экономическому росту, достижению процветания в АТР путем формирования системы свободной и открытой торговли. В Заявлении лидеры стран – участников АТЭС выступили за создание посткризисной модели экономической интеграции в АТР.

Эффективность деятельности и вклад Форума АТЭС в развитие и консолидацию АТР – одна из наиболее обсуждаемых тем в мировом экспертном сообществе. Многие считают, что вследствие разброса уровней развития стран в АТР просто невозможно создать устойчивый

интеграционный блок, но не следует забывать, что Форум АТЭС никогда не ставил целью своей деятельности образование интеграционного объединения по образу и подобию Европейского союза. В основном целью его работы является создание деловой комфортной атмосферы для бизнеса и инвестиций как основного фактора экономического роста в регионе путем обмена опытом, информацией и рекомендациями. Тем не менее, как отмечает российский исследователь Г.М. Костюнина, «заслуга АТЭС – в разработке принципиально новой модели интеграционного взаимодействия, нашедшей проявление в индивидуальных и коллективных планах действий, в ускоренной отраслевой добровольной либерализации и активизации субрегиональных интеграционных проектов» [21].

Важно также подчеркнуть, что Форум АТЭС – нетипичная международная региональная организация, это фактически форум экономик региона, где ведущая роль в интеграционных процессах принадлежит ТНК – развитие экономических связей за счет внутрифирменной торговли ТНК. Важно подчеркнуть, что тем самым АТЭС демонстрирует альтернативный вариант регионализации, где на первый план ставятся экономические интересы и цели интеграции, а сам процесс интеграции происходит не между национальными государствами, а между национальными экономиками. Именно поэтому среди стран – участниц Форума АТЭС наряду с Китаем присутствуют Тайвань и Гонконг. Важной характеристикой стратегии развития АТЭС является ключевая роль бизнес-структур, которые фактически определяют строительство интеграционного здания АТЭС (интеграция «снизу»).

Политика «открытого регионализма» составляет суть региональной интеграции, подразумевающая отсутствие дискриминации в отношении своих членов. Азиатский «открытый регионализм», в отличие от «закрытых» моделей интеграции (по типу Евросоюза и АСЕАН), рассматривается как этап на пути интеграции в глобальную экономику. При этом политика «открытого регионализма» позволяет государствам-участникам одновременно быть членами нескольких интеграционных группировок [22], что создает основу для мировых интеграционных процессов и придает экономическим взаимодействиям государств сетевой характер.

Последний на данный момент саммит АТЭС прошел в Пекине в ноябре 2014 года. Очередной саммит планируется провести в 2015 году на Филиппинах. Основным итогом саммита 2014 года стала договоренность о начале создания в АТР зоны свободной торговли. Кроме того, как сказано в итоговой декларации, страны – участницы АТЭС в ходе встречи в Пекине договорились сворачивать «протекционистские и другие ограничительные меры в отношении торговли», приняли решение поддерживать «интернет-экономику» [23].

Тем не менее интеграционные процессы в АТР наталкиваются на ряд проблем, связанных со стремлением таких держав, как США и Китай, играть ведущую роль в региональных интеграционных процессах. Отражением этого стали последние саммиты АСЕАН и АТЭС, в ходе которых обсуждались дальнейшие пути углубления региональной интеграции. По инициативе США в течение нескольких последних лет обсуждается проект создания *организации Транстихоокеанского партнерства (ТТП)* – зоны свободной торговли и передвижения капитала, которое (в его нынешнем проекте) будет контролироваться не правительствами стран-участниц, а их крупнейшими корпорациями [24].

Впервые проект ТТП был представлен в 2003 году тремя странами – Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. В 2005 году к ним присоединился Бруней, после чего четыре страны подписали Соглашение об учреждении ТТП, вступившее в силу в 2006 году [25]. Согласно тексту этого соглашения, его участники создали зону свободной торговли. Однако в последующие годы эта инициатива не имела особого успеха. В 2008 году интерес к этой структуре проявили США, а затем Австралия, Вьетнам, Перу, Малайзия, Канада и Мексика. Руководство США рассматривало данную структуру как альтернативу АСЕАН и АТЭС. Все это вызвало острую негативную реакцию со стороны китайского руководства и сдержанную оценку со стороны России. В частности, Китай расценил данный проект как ущемляющий китайские экономические интересы в АТР, а Россия не увидела в этом проекте особых перспектив для себя.

В связи с этим китайское руководство предприняло ряд шагов по реализации своего плана будущего интеграционного развития в АТР и

представило на последнем саммите АТЭС альтернативный проект – создание *Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ)*. Согласно этому проекту, Китай будет играть ключевую роль, а корпорации будут подчинены правительствам. Эту идею поддержала российская сторона, а американцы оказались разочарованы такими итогами саммита.

Таким образом, Пекину пока удалось отеснить на задний план проект ТТП, который лоббируют США. Более того, китайский проект для многих стран АТР представляется более привлекательным, так как охватывает все страны – участницы АТЭС, тогда как американский вариант носит ограничительный характер [26].

Подводя итог, можно отметить, что в начале XXI века АТР активно формируется как мировой полюс политической и экономической мощи и один из центров глобальной регионализации. Сегодня интеграция в рамках АТР развивается высокими темпами, качественно меняя прошлые представления об азиатско-тихоокеанском пространстве как о территории плохо стыкующихся между собой экономических систем разных уровней развития. Важнейшая характеристика современного развития АТР – высокая динамика региональных интеграционных процессов. Именно экономическое сотрудничество является локомотивом интеграции стран региона, однако надо отметить, что вслед за экономикой интеграционные процессы начинаются и в политической сфере.

Проведя сравнительный анализ двух ведущих региональных объединений АТР – Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, следует подчеркнуть, что обе структуры являются порождением двух тенденций – глобализации и регионализации. АСЕАН и АТЭС имеют ряд общих черт, но и существенно различаются, представляя собой, по сути, две модели регионализации – соответственно классическую модель региональной интеграции и новую модель экономической трансрегиональной интеграции. Так, АСЕАН является структурой «закрытого регионализма» (включает только страны Юго-Восточной Азии), а АТЭС представляет со-

бой яркий пример «открытого регионализма» (включает в себя ряд субрегиональных группировок). Именно это, на наш взгляд, позволяет двум структурам не конкурировать друг с другом, а цивилизованно сосуществовать в регионе, реализуя свои цели и задачи и выполняя свои функции в условиях современного глобального развития.

Методы работы АСЕАН и АТЭС во многом схожи, но имеются различия в подходах к сотрудничеству в регионе. К общему можно отнести поиск консенсуса при принятии решений, либерализацию торговли в соответствии с принципами ВТО, формальное равенство участников интеграции. Что касается последнего пункта, то на практике здесь прослеживаются явные отличия. Так, если странам – участникам АСЕАН удастся выработать общую позицию по защите своих интересов на внешних рынках, то в АТЭС такого единства часто нет, так как в число членов этой организации входят государства, имеющие часто диаметрально разные интересы (например, на саммите 2014 года ярко проявились разногласия Китая и США в отношении будущего развития интеграционных процессов в АТР), что часто затрудняет поиск консенсуса в рамках АТЭС. В этом случае развитие экономической интеграции тормозит политический фактор.

Тем не менее в современной мировой системе АТР, на наш взгляд, формируется «азиатская» модель глобальной регионализации, которая имеет свои специфические черты. Пример двух рассмотренных азиатско-тихоокеанских региональных структур показал, что специфика интеграционных процессов в регионе связана с политической, экономической, культурной, социальной дифференциацией между странами региона, что непосредственно влияет на особенности формирования отношений между странами, на различия их интересов в рамках интеграционных процессов и подходов к направлениям развития региональных интеграционных тенденций. В этой связи интеграцию азиатских стран следует рассматривать как процесс, а не как интеграционное состояние, которое отличается многообразием форм регионализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иноземцев В.Л.** Контуры посткризисного мира // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13214 (дата обращения: 15.10.2014).
2. **Мартьянова Е.С.** АТЭС vs АСЕАН: генезис, эволюция, перспективы развития // Вестн. междунар. организаций. 2012. № 2 (3). URL: <http://iorj.hse.ru/data/2012/06/08/1252691241/91.pdf> (дата обращения: 12.12.2014).
3. **Ушаков Н.А.** Государство в системе международно-правового регулирования. М.: Изд-во Ин-та государства и права РАН, 1997.
4. **Николаенко А.В.** К вопросу об особенностях развития интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=XXI619#ftn1> (дата обращения: 23.11.2014).
5. **Костюнина Г.М.** Азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция. М.: Изд-во МГИМО, 2002.
6. **Charter of the Association of Southeast Asian Nations.** Singapore, Nov. 20, 2007. URL: <http://www.aseansec.org/publications/ASEAN-Charter.pdf> (дата обращения: 01.12.2014).
7. **ASEAN Vision: 2020.** Singapore, ASEAN Secretariat, 1997.
8. **Bayomi T.** The Suitability of ASEAN for a Regional Currency Arrangement. IMF WP 99/162/IMF, 1999.
9. **Костюнина Г.М.** Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Международная экономическая интеграция: учеб. пособие / под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономика, 2006.
10. **Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Between ASEAN and the People's Republic of China.** Nov. 4, 2002. URL: <http://www.aseansec.org/13196.htm> (дата обращения: 20.11.2014).
11. **Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Among the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of Korea.** Dec. 13, 2005. URL: <http://www.aseansec.org/18063.htm> (дата обращения: 12.12.2014).
12. **Joint Statement on the Conclusion of the Negotiations for the ASEAN-Japan Comprehensive Economic Partnership Agreement.** Nov. 21, 2007. URL: <http://www.aseansec.org/20191.htm> (дата обращения: 13.12.2014).
13. **ASEAN+6 trade bloc in the making.** URL: <http://investvine.com/asean6-trade-bloc-in-the-making/> (дата обращения: 10.12.2014).
14. **Таможенный союз берет АСЕАН в торговый оборот. Партнерства с Юго-Восточной Азией ищут Россия, США, Китай, Индия и Япония.** URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2609310> (дата обращения: 10.12.2014).
15. **Seoul Declaration, Seoul, Republic of Korea.** Nov. 13–14, 1996. URL: http://www.apec.org/apec/documents_reports/science_and_technology_ministerial_meetings/past_meetings/MedialibDownload.v1.html?url=/etc/medialib/apec_media_library/downloads/ministerial/sectoral/s_t/1996.Par.0002.File.v1.1 (дата обращения: 12.12.2014).
16. **APEC Leaders Economic Vision Statement.** URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1993.html (дата обращения: 12.12.2014).
17. **APEC Economic Leaders Declaration of Common Resolve.** URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/1994.html (дата обращения: 10.12.2014).
18. **Итоги Саммита АТЭС 1995.** URL: <http://apec2012.ru/content/?a=324&s=168&p=1> (дата обращения: 12.12.2014).
19. **Декларация по итогам 17-й встречи лидеров экономик – участниц АТЭС «К устойчивому развитию и укреплению региональных связей».** 15 ноября 2009 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/373 (дата обращения: 11.12.2014).
20. **Сингапурское заявление глав государств и правительств АТЭС «Новая парадигма роста для единого Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI веке»** 15 ноября 2009 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/374 (дата обращения: 12.12.2014).
21. **Костюнина Г.М.** Азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция: основные тенденции, проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 401 с. URL: <http://www.disscat.com/content/aziatsko-tikhookeanskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-osnovnye-tendentsii-problemy-i-perspek#ixzz3LoYDkRqs> (дата обращения: 13.12.2014).
22. **Единое экономическое пространство: возможности интеграции со стороны бизнеса и «открытого регионализма».** URL: <http://www.alebedev.ru/media/593.html?print=1> (дата обращения: 12.12.2014).
23. **Саммит АТЭС в Пекине-2014** завершен, страны-участницы договорились развивать «интернет-экономику» и сворачивать меры протекционизма. URL: <http://www.fontanka.ru/2014/11/11/195/> (дата обращения: 05.12.2014).
24. **Яковина И.** Путин назвал США сделал Россию колонией Китая. URL: <http://nvua.net/publications/putin-nazlo-ssha-sdelal-rossiyu-koloniyey-kitaya-20130.html> (дата обращения: 05.12.2014).
25. **Trans-Pacific Partnership (TPP).** URL: <http://www.ustr.gov/tpp> (дата обращения: 12.12.2014).
26. **Саммит АТЭС** прошел по сценарию Пекина. URL: http://ukropnews.com/news/_2036.html (дата обращения: 05.12.2014).

M.L. Lagutina, K. Charumani

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MAIN REGIONAL ORGANIZATIONS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

LAGUTINA Mariya L. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: manipol@mail.ru

CHARUMANI Kabun – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: kuboon_11@hotmail.com

This article is devoted to analysis of regional integrational processes in the Asia-Pacific region. The authors define some key factors and specific traits of the integration in the region. In this article it is regarded the activity of the two main integrational organizations in the region – Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) and Association of South-East Asian Nations (ASEAN), they are compared. The author's conclusion is that a new "Asian" model of global regionalization is forming as an element of the world system.

POLITICAL PROCESSES; INTEGRATION; REGIONALIZATION; GLOBALIZATION; INTERNATIONAL ORGANIZATION; THE ASIA-PACIFIC REGION; APEC; ASEAN.

REFERENCES

1. Inozemtsev V.L. [Contours of the post-crisis world]. *Russia in the global politics*, 2009, no. 3. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13214 (accessed: 15.10.2014).
2. Martynova E.S. [APEC vs ASEAN: genesis, evolution, perspectives of development]. *International Organisations Research J.*, 2012, no. 2 (3). Available at: <http://iorj.hse.ru/data/2012/06/08/1252691241/91.pdf> (accessed: 12.12.2014).
3. Ushakov N. *Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* [The state in the system of international law]. Moscow, Institute of state and law RAN Publ., 1997. (In Russ.)
4. Nikolaenko A.V. [To the question of peculiarities of integrational development of countries in the Asia-Pacific region]. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=XXI619#ftn1> (accessed: 23.11.2014).
5. Kostunina G.M. *Aziatsko-tihookeanskaya ekonomicheskaya integratsiya* [Asia-Pacific Economic Integration]. Moscow, MGIMO Publ., 2002. (In Russ.)
6. Charter of the Association of Southeast Asian Nations. Singapore, Nov. 20, 2007. Available at: <http://www.aseansec.org/publications/ASEAN-Charter.pdf> (accessed: 01.12.2014).
7. ASEAN Vision: 2020. Singapore, ASEAN Secretariat, 1997.
8. Bayomi T. The Suitability of ASEAN for a Regional Currency Arrangement. IMF WP 99/162/ IMF, 1999.
9. Kostunina G.M. [Association of South-East Asian Nations (ASEAN)]. *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya* [International economic integration]: manual. Moscow, Economist Publ., 2006. (In Russ.)
10. Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Between ASEAN and the People's Republic of China. Nov. 4, 2002. Available at: <http://www.aseansec.org/13196.htm> (accessed: 20.11.2014).
11. Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Among the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of Korea. Dec. 13, 2005. Available at: <http://www.aseansec.org/18063.htm> (accessed: 12.12.2014).
12. Joint Statement on the Conclusion of the Negotiations for the ASEAN-Japan Comprehensive Economic Partnership Agreement. Nov. 21, 2007. Available at: <http://www.aseansec.org/20191.htm> (accessed: 13.12.2014).
13. ASEAN+6 trade bloc in the making. Available at: <http://investvine.com/asean6-trade-bloc-in-the-making/> (accessed: 10.12.2014).
14. [The Custom union takes ASEAN into commercial intercourse. Russia, the USA, China, India and Japan are looking for a partnership with South-East Asia]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2609310> (accessed: 10.12.2014).

15. Seoul Declaration, Seoul, Republic of Korea. Nov. 13–14, 1996. Available at: http://www.apec.org/apec/documents_reports/science_and_technology_ministerial_meetings/past_meetings.MedialibDownload.v1.html?url=/etc/medialib/apec_media_library/downloads/ministerial/sectoral/s_t/1996.Par.0002.File.v1.1 (accessed: 12.12.2014).
16. APEC Leaders Economic Vision Statement. Available at: http://www.apec.org/apec/leaders__declarations/1993.html (accessed: 12.12.2014).
17. APEC Economic Leaders Declaration of Common Resolve. Available at: http://www.apec.org/apec/leaders__declarations/1994.html (accessed: 10.12.2014).
18. [Resume of the APEC's summit in 1995]. Available at: <http://apec2012.ru/content/?a=324&s=168&p=1> (accessed: 12.12.2014).
19. [2009 Leaders' Declaration. Singapore Declaration – Sustaining Growth, Connecting the Region]. Nov. 15, 2009. Available at: http://news.kremlin.ru/ref_notes/373 (accessed: 11.12.2014).
20. [A new growth paradigm for a connected Asia-Pacific in the 21st century. Statement by APEC Leaders Singapore]. Nov. 14–15, 2009. Available at: http://news.kremlin.ru/ref_notes/374 (accessed: 12.12.2014).
21. Kostunina G.M. *Aziatsko-tihookeanskaya ekonomicheskaya integratsiya: osnovnye tendentsii, problemy i perspektivy*. Avtoref. kand. dis. [Asia-Pacific economic integration: main trends, problems and perspectives Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2003. 401 p. Available at: <http://www.disscat.com/content/aziatsko-tikhoookeanskaya-ekonomicheskaya-integratsiya-osnovnye-tendentsii-problemy-i-perspek#ixzz3LoYDkRqs> (accessed: 13.12.2014).
22. [United economic space: opportunities of integration from business and “open regionalism”]. Available at: <http://www.alebedev.ru/media/593.html?print=1> (accessed: 12.12.2014).
23. [APEC Summit in Beijing-2014 is finished, member-states agreed to develop “Internet economy” and reduce measures of protectionism]. Available at: <http://www.fontanka.ru/2014/11/11/195/> (accessed: 05.12.2014).
24. Yakovina I. [Putin made Russia as a colony of China to spite the USA]. Available at: <http://nvua.net/publications/putin-nazlo-ssha-sdelal-rossiyu-koloniey-kitaya-20130.html> (accessed: 05.12.2014).
25. Trans-Pacific Partnership (TPP). Available at: <http://www.ustr.gov/tpp> (accessed: 12.12.2014).
26. [APEC Summit passed according to scenario of Beijing]. Available at: http://ukropnews.com/news/_2036.html (accessed: 05.12.2014).

РОЛЬ ФИНЛЯНДИИ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИЯ – ЕС

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: pogodin56@mail.ru

В статье рассматривается политика Финляндии в отношении России и Европейского союза. Основное внимание уделено ее роли в формировании позитивных отношений между этими двумя субъектами мировой политики. Данная политика Финляндии выступает своеобразным связующим звеном между европейским и российским векторами ее внешней политики. Одним из главных направлений международной деятельности Финляндии стало расширение интенсивности финляндско-российского политического диалога. Такая политика во многом содействует повышению авторитета Финляндии в Европейском союзе.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА; РОССИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОВЕТ.

Внешнеполитическая деятельность Финляндии всегда была тесно связана с Европейским союзом (ЕС). После вступления страны в ЕС одним из приоритетных направлений ее международной деятельности стало формирование позитивной связи между ЕС и Россией. Данная политика выступает своеобразным связующим звеном между европейским и российским векторами внешней политики Финляндии. Одним из главных направлений международной деятельности страны стало расширение интенсивности двустороннего политического диалога с Россией. Такая политика во многом содействует повышению авторитета Финляндии в ЕС.

В период с 1995 по 2008 год Финляндия ставила своей задачей в политике с ЕС показать свою значимость как государства, способного быть посредником в его отношениях с Россией, однако конкретной стратегии Финляндии как посредника сформулировано не было. Попыта-

ется определить вклад этой страны в поддержание сотрудничества между ЕС и Россией.

Безусловно, позиция Финляндии по этому вопросу имеет позитивный характер. Как отмечает исследователь И.Н. Новикова, Финляндия – это одно из государств, проявляющих наибольшую активность в налаживании отношений между ЕС и Россией [1, с. 106]. В активе Финляндии конструктивное содействие принятию в 1999 году Общей стратегии Европейского союза в отношении России. Результатом активной деятельности Финляндии стали инициатива и разработка проекта «Северное измерение», главной целью которого было развитие отношений между ЕС и Россией. Дальнейшее развитие идеи проекта проявилось в периоды председательства Финляндии в ЕС в 1999 и 2006 годах [2].

В начале периода первого председательства Финляндии в ЕС в 1999 году она планировала

осуществить большую работу в вопросе укрепления отношений между ЕС и Россией. Однако значительная часть планируемых мероприятий была сорвана из-за войны в Чечне. Попали под сомнение продвижение и реализация Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией [3, с. 122]. Следует отметить и тот факт, что многие политические деятели Финляндии в этой непростой ситуации высказывались в поддержку их сотрудничества [4, с. 58]. Такая позиция не означала, что в практической деятельности, а именно в кризисных ситуациях те же политические деятели вставали на сторону ЕС и не осуществляли никаких действий в вопросе урегулирования отношений между ним и Россией.

Политическое руководство страны выступало за конструктивную политику в вопросе отношений между этими двумя субъектами международной политики, но в начале 2000-х годов появилось мнение, что Финляндии не следует возлагать на себя бремя ответственности за нормализацию отношений ЕС – Россия. Эту точку зрения высказал в 2006 году министр иностранных дел Э. Туомиоя, комментируя ход переговоров по новому всеобъемлющему соглашению между ЕС и Россией: «Как пограничное государство, мы особо заинтересованы в том, чтобы переговоры были начаты и чтобы они быстро продвигались. Несмотря на это Финляндия не является одной из тех стран, которых подозревают в том, что они преследуют собственные интересы и ищут собственной выгоды за счет общеевропейской политики» [5, с. 10]. Это свидетельствует о стремлении Финляндии занимать сдержанную и осторожную позицию в развитии отношений между ЕС и Россией.

Исходя из этой позиции Финляндии, можно сделать вывод, что основными приоритетами в международной политике страны являются стремление поддерживать общеевропейскую политику и предпринимать некоторые действия со своей стороны, но при этом оставаясь в рамках общей политики ЕС. Например, экспортные пошлины на древесину из России можно было бы установить на основе двусторонних соглашений Финляндии и России, однако Финляндия предпочла действовать согласно правилам ЕС [4, с. 60].

Можно сделать предположение, что двусторонние отношения России и Финляндии и ее

членство в ЕС могут положительно сказаться на отношениях ЕС и России. Во внешней политике Финляндии всегда одновременно сосуществовали и полноценно развивались двусторонние отношения с Россией и политика интеграции страны в ЕС. В такой политике заинтересованы все три участника международных отношений.

Для России наибольший интерес представляют двусторонние отношения с Финляндией, что является гораздо более эффективным, чем развитие сотрудничества с Брюсселем. Европейский союз заинтересован в заметной и одновременно сдержанной общеевропейской политике Финляндии по отношению к России. В этой связи представляется значимым многосторонний опыт Финляндии в отношениях с Россией. Использование этого богатого и плодотворного финского опыта способствовало бы не только укреплению безопасности ЕС, но и развитию многостороннего сотрудничества с Россией. Европейский союз нуждается в Финляндии и как проводнике в отношениях с Россией, в развитии ценностей европейского сообщества. Как подчеркивает К. Мёттёля, вклад Финляндии должен быть не только материальным, но и нормативным, т. е. должен проявляться в усилении и нормативной власти и лидерства ЕС [Там же. С. 63].

При наличии активно развивающихся связей между Россией и Финляндией в области экономики и безопасности их следует дополнить и участием Финляндии в диалоге между ЕС и Россией и по поводу европейских ценностей.

Выступая в роли посредника в отношениях между ЕС и Россией, Финляндия может только выиграть. Во-первых, ее участие в «наведении мостов» между двумя акторами международных отношений будет способствовать повышению авторитета страны в общей политике ЕС. Во-вторых, такая политика Финляндии оказала бы позитивное влияние и на развитие двусторонних финляндско-российских отношений.

После вступления в ЕС Финляндия расширила свой внешнеполитический инструментарий, дополнив его новыми положениями, определяющими ее членство в ЕС. Среди них – институциональная роль ЕС, его политический вес на международной арене и материальные ресурсы, а также его нормативная власть [Там же. С. 58]. Эти положения реализуются во внешней политике страны, и в част-

ности в восточном ее направлении. В долгосрочной перспективе введение их в действие будет способствовать повышению роли страны в Европе. Принятие такой политики приведет к осознанию необходимости появления новых специалистов во всех сферах сотрудничества с Россией. Выступая в июле 2008 года, А. Стубб подчеркнул: «Помимо экспертов и исследователей, занимающихся исключительно Россией, требуется также всё больше специалистов в различных областях, которые не только обладали бы полноценной квалификацией, но и в достаточной степени знали русский язык и культуру. Знания о России должны стать неотъемлемой частью многих специальностей и не быть загадочной областью» [6].

Привлекая новых специалистов в различных областях сотрудничества с Россией, Финляндия получает дополнительную информацию о стране. Такая практика дает ей возможность не только выступать ведущим специалистом по России в рамках ЕС, но и выстраивать свою конструктивную восточную политику.

Одним из очень важных вопросов во внешнеполитической деятельности Финляндии по формированию политики ЕС в отношении

России является европеизация, которая понимается финскими политиками как процесс передачи элементов отношений с Россией, а также элементов восточной политики с национального уровня на уровень ЕС. Исходя из этого принципа, Финляндия как член ЕС выступает за то, чтобы ЕС в своих отношениях с Россией начал руководствоваться теми же принципами, что и Финляндия [7]. Однако сегодня это желание не имеет никакой четкой стратегической направленности. Высказывания политических деятелей Финляндии по этому вопросу носят довольно расплывчатый характер.

В современных реальностях по вопросам, связанным с Россией, Финляндия, с одной стороны, занимает четкую позицию, построенную на принципах безоговорочного принятия общеевропейских положений ЕС, а с другой стороны, не выстраивает позицию, отличную от позиции ЕС, в отношении России. В этой связи следует отметить, что принятие на себя Финляндией более заметной и влиятельной роли некоего лидера, эксперта и связующего звена в отношениях ЕС и России могло бы стать важным перспективным проектом финской внешней политики на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Novikova I.** Transformations of Finland's Policy Towards Russia in the Post-Cold War Period // *International Relations: from Local Changes to Global Shifts*. Ed. by D. Katsy. St. Petersburg, 2007.

2. **A Strong** and Open Europe into the New Millennium: Programme for the Finnish EU presidency. URL: <http://presidency.finland.fi/default.html> (6.3.2009); Preliminary agenda for Finland's presidency of the EU (24.05.06).

3. **Raunio T., Tiilikainen T.** Finland in the European Union. Franc Cass; London – Portland, OR, 2003.

4. **Möttölä K.** Membership of the European Union as a Normative Turn in Finnish Foreign Policy: the Case of Russia // *Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations*. Ed. by

H. Rytävuoari-Apunen. Aleksanteri Series. Helsinki: Gummerus, 2008.

5. **Interviews** with Vanhanen M., Tuomioja E., Lehtomäki P., Kosonen E. // *Suomi EU:n puheenjohtajana 2006*. Eurooppatiedotus. Julkaisut. 31.5.2006. URL: <http://www.eurooppa-tiedotus.fi/public/default.aspx?contentid=95974&nodeid=37843&contentlan=1&culture=fi-FI> (24.11.2008).

6. **Stubb A.** Puhe Venäjältä. 15.7.2008. URL: <http://www.alexstubb.com/fi/index.php?trg=publication&id=39&item=385> (17.12.2009).

7. **Lappalainen T.** Ensimmäiset viisi vuotta // *Suomi 5 vuotta Euroopan unionissa*. Eurooppatiedotus. Julkaisut. 2.8.2002. URL: <http://www.eurooppa-tiedotus.fi/doc/fi/julkaisut/suomi5vuotta/index.html> (30.1.2009).

S.N. Pogodin

FINLAND'S ROLE IN THE EU – RUSSIA RELATIONS

POGODIN Sergey N. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: pogodin56@mail.ru

The article considers the policy of Finland to Russia and the European Union. Emphasis is placed on the role of Finland in the formation of a positive relationship between the EU and Russia. This policy serves as a connecting link between the European and Russian Foreign Policy in Finland. One of the main international activities of the country has been the expansion of the intensity of bilateral political dialogue between the two countries. This policy largely contributes to raising the credibility of Finland in the European Union. An analysis of Finland's foreign policy is as the link between the European and Russian foreign policy vectors.

FOREIGN POLICY; RUSSIA; FINLAND; THE EUROPEAN UNION; EUROPEAN COUNCIL.

REFERENCES

1. Novikova I. Transformations of Finland's Policy Towards Russia in the Post-Cold War Period. *International Relations: from Local Changes to Global Shifts*. St. Petersburg, 2007.
2. A Strong and Open Europe into the New Millennium: Programme for the Finnish EU presidency. Available at: <http://presidency.finland.fi/default.html> (6.3.2009); Preliminary agenda for Finland's presidency of the EU (24.05.06).
3. Raunio T., Tiilikainen T. Finland in the European Union. Franc Cass; London – Portland, OR. 2003.
4. Möttölä K. Membership of the European Union as a Normative Turn in Finnish Foreign Policy: the Case of Russia. *Russia Forever? Towards Working Pragmatism in Finnish/Russian Relations*. Aleksanteri Series. Helsinki, Gummerus, 2008.
5. Interviews with Vanhanen M., Tuomioja E., Lehtomäki P., Kosonen E. *Suomi EU:n puheenjohtajana 2006*. Eurooppatiedotus. Julkaisut. 31.5.2006. Available at: <http://www.eurooppa-tiedotus.fi/public/default.aspx?contentid=95974&nodeid=37843&contentlan=1&culture=fi-FI> (24.11.2008).
6. Stubb A. Puhe Venäjältä. 15.7.2008. Available at: <http://www.alexstubb.com/fi/index.php?trg=publication&id=39&item=385> (17.12.2009).
7. Lappalainen T. Ensimmäiset viisi vuotta. *Suomi 5 vuotta Euroopan unionissa*. Eurooppatiedotus. Julkaisut. 2.8.2002. Available at: <http://www.eurooppa-tiedotus.fi/doc/fi/julkaisut/suomi5vuotta/index.html> (30.1.2009).

DOI 10.5862/JHSS.215.7

УДК 329

Ван Цзюньтао

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В АРКТИКЕ

ВАН Цзюньтао – преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: juntao2013@yandex.ru

В статье особое внимание уделено возрастающей геополитической значимости Арктического региона, который приобретает глобальные характеристики. На основе анализа работ западных геополитиков констатируется значимость территории не в центре Евразии, а на ее периферии. Детально рассмотрены работы шведской исследовательницы Л. Якобсон, которая в своей работе «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда» высказывает мысль, что именно Китай может оказаться ключевой фигурой в развитии Арктического региона благодаря своим глобальным экономическим возможностям. Сегодня этот регион становится ареной столкновения и противоборства глобальных интересов ряда стран.

АРКТИКА; АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН; ЕВРАЗИЯ; КИТАЙ; ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ; ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР; ЭКОНОМИКА; СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ; СОТРУДНИЧЕСТВО.

Современные геополитические реалии таковы, что в условиях XXI века меняется вектор мирополитических взаимодействий и противостояний с «Запад – Восток» на «Север – Юг». Это касается не только концепции «богатый Север – бедный Юг», но также и теоретических разработок относительно смещения политико-экономических интересов и мировых торговых путей в Северное полушарие. Особо в этой связи нужно подчеркнуть возрастающую геополитическую значимость Арктического региона, который приобретает глобальные характеристики:

- во-первых, Арктический регион включает в себя обширные территории части Евразии, Северной Америки, Северный Ледовитый океан, а также части Тихого и Атлантического океанов;

- во-вторых, эти огромные территории до сих пор не имеют четкого юридического статуса, но обладают огромным ресурсным потенциалом (энергетические ресурсы, биологические, транспортно-коммуникационные и т. д.);

- в-третьих, в современном глобальном мире именно в Северном полушарии оказались сосредоточены ведущие страны – лидеры миро-

вой политики и экономики XXI века, а значит, главная ось мировой экономики постепенно смещается с юга на север, что в будущем, безусловно, окажет существенное воздействие на геополитическую и геоэкономическую структуру мира [1].

Здесь уместно вспомнить классические теоретические разработки западных геополитиков Х.Дж. Маккиндера [2] и Н.Дж. Спайкмена [3], которые ввели в научный оборот ряд терминов, помогающих понять геополитические события современности. По мнению Маккиндера, важным понятием, дающим ключ к объяснению современных геополитических реалий, является понятие «Мировой остров» или «осевое пространство мира» (Хартленд). Контроль над этим пространством обеспечивает соответствующим государствам доступ к мировой власти и господству. В свою очередь, Спайкмен считал, что геополитически значимые территории расположены не в центре Евразии, а на ее периферии (Римленд). По мнению геополитиков, значимость Хартленда определяется прежде всего энергетическими ресурсными и транзитными возможностями, а важность Римленда – доступом к Мировому океану.

Сегодня данные геополитические концепты кажутся как никогда актуальными, что подтверждает своими научными изысканиями американский геолог Л. Смит. В своей книге «Новый Север: мир в 2050 году» [4] он как раз отмечает смещение мирополитической и мировой экономической оси не с запада на восток и не с севера на юг, а в сторону «Нового Севера» — следующего этапа мирового развития. В число стран «Нового Севера» или «Северного Рима» — «НОРК» (NORC) исследователь включил страны «арктической восьмерки», и, по его мнению, именно эти страны будут контролировать огромную территорию (суша и море), которую он определил как новый «Северный Рим». Таким образом, будет установлен новый мировой порядок — Pax Nordica.

В результате такого смещения геополитического центра мирового развития на север новое значение приобретает Арктический регион. В связи с этим в последнее время появилось большое количество работ экспертов, которые анализируют роль тех или иных государств в современной арктической геополитической игре. Так, по мнению шведской исследовательницы Л. Якобсон, которое она аргументировала в работе «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда» [5, с. 13], именно Китай может оказаться ключевой фигурой в развитии Арктического региона благодаря своим глобальным экономическим возможностям и в то же время потребностям в энергетических ресурсах и транспортных путях. Эта же идея нашла свое отражение в высказываниях китайских экспертов. Так, например, китайский ученый Ли Жэньфу (Даляньский морской университет) высказал мнение, что в ближайшем будущем контроль над Арктикой будет определять господствующие позиции в мировой политике и экономике [6]. Подобные заявления имеют под собой вполне очевидную геополитическую основу.

Таким образом, сегодня Арктический регион становится ареной столкновения и противоборства глобальных интересов целого ряда стран. По мнению Н.А. Васильевой и китайского эксперта Ван Ч., на основе анализа национальных интересов в овладении богатствами Арктического региона можно предложить следующую классификацию стран, участвующих в этом противостоянии:

- государства, которые стремятся к арктической суверенизации (Россия, Канада, Норвегия, Дания);
- государства, которые настаивают как на интернационализации, так и на своих арктических интересах (США, Финляндия, Исландия);
- неарктические государства, позиция которых направлена на глобализирование Арктического региона и на прагматическое взаимодействие с арктическими странами (Китай, Япония, Южная Корея, Германия, Великобритания, Франция, Италия).

В контексте данной статьи наибольший интерес представляет третья группа стран, в число которых входит Китай. Эти страны объединяет отсутствие прямого географического выхода к Северному Ледовитому океану, в связи с чем они предпринимают активные усилия в рамках международного права (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.) по обоснованию своих претензий на участие в освоении богатств Арктики. В связи с этим данная группа стран стремится доказать, что к Арктическому региону следует применить международно-правовую формулу «общечеловеческого наследия». Другими словами, эти страны выступают за интернационализацию Арктики по образцу Антарктики. Китай наиболее активно отстаивает эти позиции посредством лоббирования своих интересов в арктических международных институтах и бизнес-проектах.

В Китае концепция интернационализации Арктики в последние годы стала одной из ведущих теоретических и стратегических разработок ученых. Весной 2010 года контр-адмирал Инь Чжо заявил, что «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти». Несколько позже в этом же ключе высказался научный сотрудник Шанхайского института международных исследований Чэном Баочжи, заявивший, что не может представить себе, чтобы неарктические государства оставались пользователями арктических морских маршрутов и потребителями энергоресурсов Арктики без возможности участия в процессе принятия решений и что конец монополии циркумполярных держав в арктических вопросах становится абсолютной необходимостью. Подобные заявления вызвали негативную реакцию со стороны арктических стран, так как концепция интернационализа-

ции предполагает полное исключение национальных государств и их суверенных прав в Арктике. В дальнейшем, чтобы не вызывать дипломатических конфликтов, китайские официальные лица смягчили свою политическую риторику, но сохранили ее общий смысл. Тем не менее во внешнеполитических инициативах Китая в отношении Арктики просматривается стремление внести раскол в единство «арктической пятерки», настаивающей на своих географических предпочтениях относительно ресурсов Арктики. В этой связи Китай активно продвигает идею о необходимости распространения статуса общечеловеческого наследия для региона Арктики подобно Антарктике, а также конкретно в отношении Северного морского пути (Россия) и Северо-Западного прохода (Канада)¹.

Китайские исследователи и эксперты аргументируют свою позицию в отношении интернационализации Арктики как объекта международного права, при этом фактически ставя знак равенства между правами собственно арктических и неарктических стран, прежде всего Китая.

Арктические государства настороженно относятся в этой связи ко всем инициативам и предложениям Китая в Арктике, так как опасаются, что Пекин будет претендовать на реальные контрольные функции над арктическими морскими путями, но пока Китай ведет себя достаточно осторожно и лишь обсуждает эту тему в научных кругах, прощупывая позиции по этому вопросу арктических и неарктических стран.

Еще один важный нюанс связан с тем, что в ответ на запросы Китая объявить арктические морские пути общим достоянием человечества мировое сообщество потребует от Пекина предоставления аналогичного статуса для пролива Хайнань между островной и материковой час-

тями Китая. Данная тема активно обсуждается специалистами по международному сотрудничеству в Арктике. В этой связи важной представляется точка зрения профессора Дж. Краска, который считает, что позиция Китая по спорным территориям в Южно-Китайском море привела к тому, что страны региона объединились, чтобы противостоять КНР. Индия, Япония, Вьетнам, Южная Корея, Филиппины и даже Малайзия и Индонезия объединились, чтобы помешать попыткам Пекина захватить власть в Южно-Китайском море. Скорее всего, в Арктике будет происходить то же самое, но с одной оговоркой: из-за удаленности от региона влияние Китая будет менее выражено.

Наряду с концепцией интернационализации, «арктическая тема» рассматривается китайскими учеными в рамках так называемой концепции «географической близости Китая к Арктической зоне», согласно которой географическая близость КНР в сравнении с другими неарктическими странами интерпретируется как право Китая на особые (отличные от интересов остальных неарктических стран) права и национальные интересы в этом регионе, что, в частности, означает китайскую политику противодействия «незаконной суверенизации» арктических территорий. Данная концепция служит обоснованием для китайских экономических притязаний на развитие перевозок по Северному морскому пути. В связи с этим китайцы предпринимают серьезные шаги по созданию своего ледокольного флота. Первый китайский ледокол «Снежный дракон» («Xuelong») был приобретен у Украины в 1993 году. Изначально тренировки китайского экипажа «Снежного дракона» осуществлялись под руководством украинского капитана, но сегодня Китай располагает уже собственной командой подготовленных специалистов. Летом 2012 года китайское руководство заключило контракт с руководством Финляндии о строительстве второго ледокола для Китая. Планы Китая по освоению Северного морского пути амбициозны. В соответствии с китайскими долгосрочными прогнозами к 2020 году по Севморпути пойдет от 5 до 15 % китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок, а 10 % китайского внешнеторгового оборота будет соответствовать 526 млрд евро. Таким образом, арктический вектор внешней политики

¹ Попытки интернационализировать Северный морской путь (СМП) предпринимались Германией, Великобританией и США еще в 40-х годах XX века, но им было отказано в этом советскими властями. В частности, СССР было предложено создать трехстороннюю компанию по эксплуатации СМП. В начале XXI века арктические соседи России также намерены внести в Комитет ООН по морскому праву предложения по интернационализации СМП.

Китая выходит на первый план в его геоэкономических и геополитических стратегиях.

Для осуществления на практике концепции «географической близости Китая к Арктической зоне» китайское руководство предприняло ряд важных дипломатических шагов, что нашло выражение, в частности, в политике сближения со странами Северной Европы и другими сильными неарктическими странами. В этой связи Китай уделяет особое внимание Исландии, географическое положение которой дает основания считать ее «Северным Сингапуром». Причина тому – изменение климата и таяние льдов, в результате чего выгодные торговые пути в северных широтах будут проходить мимо Исландии, которая станет важным транспортным узлом (хабом). Именно поэтому Китай принял решение о строительстве в Рейкьявике комплекса своего посольства. Подобные планы вызывают естественные опасения у стран, традиционно строящих свою экономику на важности южных торговых путей, которые находятся в их непосредственной близости и обеспечивают им конкурентные преимущества в мировой торговле (например, Сингапур, Панама, Египет).

Вторая страна Северной Европы, с которой Китай стремится развивать полномасштабные отношения и которая, в свою очередь, поддерживает китайские арктические претензии, – это Норвегия. Существуют совместные планы двух стран по организации научных экспедиций в Арктике. Норвегия официально поддержала Китай в его стремлении стать полноценным наблюдателем Арктического совета. Отношения Китая и Норвегии имеют относительно длительную историю. Еще в 2004 году на норвежском Шпицбергене была основана первая китайская заполярная научная станция «Хуанхэ» («Желтая река»).

Особый интерес китайские бизнес-круги проявляют и к Дании, а точнее, к ее арктической части – Гренландии. Особенностью датской программы по развитию Арктического региона до 2020 года является потребность в крупных зарубежных инвестициях, что сразу привлекло внимание китайской стороны. Так, государственная корпорация «Sichan Xinue Mining» стала инвестором крупного международного горнодобывающего проекта на гренландском железорудном месторождении Исуа.

В перспективе к проекту предполагают подключиться и другие китайские компании, такие как «Jiangxi Zhongrun Mining» и «Jiangxi Union Mining». Кроме того, китайцы добиваются заключения контракта на разработку месторождения Кванефельд.

Приведенные примеры говорят о том, что Китай в последние годы методично и целенаправленно проводит активную политику по привлечению на свою сторону малых арктических государств с тем, чтобы в перспективе подписать соглашение о создании зоны свободной торговли, а также для дальнейшего укрепления своих позиций в Арктическом совете.

Третья концепция, лежащая в основе современной внешней политики Китая в Арктике, – *концепция Северного шелкового пути*. Данная концепция подразумевает, что в условиях глобального мирового переустройства и смещения мировых геополитических центров контроль над Арктикой автоматически представляет собой контроль над всей мировой экономикой и над новыми подходами к мировым рынкам.

Концепция Северного шелкового пути представляет собой одну из составных частей глобального внешнеполитического проекта Китая, о котором в одном из своих выступлений говорил вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ. Он, в частности, подчеркнул, что внешняя политика его страны продиктована внутренними программами развития и в настоящее время перед Китаем стоят два глобальных вызова – безопасности и экономического развития. В этой связи КНР активно прорабатывает концепцию «экономического пояса Шелкового пути». Отсюда можно констатировать, что для Китая крайне важно создать некие экономические коридоры («шелковые пути») как на Севере, так и на Юге, которые способствовали бы торгово-экономическому развитию страны.

Что касается китайского проекта «Северный шелковый путь», то о нем начали говорить относительно недавно. Так, в 2009 году профессор Ли Чжэнфу на страницах журнала Китайской ассоциации науки и технологии отмечал, что, когда заработает Северо-Западный проход, он станет новым «осевым морским путем» между Атлантикой и Тихим океаном, а тот, кто контролирует арктический путь, будет контролировать новый коридор в мировой эконо-

мике и международной стратегии. Более того, известно, что китайцы называют обе арктические транспортные артерии (Северо-Западный проход и Северный морской путь) «морскими шелковыми путями» для перевозки китайских товаров в Европу и Северную Америку. Учитывая сложности природно-климатических условий Арктики (подводные течения, дрейфующие льдины, низкие температуры и др.), Китай заинтересован в улучшении условий транспортировки своих товаров и готов инвестировать большие деньги в развитие этих мировых торговых путей будущего. Так, например, китайские инвесторы уже выразили готовность вкладывать свои финансовые средства в строительство нового глубоководного Архангельского морского торгового порта и железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал), которая на 800 км сократит путь из Сибири до Белого моря. Как отмечает китайский эксперт Хуэйгень Ян, если маршрут будет конструктивно подготовлен, он будет пользоваться огромным спросом.

Подводя итоги рассмотрения геополитических концепций, лежащих в основе современной арктической стратегии Китая, можно отметить,

что все они имеют общие основания, которые определяются следующими положениями:

- Китай в своей арктической политике делает акцент на общечеловеческих интересах, что противоречит национальным интересам стран «арктической пятерки»; Пекин надеется, что прибрежные страны Северного Ледовитого океана при определении границ своего континентального шельфа будут принимать решения с учетом интересов международного сообщества и согласно основам международного морского права;

- основная причина постепенного усиления китайского интереса к Арктике – экономическая, но при этом Китай интересуется не только инвестициями и развитием торговых отношений, но и стремится обеспечить новые геополитические возможности для своей экономической экспансии;

- Китай ведет сложную дипломатическую игру в Арктике, в которой он, с одной стороны, пытается провести среди неарктических стран идею интернационализации Арктического региона, а с другой – стремится заручиться поддержкой малых арктических стран, инвестируя в их арктические проекты огромные суммы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагутина М.Л. Перспективы международного сотрудничества в Арктике в контексте устойчивого развития // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 5. 2011. 520 с.

2. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169; Маккиндер Х.Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский истор. вестн. 1994. Вып. 1; Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. N. Y., 1942; Mackinder H.J. The Round World and the Winning of Peace // Foreign Affairs. XXI. 1943. № 4.

3. Спайкмен Н.Дж. Американская стратегия в мировой политике. Хамдэм, 1942.

4. Smith L. The New North: the World in 2050. Profile Books. Hardback, 2011. 336 p.

5. Jakobson L. China prepares for an ice-free Arctic. SIPRI Insights on Peace and Security. 2010/2. Mar. 2010.

6. Электронный ресурс. URL: <http://speedline.su/news/77-kitay-prokladyvaet-velikiy-shelkovyy-putcherez-arktiku.html>.

Wang Juntao

GEOPOLITICS OF CHINA IN THE ARCTIC

WANG Juntao – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: juntao2013@yandex.ru

The article focuses on the growing geopolitical importance of the Arctic region, who acquires the global characteristics. Based on the analysis of works of western territory of geopolitics stated importance is not in the center of Eurasia, and on its periphery. Studied in detail the work of the Swedish researcher L. Jakobson, who in his “China is preparing for the Arctic ice-free” expresses the idea that China could be a key figure in the development of the Arctic region. At present, China can become a key figure in the development of the Arctic region due to its global economic opportunities. Today, the Arctic region is the scene of the collision and confrontation of global interests in several countries.

ARCTIC; THE ARCTIC REGION; EURASIA; CHINA; GEOPOLITICAL STRATEGY; GLOBAL PEACE; THE ECONOMY; RAW MATERIALS; COOPERATION.

REFERENCES

1. Lagutina M.L. Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike v kontekste ustoychivogo razvitiya. *Aktualnyye problemy mirovoy politiki v XXI veke*, vol. 5, 2011. 520 p. (In Russ.)
2. Mackinder H.J. [The geographical pivot of history]. *Polis*, 1995, no. 4. Pp. 162–169. (In Russ.); Mackinder H.J. Kruglyy mir i dostizheniye mira. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 1994, vol. 1. (In Russ.); Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. N. Y., 1942; Mackinder H.J. The Round World and the Winning of Peace. *Foreign Affairs*, XXI, 1943, no. 4.
3. Спыкман N.J. Amerikanskaya strategiya v mirovoy politike. Khamdem, 1942.
4. Smith L. The New North: The World in 2050. Profile Books. Hardback, 2011. 336 p.
5. Jakobson L. China prepares for an ice-free Arctic. SIPRI Insights on Peace and Security, 2010/2. Mar. 2010.
6. Electronic resource. Available at: <http://speedline.su/news/77-kitay-prokladyvaet-velikiy-shelkovyy-putcherez-arktiku.html>.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

DOI 10.5862/JHSS.215.8

УДК 32.019.5

А.Л. Рябова

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РЯБОВА Анна Львовна — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: ral5@mail.ru

Рассмотрены некоторые ключевые вопросы, связанные с проблемой взаимоотношения внешней политики и общественного мнения. В настоящее время вовлеченность широких кругов людей в обсуждение международных вопросов растет, что свидетельствует об актуальности изучения проблемы взаимодействия внешней политики и общественного мнения. Данная проблема рассматривается в контексте работ не только международного научного сообщества, но и российских ученых. Выявлены и рассмотрены основные интерпретации взаимодействия общественного мнения с процессом осуществления внешней политики, представлена определенная точка зрения на институт лоббизма как способ воздействия на власть, прослежены формы работы СМИ по созданию общественного мнения и управлению общественным сознанием.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА; ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ; ВОВЛЕЧЕННОСТЬ; ЛОББИЗМ; СМИ; ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ.

В последние годы постоянный рост уровня участия представителей мировой общественности в сфере внешней политики очевиден. Во многом именно этим обстоятельством объясняется неизменно возрастающее внимание исследователей к проблемам внешней политики в контексте их рассмотрения сквозь призму такого феномена, как «общественное мнение».

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в одной из своих работ подчеркивал: «Закон общественного мнения — это закон всемирного тяготения в сфере политической истории. Без него история не могла бы быть наукой. Задача истории в том... чтобы показать, что сила общественного мнения не утопическое мечтание, а самая настоящая реальность, действующая постоянно в жизни общества... Если мы хотим сформулировать закон общественного мнения строго, как закон всемирного тяготения в истории, то... придем к давно известной, почтенной и бесспорной формуле: против общественного мнения править нельзя» [1, с. 127].

Высказывания известного философа можно рассмотреть и в контексте предложенной, достаточно актуальной, на наш взгляд, темы исследования.

В настоящее время общественное мнение — важный и неотъемлемый атрибут жизни практически всех стран мира. Вступая во взаимодействие с традиционными компонентами — участниками внешнеполитического процесса, общественное мнение отражает отношение различных групп общества к внешней политике в целом. Кроме того, при наличии ряда обстоятельств общественное мнение, вторгаясь в область внешней политики, может оказать воздействие на принятие решений в этой сфере, превращаясь в механизм, действие которого накладывает отпечаток на развитие существующей в данный момент системы международных отношений.

Учитывая возрастающую в последние годы активность общественности в политической сфере жизни общества, можно утверждать, что значимость феномена общественного мнения постепенно растет. Эта тенденция отмечена и у нас в стране, но в первую очередь за ее пределами — в странах Запада и Востока. Не ограничивая сферу своего влияния исключительно внутриполитической областью, общественное мнение нередко вторгается в область внешней политики. В связи с этим повышенный интерес представ-

ляет общественное мнение в отношении внешнеполитических проблемных вопросов.

Факты свидетельствуют о том, что мировая общественность как в целом, так и в отдельных странах мира активно реагирует на события, происходящие в мире, а ее мнение постепенно превращается в фактор внешней политики, потенциальные возможности которого очень велики.

Существует целый набор факторов внутривнутриполитического характера, которые, действуя в комплексе, в той или иной степени оказывают влияние на формирование и осуществление внешнеполитического курса отдельных стран мира, и среди них общественное мнение.

Термин «общественное мнение» появился в Англии в XII веке. Согласно некоторым источникам, его возникновение связано с именем английского государственного и общественно-го деятеля, писателя Дж. Солсбери. Тогда этот термин представлял собой буквальный перевод сочетания слов «Public Opinion».

Понятие «общественное мнение» трактуется как способ массового сознания, в котором проявляется отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности. Представляется, что общественное мнение получает свое выражение в разнообразных формах, а общественность как носитель мнения (из ее представителей состоят политические партии и гражданское общество) использует для его создания различные каналы. Важно учитывать многомерность общественного мнения в отношении внешнеполитических проблем, т. е. учитывать то обстоятельство, что субъектом общественного мнения выступают не только общественность в целом, измеренная статистически, но и отдельные группы населения.

Сегодня, в условиях продолжающейся информационной революции, одной из важнейших составляющих которой является постоянно возрастающее влияние в обществе средств массовой коммуникации, проблема взаимодействия внешней политики и общественного мнения приобретает всё большую актуальность. Возможность получения информации способствует превращению внешнеполитического процесса в гораздо более открытую для населения систему. Большое значение имеет также

рост вовлеченности людей в обсуждение различных международных вопросов.

В нашей стране интерес к общественному мнению, возникший в 1960-х годах, остается устойчивым. Первым из отечественных исследователей определение понятию «общественное мнение» дал А.К. Уледов. Рассматривая общественное мнение как одну из форм общественного сознания, он считал, что это есть «оценочное суждение больших общностей людей по общезначимым вопросам социальной жизни, затрагивающим их общие интересы», а его субъектом является общество в целом [2].

Б.А. Грушин подчеркивал, что общественное мнение как бы перекрывает все существующие формы сознания или, говоря точнее, входит в каждую из них в качестве своеобразного способа их существования. При этом «оно входит в состав той или иной формы сознания с разной степенью интенсивности, и в сфере политики оно имеет самое широкое хождение и обладает весьма большой реальной силой». По мнению Грушина, общественное мнение есть не что иное, как «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». Он определил общественное мнение как плюралистическое образование, характеризующееся массовостью, и поэтому это есть «состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или иное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности». Критикуя подход А.К. Уледова, Б.А. Грушин считал, что носителями общественного мнения помимо общества в целом могут быть различные общности людей, объединяющиеся в группы [3].

Если брать за основу подход Б.А. Грушина, то субъектом общественного мнения может быть и большинство, и меньшинство. Такая позиция, на наш взгляд, в большей мере отражает всю сложность феномена «общественное мнение».

В дальнейшем стали распространяться и другие определения. Р.А. Сафаров считал, что общественное мнение должно быть активным. Активность субъектов общественного мнения, в представлении Сафарова, показывает, что это действительно «общественное», а никакое другое мнение, поэтому оно выражается не только в суждениях, но и в действиях.

Е. Егорова-Гантман и К. Плешаков, говоря о субъектах общественного мнения, предложи-

ли использовать методику «трех страт». Речь идет о трех основных, по их мнению, носителях общественного мнения: это, во-первых, руководство страны, представленное официальными лидерами; во-вторых, элита; в-третьих, массы [4]. Отсюда – общественное мнение есть отличающееся интенсивностью и относительной стабильностью оценочное суждение социальных общностей к вопросам, представляющим для них интерес [5].

В 1980-х годах в трактовку понятия «общественное мнение» были внесены некоторые, не очень существенные, корректировки. Свой вклад в изучение данного вопроса внесли ученые А.А. Возьмитель [6] и М.К. Горшков, исследовавший общественное мнение в историческом контексте. М.К. Горшков известен разработкой концепции динамического общественного мнения. Согласно его концепции, «общественное мнение – это подвижное, текучее образование, которое развивается в континууме точек», «способ проявления сознания вообще, в котором может быть заключено духовное, духовно-практическое или практическое отношение субъекта к дискуссионному по характеру объекту действительности, затрагивающему его потребности и интересы» [7].

Интерес представляет также вышедшая в 1990-х годах работа В.М. Герасимова, в которой автор предпринял попытку рассмотреть общественное мнение в политическом контексте и пришел к выводу, что существует тесная взаимосвязь между властью и общественным мнением и пренебрегать ею невозможно [8].

Необходимо здесь назвать и работы отечественного исследователя Д.П. Гавра [9, 10], сравнившего общественное мнение с воздухом, который необходим для дыхания демократии: когда он есть, его не замечают, но его отсутствие может привести к гибели организма. На основе разработанной им системы критериев [10] ученый выделяет следующие «режимы взаимодействия власти и общественного мнения»: 1) режим подавления общественного мнения со стороны властных структур, 2) режим игнорирования общественного мнения, 3) режим патернализма власти по отношению к общественному мнению, 4) режим сотрудничества, 5) режим давления общественного мнения на власть, 6) режим диктатуры общественного мнения. В числе разработанных Д.П. Гавра кри-

териев: 1) демократичность системы выборов и избирательных законов на различных уровнях; 2) характер законодательной закреплённости роли общественного мнения; 3) наличие каналов свободного выражения мнений и собственно свобода их выражения; 4) характер протекания дискуссий общественности и власти; 5) частота, предметный и объектный ареал обращения власти к общественному мнению; 6) характер, предметный и социальный ареал включения реакций и оценок общественного мнения во властные решения; 7) наличие свободных и множественных каналов изучения и анализа общественного мнения.

Работы современного исследователя Д.В. Кузнецова также достойны внимания и изучения. Он является автором более 70 публикаций, посвященных непосредственно международным отношениям. В центре внимания ученого проблематика, связанная с рассмотрением сквозь призму общественного мнения международных проблем, а также многочисленные аспекты, касающиеся взаимодействия внешней политики и общественного мнения [11]. В числе работ Д.В. Кузнецова несколько монографий: «Арабо-израильский конфликт и Франция: внешняя политика и общественное мнение» (2005), «Югославский кризис: взгляд сквозь призму общественного мнения» (2009), «Проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и общественное мнение» (в 2 ч.; 2009).

Необходимо отметить, что отечественные ученые в теоретическом плане были склонны рассматривать общественное мнение как исключительно характерное для внутренней политики явление. Теоретических работ, посвященных проблеме взаимодействия общественного мнения и внешней политики, в России вышло немного. В. Орел, один из исследователей, занимавшихся данной проблемой, писал, что «в современных условиях можно говорить об активизации международного общественного мнения, которое откликается сегодня практически на все вопросы мирового развития и выступает как постоянно действующий фактор международной жизни» [12].

Важно подчеркнуть, что отечественные ученые исследовали в своих работах конкретные аспекты, связанные с отношением общественности той или иной страны к внешней по-

литике государства в целом. Рассматривались, к примеру, место и роль общественного мнения в общем механизме внешней политики США, где давно существует институт опросов общественного мнения, к которому в России достаточно долго относились скептически. Только к началу 1970-х годов, в связи с беспрецедентным ростом активности представителей американской общественности, уровень этого скепсиса снизился [13]. В результате в нашей стране сформировалась тенденция рассматривать внешнюю политику США не только как результат деятельности государственных институтов, но и как процесс, в рамках которого определенное влияние на формирование и осуществление внешнеполитического курса оказывают факторы внутреннего свойства (среди них называлось и общественное мнение). На наличие внутренних факторов, влияющих на формирование внешней политики США (например, во время Корейской или Вьетнамской войн), указывают в своих работах А.А. Кокошин [14] и Д.А. Чикваидзе [15].

Самым известным в нашей стране исследователем, деятельность которого оказалась полностью связана с изучением общественного мнения США, стала М.М. Петровская. В 1977 году она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Опросы общественного мнения в США и их роль в общественно-политической жизни страны» [16], что стало неким рубежом в истории отечественной американистики. В своих многочисленных работах Петровская подвергла анализу состояние общественного мнения США в отношении разнообразных проблем внешней политики, в них освещены теоретические и методологические вопросы работы с данными, полученными в результате проведенных в США опросов общественного мнения, дан критический анализ процедуры их проведения.

Примечательно, что в 1990–2000-е годы в центре внимания отечественных ученых вновь находятся вопросы, связанные с взаимодействием общественного мнения и внешней политики США. В ряде диссертационных исследований, большая часть которых появилась в этот период, рассматриваются особенности роста влияния общественного мнения в США в первой половине XX века [17].

Некоторые исследователи утверждают, что проведение опросов общественного мнения в последние десятилетия приобрело гигантское значение и большое влияние на политику, поскольку данные опросов учитывают политические деятели, чиновники, журналисты, избиратели. В 2000-е годы Р. Собейл, исследователь из Гарвардского университета, подчеркивал в ряде своих работ, что, хотя общественное мнение и выступает в качестве одного из факторов внешней политики, тем не менее, это есть один из многих подобных факторов. По его мнению, «общественное мнение устанавливает определенные рамки для руководства, ограничивая его действия, но вовсе не формирует внешнюю политику» [18].

Итак, важнейшая проблема, которая находится в центре внимания исследователей, это взаимодействие общественного мнения с процессом формирования и проведения внешней политики. Существуют четыре вероятные интерпретации этого взаимодействия.

Первая интерпретация видна и заключается в том, что общественное мнение контролирует внешнюю политику и последняя подчиняется диктату со стороны общественности, хотя общественный контроль над внешней политикой часто может быть пагубным, так как интерес общественности к политическим проблемам носит нерегулярный, эпизодический характер.

Вторая интерпретация основана на контролируемости общественного мнения. Общественное мнение формирует правящая элита, которая способна манипулировать общественным мнением и создавать его, обращаясь к общественности, когда это выгодно.

Третья точка зрения предполагает, что правящая элита и общественное мнение независимы: правящая элита не подчиняется общественному мнению, но она и не контролирует его, так как не нуждается в этом.

Четвертая точка зрения: общественное мнение и внешняя политика взаимодействуют друг с другом, воздействуя друг на друга в зависимости от политического, экономического и социального подтекста. Подразумевается интерес общественности к внешней политике, а также ее информированность.

Наиболее полной представляется четвертая интерпретация. Общественное мнение и внешняя политика взаимодействуют, и обществен-

ное мнение устанавливает некие пределы, в рамках которых лица, принимающие решения, осуществляют выбор, если не желают столкнуться с проблемами во время голосования на выборах. Другими словами, власть, учитывая необходимость отчета перед избирателями на выборах, не будет предпринимать действий, которые дискредитируют ее в глазах избирателей. Расплата за неудачные и непопулярные действия – утрата электоральной поддержки. Соответственно правящие круги стремятся с помощью опросов общественного мнения несколько корректировать проводимую ими внешнюю политику, добиваясь положительной реакции общественности на принятые правительством решения в области внешней политики.

Примечательно, что американские исследователи неоднократно отмечали важную роль СМИ в процессе формирования общественного мнения. С учетом вышесказанного важно подчеркнуть, что в настоящее время у англоязычных исследователей не вызывает сомнения тот факт, что роль общественного мнения как фактора внешней политики продолжает возрастать. Помимо ученых из США отмеченными выше проблемами занимаются ученые из Франции, Великобритании, Германии, Нидерландов, Италии. Следует упомянуть о вышедшей в 2001 году коллективной работе «Общественное мнение и международное использование силы» [19]. Интересно, что подавляющее большинство научных исследований, связанных со взаимоотношениями внешней политики и общественного мнения, осуществлялись в США.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым рассмотреть общественное мнение как важный элемент внешнеполитического механизма США. Механизм, в рамках которого в этой стране осуществляется взаимодействие общественного мнения с участниками внешнеполитического процесса, и прежде всего с руководством страны, – это система, в структуру которой входят взаимосвязанные элементы. Основным элементом является руководство страны, имеющее свою официальную позицию по международным проблемам. При этом немаловажным обстоятельством является то, что весьма важную роль играет фактор личности политического деятеля. Внешняя политика США носит персонифицированный характер, поскольку связывается с именем действующе-

го главы государства. Именно глава государства вносит свой стиль в осуществление внешнеполитических решений, тем самым внося некую уникальность и даже наделяя ее характеристиками, схожими со своими чертами характера [Там же]. Огромное влияние на президента США оказывают сотрудники Белого дома – помощники (Assistants of the President), являющиеся советниками по определенным направлениям, в том числе и курирующие внешнюю политику. Назначение на эти посты осуществляется самим президентом, и штат этих сотрудников формируется из состава знакомых ему людей. Кандидатуры советников не подлежат утверждению Конгрессом США.

К формированию общественного мнения в отношении внешней политики США подключены представители так называемого «академического сообщества». Их деятельность связана с научно-исследовательскими центрами – так называемыми «мозговыми трестами» (Brain Trust), в рамках которых ведется разработка концептуальных основ внешнеполитического курса США. Среди подобных институтов «мозговыми трестами» в основном являются учреждения, отражающие консервативные, либеральные, центристские и прочие политические взгляды. Эти независимые учреждения представляют собой источник идей, но только несколько десятков из них играют существенную роль в сфере внешней политики. К наиболее известным относятся: Национальный комитет по американской внешней политике (The National Committee on American Foreign Policy, NCAFP) в Нью-Йорке; Институт Брукингса (The Brookings Institution) в Вашингтоне; Институт изучения внешней политики (The Foreign Policy Research Institute, FPRI), издающий журнал «Orbis»; Американская академия политических и социальных наук (The American Academy of Political and Social Science), играющая роль советника и консультанта правительства США; Американский совет безопасности (The American Security Council, ASC); Аспенский институт (The Aspen Institute), осуществляющий программу для специалистов различных организаций во многих странах; Институт мировой политики (The World Policy Institute, WPI) в Нью-Йорке; Американский институт мира (The United States Institute of Peace, ISIP) – независимый институт по изучению проблем урегулирования кон-

фликтов, созданный в 1964 году и раз в два года представляющий отчет о своей деятельности органам исполнительной и законодательной власти США. В 2003 году в Вест-Поинте был создан Центр по борьбе с терроризмом при военной академии (The Combating Terrorism Centre), занимающийся военными исследованиями в этой области.

Механизм, с помощью которого данные структуры оказывают влияние на процесс осуществления внешней политики США, может включать не только элементы прямого воздействия. Ученые, работающие в вышеперечисленных институтах, регулярно дают интервью по радио и телевидению, участвуют в публичных обсуждениях, публикуют свои статьи в периодической печати [20, с. 293].

Можно выделить три основных направления, по которым действуют благотворительные фонды и предпринимательские организации для воздействия на власть, например, в США: 1) разработка стратегии и тактики для достижения поставленных на данном историческом этапе целей, 2) идеологическое обоснование этих задач и их пропаганда, 3) подготовка и расстановка для практического осуществления внешней политики. Так, Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов (American Federation of Labor – Congress of Industrial Organizations) представляет общеполитические интересы профсоюзов, и в то же время эта организация в 1970-х годах сыграла определенную роль в принятии знаменитой поправки Джексона-Вэника.

Существует также институт лоббизма, специфический способ воздействия на власть. Цель лоббизма и лоббистов состоит в том, чтобы добиться от органов государственной власти одобрения или отклонения каких-либо решений и направить осуществление политики в выгодное для себя направление. В настоящее время в США с деятельностью корпораций связан ряд объединений, которые оказывают влияние на политический процесс, например Национальная ассоциация производителей (National Associations of Manufacturers, NAM) – общенациональная организация промышленных предприятий. Сейчас в ней насчитывается свыше 14 тыс. компаний-членов. Мнение представителей данной организации учитывается при принятии внешнеполитических ре-

шений. В 1979 году в США была создана Американская лига лоббистов (American League of Lobbyists, ALL) – организация, объединяющая лиц, профессионально занимающихся лоббистской деятельностью. Американская лига лоббистов организует профессиональное обучение, семинары, разработала Кодекс профессиональной этики.

Необходимо вспомнить и о «группах давления» (Pressure Groups) – политических субъектах, специализирующихся на оказании влияния на органы власти. Это группы профессионалов, публично отстаивающие свои интересы, но не претендующие на непосредственное осуществление государственной власти.

Средства массовой информации выступают в качестве центрального канала, через который общественность могла бы выразить свое мнение в отношении внешнеполитических проблем. Их нередко называют «четвертой властью». СМИ являются как каналом выражения общественного мнения, так и каналом, с помощью которого общественное мнение формируется. Телевидение, охватывающее самую большую аудиторию, играет ведущую роль, когда речь идет о воздействии на процессы формирования общественного мнения. Фактически, телевидение – это основной канал, через который идет информационное обслуживание американцев [21].

Можно выделить основные формы работы СМИ для создания общественного мнения: 1) отбор фактов и представление их таким образом, чтобы воздействие их на массовое сознание было наибольшим (возможны искажение важных фактов, фильтрация информации); 2) усиление благодаря СМИ уже существующих на уровне массового сознания стереотипов; 3) оформление с помощью СМИ необходимой модели восприятия событий за счет многократного повторения информации в определенном ракурсе.

Именно СМИ играют роль своеобразного «манипулятора», принимают участие в процессах формирования и функционирования общественного мнения в отношении внешнеполитических проблем, выступают средством «для промывания мозгов», используя пропагандистские и психологические методы с целью изменения отношения к политическому курсу, какому-либо событию [22]. Несомненный интерес представляют материалы СМИ, освещаю-

шие внешнеполитические проблемы, поскольку, воздействуя на массовое сознание жителей страны, СМИ выстраивают отношение к ним со стороны общественности. Сущность воздействия СМИ заключается в привлечении внимания людей к новостям посредством постоянного акцентирования внимания на каком-либо событии. Это ведет к актуализации последнего и влечет за собой поддержку действий, направленных, например, на гуманитарное вмешательство. СМИ могут оказать воздействие и на руководство страны, вынуждая его действовать решительнее. В результате СМИ, в первую очередь электронные, могут ускорить процесс принятия каких-либо внешнеполитических решений, связанных с кризисными ситуациями в отдельных регионах мира. Интересно, что воздействие СМИ на суждения, оценки граждан тем выше, чем дальше отстоит от непосредственного опыта людей та сфера деятельности, которая отражена в материалах СМИ. Поэтому степень влияния их на формирование общественного мнения приобретает максимальное значение при освещении внешнеполитических проблем. Достаточно большое количество граждан используют Интернет, вследствие чего материал, содержащийся не только в периодической печати, освещаемый телевидением, но и находящийся в Интернете, также оказывает воздействие на процессы формирования общественного мнения. Именно СМИ во многом способствуют тому, что у людей складывается определенный образ других стран и политических течений.

В заключение интересно обратиться к результатам опросов общественного мнения в США. В ходе их проведения была выяснена точка зрения американцев на проблему влияния отдельных субъектов в сфере внешней политики. Граждане США считают, принимая решение в области внешней политики, руководство государства в первую очередь

должно действовать сообразно с позицией, которую занимает мировое общественное мнение. Однако американцы полагают, что роль такого фактора, как общественное мнение, в сфере внешней политики должна возрасти, что, возможно, отражает стремление граждан активнее участвовать в процессе принятия внешнеполитических решений [23].

Важно подчеркнуть, что практически во всех странах мира, включая Россию, внутренние проблемы, как правило, находятся в числе самых важных приоритетов (это вопросы, связанные с экономикой и социальными отношениями, внутренним политическим развитием). Данные проблемы оказывают непосредственное воздействие на повседневную жизнь людей.

А насколько важны и «привлекательны» для граждан страны с точки зрения интереса внешнеполитические проблемы? Общественное мнение по-разному (речь идет об интенсивности) реагирует на события международной жизни. Внешнеполитические проблемы, непосредственно затрагивающие состояние национальной безопасности страны, волнуют граждан гораздо больше, чем какая-либо абстрактная «международная ситуация». Интерес граждан возрастает в случае непосредственной вовлеченности их страны в события, происходящие на международной арене.

Информационная революция дает основание полагать, что в дальнейшем процессы, связанные с влиянием общественного мнения на внешнюю политику, будут усиливаться, хотя в то же время абсолютизировать фактор общественного мнения нельзя. Следствием возрастающего влияния в обществе средств массовой коммуникации является рост вовлеченности широкого круга людей в обсуждение различных международных вопросов. Вопрос взаимодействия внешней политики, международных отношений и общественного мнения приобретает всё большую актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4.
2. Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. 391 с.
3. Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М.: Праксис, 2011. 542 с.
4. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепции образа и стереотипы в международных отношениях // Мировая экономика и междунар. отношения. 1988. № 2.

5. Сафаров Р.А. Общественное мнение в системе советской демократии. М.: Знание, 1982. 63 с.; Сафаров Р.А. Политический статус общественного мнения // Социол. исслед. 1979. № 4. С. 11–22.
6. Возьмитель А.А. Формирование и изучение общественного мнения. М.: Знание, 1987. 61 с.
7. Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. М.: Политиздат, 1988. 382 с.
8. Герасимов В.М. Общественное мнение в зеркале политической психологии. М.: Луч, 1994. 134 с.
9. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и как социальный институт. СПб.: Изд-во ИСЭП, 1995. 235 с.
10. Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журн. социологии и антропологии. 1998. Т. I. Вып. 4. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/4/gavra.html> (дата обращения: 05.08.2014).
11. Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 года и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. М., 2009. 396 с.
12. Орел В. Общественное мнение в мировой политике // Междунар. жизнь. 1978. № 8.
13. Петровская М.М. Опросы общественного мнения в США // Вопросы истории. 1976. № 2. С. 113–123.
14. Кокошин А.А. США: за фасадом глобальной политики (внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х гг.) М.: Политиздат, 1981. 367 с.
15. Чикваидзе Д.А. США: истоки агрессивного курса. Влияние внутренних факторов на внешнеполитическую стратегию США во второй половине 70-х – начале 80-х гг. Тбилиси: Мецниерва, 1984. 157 с.
16. Петровская М.М. Опросы общественного мнения в США и их роль в общественно-политической жизни страны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
17. Тихий К.Т. Американское общественное мнение о Советском государстве, 1921–1933 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2000; Фельдт А.Е. Общественное мнение США о Советском Союзе, 1937 – июнь 1941 г.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
18. Public Opinion in U.S. Foreign Policy: The Controversy over Control Aid / Ed. by R. Sobel. Lanham: Rowman & Littlefield Publ., 1993; Sobel R. Contra Aid Fundamentals: Exploring the Intricacies and the Issues // Political Science Quarterly. 1995. Vol. 110. No. 2.
19. Public Opinion and the International Use of Force / Ed. by Philip P. Everts, P. Isernia. N. Y.: Taylor & Francis Publ., 2001. 320 p.; Everts P., Isernia P. Power, War and Public Opinion – Looking behind the transatlantic divide // Policy review. 2004. No. 123. P. 73.
20. Рябова А.Л. «Эффект CNN» и его воздействие на общественное мнение США в отношении внешнеполитических проблем // Соврем. междунар. отношения: политика и культура. СПб.: ИПК КОСТА, 2010. С. 293–312.
21. Голядкин Н.А. ТВ-информация в США. М., 1994. 228 с.
22. Alfheide D. Iran vs. U.S. TV News: the Hostage Story Out of Context // Television Coverage of the Middle East / Ed. by William C. Adams. Norwood: Ablex, 1981. P. 128–157.
23. PIPA-Knowledge Networks-CCFR Poll: Americans on Democratization and US Foreign Policy. Dates of Survey: September 15–21, 2005 // EBSCO Host Connection. URL: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/44650634/pipa-knowledge-networks-ccfr-poll-americans-promoting-democracy-questionnaire> (accessed 28.07.2014).

A.L. Ryabova

PUBLIC OPINION AND INTERNATIONAL RELATIONS

RYABOVA Anna L. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ra15@mail.ru

The objective of the article is to describe some key problems, connected with the relations between international politics and public opinion. At present the growth of common people's involvement in the international affairs discussion is increasing, it leads to the vital study of the link between international politics and public opinion creation. This article discusses this problem not only in the context of the leading international academic works, but investigates the contribution of Russian scientists as well. This defines the

novelty of the article. The author reveals the basic interpretations of public opinion notion and its interaction with the foreign policy implementation; represents some ideas on the institute of lobbying; traces the forms of media work targeted at public consciousness management.

INTERNATIONAL POLITICS; PUBLIC OPINION; INVOLVEMENT; LOBBYING; MEDIA; PUBLIC CONSCIOUSNESS.

REFERENCES

1. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstaniye mass. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 4. (In Russ.)
2. Uledov A.K. Obshchestvennoye mneniye sovet-skogo obshchestva. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1963. 391 p. (In Russ.)
3. Grushin B.A. Mneniye o mire i mir mneniy. Moscow, Praksis Publ., 2011. 542 p. (In Russ.)
4. Yegorova-Gantman Ye., Pleshakov K. Kontseptsii obraza i stereotipy v mezhdunarodnykh otnosheni-yakh. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 1988, no. 2. (In Russ.)
5. Safarov R.A. Obshchestvennoye mneniye v si-steme sovetской демократии. Moscow, Znaniye Publ., 1982. 63 p. (In Russ.); Safarov R.A. Politicheskoy status obshchestvennogo mneniya. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1979, no. 4, pp. 11–22. (In Russ.)
6. Vozmitel A.A. Formirovaniye i izucheniye obshchestvennogo mneniya. Moscow, Znaniye Publ., 1987. 61 p. (In Russ.)
7. Gorshkov M.K. Obshchestvennoye mneniye. Istoriya i sovremennost'. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 382 p. (In Russ.)
8. Gerasimov V.M. Obshchestvennoye mneniye v zerkale politicheskoy psikhologii. Moscow, Luch Publ., 1994. 134 p. (In Russ.)
9. Gavra D.P. Obshchestvennoye mneniye kak sotsiologicheskaya kategoriya i kak sotsialnyy institut. St. Petersburg, ISEP Publ., 1995. 235 p. (In Russ.)
10. Gavra D.P. Obshchestvennoye mneniye i vlast': rezhimy i mekhanizmy vzaimodeystviya. *Zhurnal sotsiologii i antropologii*, 1998, vol. I, pt. 4. Available at: <http://www.old.jourssa.ru/1998/4/gavra.html> (accessed 05.08.2014).
11. Kuznetsov D.V. Sobytiya 11 sentyabrya 2001 goda i problema mezhdunarodnogo terrorizma v zerkale obshchestvennogo mneniya. Moscow, 2009. 396 p. (In Russ.)
12. Orel V. Obshchestvennoye mneniye v mirovoy politike. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1978, no. 8. (In Russ.)
13. Petrovskaya M.M. Oprosy obshchestvennogo mneniya v USA. *Voprosy istorii*, 1976, no. 2, pp. 113–123. (In Russ.)
14. Kokoshin A.A. USA: za fasadom global'noy politiki (vnutrenniye faktory formirovaniya vneshney politiki amerikanskogo imperializma na poroge 80-kh gg.) Moscow, Politizdat Publ., 1981. 367 p. (In Russ.)
15. Chikvaidze D.A. USA: istoki agressivnogo kursa. Vliyaniye vnutrennikh faktorov na vneshnepoliticheskuyu strategiyu USA vo vtoroy polovine 70-kh – nachale 80-kh gg. Tbilisi, Metsniyerva publ., 1984. 157 p. (In Russ.)
16. Petrovskaya M.M. Oprosy obshchestvennogo mneniya v USA i ikh rol' v obshchestvenno-politicheskoy zhizni strany [Cand. diss.]. Moscow, 1977. (In Russ.)
17. Tikhov K.T. Amerikanskoye obshchestvennoye mneniye o Sovetskom gosudarstve, 1921–1933 gg. [Doct. diss.]. Vladivostok, 2000. (In Russ.); Feldt A.Ye. Obshchestvennoye mneniye USA o Sovetskom Soyuze, 1937 – iyun' 1941 g. [Cand. diss.]. St. Petersburg, 1993. (In Russ.)
18. Public Opinion in U.S. Foreign Policy: The Controversy over Control Aid. Ed. by R. Sobel. Lanham, Rowman & Littlefield Publ., 1993; Sobel R. Contra Aid Fundamentals: Exploring the Intricacies and the Issues. *Political Science Quarterly*, 1995, vol. 110, no. 2.
19. Public Opinion and the International Use of Force. Ed. by Philip P. Everts, P. Isernia. New York, Taylor & Francis Publ., 2001. 320 p.; Everts P., Isernia P. Power, War and Public Opinion – Looking behind the transatlantic divide. *Policy review*, 2004, no. 123. P. 73.
20. Ryabova A.L. “Effekt CNN” i yego vozdeystviye na obshchestvennoye mneniye USA v otnoshenii vneshnepoliticheskikh problem. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya: politika i kultura*. St. Petersburg, IPK KOSTA Publ., 2010. Pp. 293–312. (In Russ.)
21. Golyadkin N.A. TV-informatsiya v USA. Moscow, 1994. 228 p. (In Russ.)
22. Alfheide D. Iran vs. U.S. TV News: the Hostage Story Out of Context. *Television Coverage of the Middle East*. Ed. by William C. Adams. Norwood, Ablex, 1981. Pp. 128–157.
23. Pipa-Knowledge Networks-CCFR Poll: Americans on Democratization and US Foreign Policy. Dates of Survey: September 15–21, 2005. *EBSCO Host Connection*. Available at: <http://connection.ebscohost.com/c/articles/44650634/pipa-knowledge-networks-ccfr-poll-americans-promoting-democracy-questionnaire> (accessed 28.07.2014).

DOI 10.5862/JHSS.215.9
УДК 329

А.К. Акопов

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИНФОРМАТИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АКОПОВ Артак Каренович – программист Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: art@akbt.ru

В статье рассмотрено формирование мировой глобальной информационной системы. Особое внимание уделено роли международных отношений, новым информационным технологиям, изменившим мировое политическое пространство. Дан анализ транснациональности и трансграничности, характеризующихся стиранием межгосударственных границ и снижением роли государственного суверенитета. Рассмотрена также роль Интернета в формировании мировой информационной системы. Исследуется информационная безопасность, являющаяся в настоящее время частью национальной безопасности многих государств, как одна из центральных проблем современных международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА; ИНФОРМАТИЗАЦИЯ; ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР; БЕЗОПАСНОСТЬ.

Началом формирования мировой глобальной информационной системы можно по праву считать 1991 год, когда сотрудник Европейского центра ядерных исследований Т. Бернерс-Ли разработал язык, на базе которого возникла система гипертекстовых страниц «World Wide Web». Это ознаменовало новую веху в развитии Интернета, превратило его в мировую информационную систему. Данную систему М. Кастельс назвал «сетевым обществом» [1]. Именно пространство Интернета стало тем глобальным информационным полем, где нашли свои новые формы взаимодействия многочисленные международные акторы. Информационная подсистема, как составной элемент глобальной системы международных отношений, виртуальна, что означает невозможность ее локализации в материальном пространстве глобальной системы международных отношений.

В современных условиях большое внимание уделяется понятию «мировое информационное пространство», которое трактуется как «интегрированные при помощи усовершенствованных в ходе информационной революции коммуникационных систем и способов переда-

чи информации национальные и трансграничные информационные потоки» [2, с. 91].

Международные сообщества, прежде всего ООН, ЮНЕСКО и другие влиятельные международные организации, в последние десятилетия стремились найти адекватные формы регуляции информационной системы, заключив целый ряд важных соглашений. Например, в июле 2000 года на саммите Большой восьмерки в Японии была принята Окинавская хартия глобального информационного общества [3]. В ней подчеркивается, что информационные технологии должны стать доступными для всех, они являются одними из основополагающих принципов мирового развития. Позднее было принято решение об учреждении Группы по возможностям цифровых технологий, которое содействовало диалогу между странами, международными организациями.

В начале XXI века была поставлена амбициозная задача – привлечь к формированию информационных глобальных структур мирового сообщества всех акторов международных отношений, как государственных, так и негосударственных. Было определено направ-

ление развития мирового сообщества — к демократическому информационному мировому порядку, в котором развивающимся странам будут оказаны финансовые, технические услуги. ООН приняла решение о создании специального фонда для оказания помощи этим странам в деле внедрения информационных технологий.

В Европейском союзе имеется программа по созданию европейского информационного общества [4]. Страны СНГ также приняли ряд документов о создании единого информационного пространства. В «Концепции формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств» информационное пространство СНГ определяется как «совокупность национальных информационных пространств государств — участников СНГ, взаимодействующих на основе соответствующих межгосударственных договоров по согласованным сферам деятельности» [5]. В данном случае скорее можно говорить об объединенном информационном пространстве, а не о едином.

Важнейшей политической задачей современного процесса демократизации международных отношений должна стать реализация глобальной программы устранения информационного неравенства, так как «в условиях неравномерного доступа к информации одни субъекты получают преимущество перед другими, а это преимущество, в свою очередь, влияет на распределение экономических и политических ресурсов. Информационное неравенство ведет к углублению экономических и социально-политических противоречий и тем самым — к усилению нестабильности глобальной системы в целом» [6].

Под воздействием процесса информатизации мировая политическая система приобретает такое качество, как взаимосвязанность, взаимозависимость ее элементов. В результате представляется возможным говорить в перспективе о появлении всемирного информационного пространства, в рамках которого также будет осуществляться активное взаимодействие всех акторов мировой политики. Именно благодаря новым информационным технологиям формируются новые измерения мирового политического пространства, что проявляется в таких феноменах, как транснациональность/трансграничность, характеризующихся стира-

нием межгосударственных границ и снижением роли государственного суверенитета.

Информационная безопасность становится одной из центральных проблем современного мира. Примером регионального подхода к построению информационного общества может служить Европейский союз, где еще в 1994 году был принят план действий «Европейский путь в информационное общество» («Инициатива Бангемана»). План определил шесть направлений развития: воздействие на экономику и занятость; основные социальные и демократические ценности в «виртуальном сообществе»; воздействие на общественные и государственные службы; образование, переквалификация, обучение в информационном обществе; культурное измерение и будущее СМИ; устойчивое развитие, технология и инфраструктура [7].

Процесс информатизации оказал также существенное влияние на изменение характера системы международной безопасности. Важной особенностью современного этапа информатизации является потенциально безграничный и чрезвычайно трудно регулируемый, фактически бесконтрольный характер связанных с данной тенденцией процессов. В понятие национальной безопасности многих государств сегодня включена еще одна составляющая — информационная безопасность. В современном политическом лексиконе появляются и такие понятия, как «информационные войны», «кибертерроризм», «электронный тоталитаризм» и «информационное неравенство». В результате в условиях современного мирового порядка с точки зрения веса страны или нации на международной арене все большее значение приобретают не силовые, а информационные факторы. Это возможность эксплуатировать интеллектуальный потенциал других стран, возможность распространять и внедрять свои духовные, идейные ценности, свою культуру, язык; возможность приостановить духовно-культурную экспансию других стран, трансформировать и даже подрывать их духовно-нравственные устои. Таким образом, возникает исключительно масштабная и многоаспектная проблема обеспечения информационной, информационно-психологической, а в более широком плане и морально-психологической безопасности государства и общества [8].

К числу наиболее важных угроз информационной безопасности можно отнести следующие:

1. «Цифровой разрыв», что означает углубление сложившегося разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также появление нового разрыва между постиндустриальными странами и странами с традиционными индустриальными экономиками, в основе чего лежит не только экономический, но и информационный фактор («цифровой разрыв»). В результате в мировой системе выделяются определенные социальные группы людей, связанные с информационными технологиями («технократы») и стремящиеся создать свое, обособленное «информационное сообщество», основу которого будет составлять «элита, обладающая неограниченным доступом к информации и коммуникационным сетям как на внутригосударственном, так и на международном уровне, использующая преимущество владения базами данных и связью в своих узких групповых целях и осуществляющая селективное распределение информации. В результате резко возрастают возможности манипулирования общественным мнением, базирующиеся на разных уровнях доступа к информации для отдельных людей, социальных групп, государств и т. д.» [9]. В этой связи все большую актуальность приобретает процесс «утечки мозгов», который приобретает глобальное политико-экономическое измерение, так как ослабляет позиции развивающихся стран и укрепляет развитые страны в их динамичном экономическом и информационном развитии.

2. Возможность тотального контроля за частной жизнью граждан, о чем писал зарубежный исследователь Б. Барбер, оценивая демократический потенциал современных технологий [10]. Так, ученый предложил понятие «мягкой тирании», которая «не требует постоянного физического контроля над субъектом», а выражается в контроле над «сердцами и умами через контроль над образованием, информацией и коммуникацией и, таким образом, превращает субъектов в союзников рабства» [Там же].

3. Использование СМИ для манипуляции общественным мнением, что находит свое выражение в таких феноменах, как «эффект CNN»: «Когда CNN наполняет эфир волны своими сообщениями о международных кризисах,

это вызывает эмоциональную реакцию у публики, которая требует „сделать что-нибудь“. Под воздействием этих сообщений творцы политики не имеют иной возможности, кроме как направить свое внимание на данный кризис — в противном случае они рискуют утратить популярность» [11, с. 254].

4. Угроза «информационной милитаризации» [12], что подразумевает появление новых форм конфликтов, среди которых выделяют три основных вида: кибервойна, информационная война и сетевая война.

Таким образом, новые виды угроз международной безопасности свидетельствуют о необходимости усовершенствования мирового порядка, так как в противном случае эти угрозы могут привести к хаосу и полной неуправляемости международной жизни.

Еще одним важным аспектом развития нового мирового порядка в условиях процесса информатизации является сфера межкультурных взаимодействий. С одной стороны, идет процесс формирования универсальных культурных эталонов как отражение общих тенденций глобализации. С другой стороны, наблюдается активное противодействие традиционных культур процессу формирования единой глобальной культуры с явным креном в сторону мировой информационной элиты. Эти противоречия можно отнести к понятию «глокализации» (термин ввел английский социолог Роланд Робертсон [13]).

В условиях становления нового мирового порядка и под воздействием процесса информатизации происходит изменение структуры современного социума. Формируется глобальное гражданское общество, в котором отношения между людьми организованы на основе сетевого принципа. Новые технологии преобразуют всю глобальную структуру коммуникаций и, как следствие, принципы общественного устройства и управления [1]. Таким образом, развитие новых информационных технологий существенно преобразует мировой социальный порядок, где значительно возрастают политическая активность и гражданская ответственность людей.

Подводя итог, можно констатировать, что в настоящее время в глобальном масштабе происходят кардинальные трансформации, в основе которых лежит процесс информатизации.

Особенностью современного этапа данного процесса являются следующие черты:

- формируются новые измерения мирового политического пространства, что проявляется в таких феноменах, как транснациональность/трансграничность;
- трансформация системы международной безопасности (возникает исключительно масштабная и многоаспектная проблема обеспечения информационной, информационно-психологической, а в более широком плане и морально-психологической безопасности государства и общества — «цифровой разрыв», угроза тотального информационного контроля, кибертерроризм и т. д.);
- формируется новое межкультурное пространство, характеристикой которого становится тенденция «глобализации»;
- создается глобальное гражданское общество, в котором отношения между людьми организованы на основе сетевого принципа, что

значительно повышает политическую активность и гражданскую ответственность людей.

Перечисленные особенности современного этапа процесса информатизации существенно сказываются на общей картине мирового общественного развития. Важным итогом стала взаимообусловленность информационных и других процессов в мире, которые влияют на становление нового мирового порядка, что находит свое выражение:

- в повышении роли информации в мировой политике и коммуникационных связей между государствами, международными организациями и отдельными гражданами;
- изменении пространственно-временных координат международных отношений (ускорение времени и сужение пространства);
- процессе интернетизации международных отношений, что привело к формированию новых принципов политической коммуникации — сетевого, виртуального, онлайн, полилового и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура: [пер. с англ. под научн. ред. О.И. Шкаратана]. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000.
2. **Ширин С.** Фактор внешней среды в современной глобальной системе международных отношений // *Международ. процессы*. 2005. Т. 3, № 3 (9). С. 90–105.
3. **Окинавская хартия** глобального информационного общества. 22 июля 2000 года. URL: <http://www.russianlaw.net/law/acts/z8.htm>.
4. **Single** European Information Space. 2010. A European Information Society for growth and employment. URL: http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/single_infor_space/index_en.htm.
5. **Концепция** формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 г. // *Рос. газ.* 1996. 7 декабря.
6. **Мешкова Т.А.** Социально-политические аспекты глобальной информатизации // *Полис*. 2002. № 6. С. 24–33.
7. **Europe's way to the information society: an action plan** COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES COM(94) 347 final Brussels, 19.07.1994. URL: [http://www.channelingreality.com/Digital_Treason/Brussels_1995/COM\(94\)347_EU_WAY_TO_INFO_SOCIETY_Action_Plan.pdf](http://www.channelingreality.com/Digital_Treason/Brussels_1995/COM(94)347_EU_WAY_TO_INFO_SOCIETY_Action_Plan.pdf).
8. **Манойло А.В.** Государственная информационная политика в особых условиях: моногр. М.: Изд-во МИФИ, 2003.
9. **Белянцев А.Е.** Масс-медийные эффекты глобальной информатизации. URL: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_8-1_07.pdf.
10. **Барбер Б.** Три сценария будущего технологии и устойчивой демократии. URL: http://www.policyanalysis.ru/bibl_Barber.htm.
11. **Уткин А.И.** Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2002.
12. **Крутских А.В.** Война или мир: международные аспекты информационной безопасности // *Науч. и методолог. проблемы информационной безопасности* / под ред. В.П. Шерстюка. М.: Изд-во МЦНМО, 2004. URL: <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169638>.
13. **Robertson R.** Globalization, in: Featherstone M. u.a. (Hg.), *Global Modernities* // M. Featherstone. L., 1995.

A.K. Akopov

THE PRESENT STAGE CHARACTERISTICS OF INTERNATIONAL RELATIONS INFORMATIZATION

АКОПОВ Артак К. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: art@akbt.ru

The article deals with the formation of the world's global information system. Special attention is paid to the role of international relations, new Information technologies have changed the global political space. Provides an analysis of transnational and cross-border characterized by blurring state borders and reducing the role of state sovereignty. Special attention is given to consideration of role of the Internet in the formation of the global information system. Is investigated information security as one of the central problems of modern international relations, which is now part of the national security of many countries.

INTERNATIONAL RELATIONS; INFORMATION SYSTEMS; INFORMATION; GLOBAL PEACE AND SECURITY.

REFERENCES

1. Kastels M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow, GU-VShE Publ., 2000. (In Russ.)
2. Shirin S. Faktor vneshney sredy v sovremennoy global'noy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy. *Mezhdunarodnyye protsessy*, 2005, vol. 3, no. 3 (9), pp. 90–105. (In Russ.)
3. [Okinawa Charter on Global Information Society. 2000. July 22]. Available at: <http://www.russianlaw.net/law/acts/z8.htm>.
4. Single European Information Space. 2010. A European Information Society for growth and employment. Available at: http://ec.europa.eu/information_society/eeurope/i2010/single_infor_space/index_en.htm.
5. Kontseptsiya formirovaniya informatsionnogo prostranstva Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv ot 18 oktyabrya 1996 g. *Rossiyskaya gazeta*, 1996. December 7. (In Russ.)
6. Meshkova T.A. Sotsialno-politicheskiye aspekty globalnoy informatizatsii. *Polis*, 2002, no. 6, pp. 24–33. (In Russ.)
7. Europe's way to the information society: an action plan COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES COM(94) 347 final Brussels, 19.07.1994. Available at: [http://www.channelingreality.com/Digital_Treason/Brussels_1995/COM\(94\)347_EU_WAY_TO_INFO_SOCIETY_Action_Plan.pdf](http://www.channelingreality.com/Digital_Treason/Brussels_1995/COM(94)347_EU_WAY_TO_INFO_SOCIETY_Action_Plan.pdf).
8. Manoylo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh. Moscow, MIFI Publ., 2003. (In Russ.)
9. Belyantsev A.Ye. Mass-mediynnye efekty globalnoy informatizatsii. Available at: http://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2011_8-1_07.pdf.
10. Barber B. Tri stsenariya budushchego tekhnologii i ustoychivoy demokratii. Available at: http://www.policyanalysis.ru/bibl_Barber.htm.
11. Utkin A.I. Globalizatsiya: protsess i osmysleniye. Moscow, Logos Publ., 2002. (In Russ.)
12. Krutskikh A.V. Voyna ili mir: mezhdunarodnyye aspekty informatsionnoy bezopasnosti. *Nauchnyye i metodologicheskiye problemy informatsionnoy bezopasnosti*. Moscow, MTsNMO Publ., 2004. Available at: <http://www.cryptography.ru/db/msg.html?mid=1169638>.
13. Robertson R. Globalization, in: Featherstone M. u.a. (Hg.), *Global Modernities*. M. *Featherstone*. London, 1995.

DOI 10.5862/JHSS.215.10
УДК 323.1, 314.7, 314.8

А.А. Башкарев

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ СССР НА АССИМИЛЯЦИЮ ВЕПСОВ В XX ВЕКЕ

БАШКАРЕВ Андрей Альбертович – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: bashkarev@mail.ru

В статье исследовано влияние государственной политики на социокультурное положение этнических групп вепсов в 1920–1980-х гг. Вепсы рассматриваются как один из финно-угорских народов, подвергшихся влиянию различных тенденций национальной политики СССР – от коренизации в 1930-х гг. до борьбы с так называемым «буржуазным национализмом» и репрессий после 1938 г. Уделено внимание ряду факторов, послуживших причиной начала миграции вепсского населения, значительного сокращения традиционного ареала расселения и в конечном счете ассимиляции. Ставится задача структурировать эти факторы и установить взаимосвязь между их негативным влиянием и значительным сокращением численности вепсского населения (по результатам официальных переписей, с 32,8 в 1926 г. до 12,5 тыс. человек в 1989 г.).

ФИННО-УГОРСКИЕ НАРОДЫ; ВЕПСЫ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА; КОРЕНИЗАЦИЯ; ТЕРРИТОРИЯ; РАССЕЛЕНИЕ; ЭТНОЛОКАЛЬНЫЙ; МИГРАЦИЯ; АССИМИЛЯЦИЯ.

На протяжении XX в. вопрос о декларации и поэтапной реализации принципов государственной политики по отношению к этническим меньшинствам был чрезвычайно актуален для многонациональных государств, в том числе и для СССР. Тенденции индустриализации, активно осуществлявшейся в крупных государствах мира, были связаны с началом процессов массовой трудовой миграции. Кроме того, значительно трансформировался прежний уклад жизни коренных народов, предполагавший традиционное использование природных ресурсов, в сфере которого возростала роль государственного регулирования. Помимо этого, принудительный переход к коллективному хозяйствованию противоречил традициям коренных народов. После Октябрьской революции

1917 г. обозначилась тенденция к утрате социокультурных и религиозных традиций, оказывавших влияние на характер внутриэтнических контактов. Все это неизбежно приводило к уменьшению численности этнических меньшинств, которое в современной научной литературе принято называть ассимиляцией.

Современная Россия является многонациональным государством: в ее различных субъектах проживает более 180 различных народов. Самобытность их культурных традиций неоспорима, и эти традиции являются национальным достоянием страны. Однако треть из живущих в России народов сегодня можно считать малыми этносами. Общая численность их составляет около 500 тыс. человек, или 0,3 % населения страны. К сожалению, многие из них находятся

под угрозой исчезновения в силу объективных причин, связанных с естественной ассимиляцией, отсутствием должной социальной инфраструктуры в местах компактного проживания этих народов, недостаточным вниманием со стороны государства и общества к проблемам малых народов. Негативная тенденция сокращения их численности прослеживается начиная с середины XX в. Попробуем проанализировать факторы, повлиявшие на ассимиляцию вепсов в советский период, рассмотрим положительные и негативные тенденции в национальной политике СССР по отношению к этому коренному народу.

Вепсы исторически являются одной из коренных народностей российского Северо-Запада [1], населяя сопредельные территории Ленинградской и Вологодской областей, а также Республики Карелия. С древних времен вепсы расселялись на обширной территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Ядром формирования древних вепсов как этнической общности было юго-восточное Приладожье, где к концу XIV в. сформировалось несколько этнолокальных групп [См.: 2]. На историческую судьбу вепсов повлияло освоение водных путей и продвижение по ним славянского населения. Первые наиболее достоверные сведения о численности вепсов в России (26,7 тыс. человек) были получены по итогам первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. [См.: 3, с. 332].

Отдельные аспекты влияния национальной политики на вепское население в XX в. рассматривались исследователями, однако процесс ассимиляции протекал в сопредельных субъектах СССР неравномерно (см. таблицу). Так, значительное внимание недостаткам административно-территориальных реформ, обусловивших вынужденную миграцию вепсов, уделяет, в частности, А.В. Петухов [См.: 4].

Вопросам межэтнического контактирования с русским населением посвящены исследования С.Б. Егорова [5]. Значимый вклад в исследование влияния национальной политики на этнодемографические процессы у вепсов внесла З.И. Строгальщикова [6]. В определенной степени освещены вопросы функционирования вепского языка в советский период [См.: 7].

Тем не менее комплексному осмыслению влияния государственной политики на ассимиляцию вепсов как в Карелии, так и в Ленинградской и Вологодской областях посвящено не так много работ. Из публикаций последних лет особого внимания заслуживает статья Л.В. Корольковой [8], в которой дан исторический анализ социального и экономического положения вепского крестьянства Ленинградской области в XX в., в том числе в советский период.

Ареал расселения вепсов, сложившийся к началу XX в., после 1917 г. полностью оказался на территории СССР. Однозначно оценивать характер национальной политики по отношению к этническим меньшинствам в течение всего периода существования этого государства нельзя. Национальная политика кардинально трансформировалась – от общих тенденций развития национальной самобытности в 1920–1930-х гг. до противодействия ее формированию в послевоенный период, когда негативные факторы комплексно обуславливали ассимиляцию. В первую очередь это искусственное административное разделение территории компактного проживания, отсутствие социальной инфраструктуры, упразднение населенных пунктов, нарушения при проведении переписей в 1970-х гг. [9, с. 22], общий политический курс на воспрепятствование подъему национального самосознания.

Политика коренизации, проводившаяся в СССР в 1920–1930-х гг., ставила своей целью выравнивание политического, культурного и

**Динамика численности вепского населения в 1926–1989 гг. (советский период)
 в соотнесении с показателями 2010 г.**

Субъект	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2010 г.
Ленинградская обл.	17 290	15 343	8 026	650	774	4 273	1 380
Вологодская обл.	6 888	4 976	1 117	282	65	728	412
Республика Карелия	8 587	9 388	7 179	6 323	5 864	5 954	3 423
<i>Итого</i>	<i>32 765</i>	<i>29 707</i>	<i>15 322</i>	<i>7 255</i>	<i>6 703</i>	<i>10 955</i>	<i>5 215</i>

экономического развития национальных меньшинств с так называемыми «передовыми нациями». Данная политика также была направлена на рост самосознания проживавших на территории СССР народов. Кроме того, власти оказывали содействие увеличению доли национальных кадров в местных администрациях с целью укрепления большевистской власти на местах — преодоление национального неравенства реализовывалось в рамках системы взаимосвязанных мер, льгот и привилегий, обеспечивающих ускоренное формирование национальной элиты и рабочего класса. Делопроизводство и школьное образование переводилось на языки местных народов, на них велась просветительская и культурная деятельность, готовились педагогические кадры. Все это в полной мере содействовало институционализации этничности и росту национального самосознания народов [10, с. 12]. В частности, разработка вепсской письменности и подготовка педагогических кадров для осуществления образовательного процесса в местах компактного проживания на национальном языке велись в научных организациях Ленинграда и Петрозаводска.

Народы финно-угорской группы, и в частности вепсы, населявшие Северо-Запад СССР, находились в прямой зависимости от политики, проводимой государством по отношению к малым этническим группам. В частности, благодаря процессу коренизации, благотворно повлиявшему на рост численности малых народов, в конце 1920-х гг. зафиксирована самая высокая численность вепсов — около 32 800 человек [2] (см. таблицу), что позволяет говорить о росте численности вепсского этноса в первой четверти XX в.

Следует упомянуть, что Декларация прав народов России, по существу являвшаяся одним из первых документов советской власти, принятых Совнаркомом РСФСР в ноябре 1917 г., провозглашала свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населявших территорию России. Политика коренизации была логическим продолжением такой декларации и должна была оказать большое влияние на формирование культурного пространства СССР как многонационального государства. Кроме того, распространение национального языка и культуры, участие национальных кадров в местном самоуправлении по замыслу советских влас-

тей должны были остановить распространение автономистских и сепаратистских настроений. Так, в начале 1930-х гг. в школах началось преподавание вепсского языка и ряда учебных предметов на нем. Было принято решение о создании вепсской письменности [11, с. 120], созданы учебники вепсского языка на основе латиницы. В финно-угорских регионах России стали успешно работать научные общества по изучению этнографии, культуры, языка, истории своих народов. В Ленинграде Общество исследователей культуры финно-угорских народностей издало несколько сборников статей [См., например: 12]. В местах компактного проживания вепсов в 1927 г. были созданы два национальных района [13]. Благоприятные условия развития служили поводом к наращиванию этносом своего демографического потенциала вплоть до конца 1930-х гг.

Следует уточнить, что межкультурное контактирование вепсского и русского населения в условиях этнического порубежья традиционно происходило и в досоветский период, и ассимиляция вепсского населения исторически определялась русским влиянием [5]. Пробразом трудовой миграции советского периода вследствие индустриализации и послевоенного упразднения этнических деревень в дореволюционной России было отходничество, являвшееся, однако, временным. Условия приграничья вепсского ареала с традиционно русскими территориями, традиции проведения религиозных праздников и ярмарок, существование отхожих промыслов предполагали межэтнические браки. Однако указать на целенаправленную государственную политику искусственной ассимиляции вепсов уместно именно по отношению к советскому периоду 1938–1988 гг.

Так, в 1937 г. в СССР произошло резкое изменение политики национально-государственного строительства, в результате которого отношение советских властей к национальным меньшинствам значительно трансформировалось. В особенности это касалось проживавших на приграничных и близких к государственной границе территориях, в том числе народов финно-угорской группы. Положительная тенденция этнического самоопределения малых народов СССР сменилась к концу 1930-х гг. «борьбой с буржуазным национализмом», фактически вылившейся в борьбу с национальной само-

бытностью. Одновременно началась кампания по ликвидации национальных школ в местах проживания вепсов, прекратилось преподавание на вепском языке. Разгром национального образования дополнили репрессии против его организаторов, авторов учебников, учителей, составлявших у такого малочисленного народа, как вепсы, значительную часть нарождавшейся национальной интеллигенции.

К негативным факторам, напрямую повлиявшим на резкое сокращение численности вепсов, начавшееся с конца 1930-х гг., следует отнести сохранявшуюся административно-территориальную разделенность этноса, которая замедляла процессы консолидации народа. Так, в Российской империи вепсы проживали в различных уездах Новгородской, Череповецкой, Олонецкой губерний. Такое административное разделение территории компактного проживания сохранилось и после революции 1917 г., уже в СССР, когда вепсы были отнесены к жителям Ленинградской, Вологодской областей и Республики Карелия (см. рис. 1).

Следует отметить, что еще в 1930-х гг. по инициативе советских властей начали создаваться называемые по имени народов национально-территориальные образования, основой для определения административных границ которых являлись данные переписи 1926 г. Для вепсов, однако, такого образования создано не было, что предопределило их дальнейшую административную разобщенность и усугубило ее. Тем не менее определенные предпосылки административной локализации по этническому признаку имели место. Так, в 1927 г. статус вепских национальных был присвоен двум районам: Шелтозерскому в Карельской АССР и Винницкому

в Ленинградской области. Представляется, что это было достаточно верным решением в контексте национальной политики коренизации. Так, на территории Винницкого района было сосредоточено 90 % вепского населения Ленинградской области. Планировалось создание национального Шимозерского района и на территории современной Вологодской области, однако данные планы в условиях резкого сворачивания процессов коренизации реализованы не были. Национальный статус, ранее присвоенный сформированным в рамках административно-территориальных реформ районам, впоследствии отменили. Так, в 1938 г. Винницкий район Ленинградской области был преобразован из вепского национального (как «искусственно созданного») в обычный [13, 14].

Политические репрессии конца 1930-х гг. нанесли непоправимый ущерб численности вепсов. В преддверии Второй мировой войны территория их расселения представляла как возможный театр военных действий, что, к сожалению, впоследствии отчасти подтвердилось. При этом вепсы рассматривались властями как потенциальные противники в предстоящей войне, и репрессии против них являлись, с точки зрения государственной политики того времени, превентивной мерой [5].

С 1938 г. по отношению к вепсам стала проводиться тайная политика, направленная на ускорение их ассимиляции. Советское государство постепенно меняло курс на «слияние» всех наций в «социалистическую» и создание «новой исторической общности – советского народа». Согласно этой идеологии, дальнейшее самобытное существование миноритарных этносов представлялось бесперспективным [14].

Рис. 1. Изменение административно-территориального деления в зоне проживания вепсов: Российская империя – СССР (1900-е – 1937 г.)

Индустриализация, реформирование административно-территориальных единиц, тяжелое экономическое положение в послевоенный период повлекли за собой процессы, связанные с трудовой миграцией. Вепсы покидали исконные места проживания, переселяясь в крупные города Северо-Запада страны – Ленинград и Петрозаводск. Такая миграция стала причиной подрыва исконных устоев, связанных с культурными традициями этноса. Кроме того, указанные А.В. Петуховым [См.: 4] традиционные факторы внутриэтнического контактирования в дореволюционный период – так называемые храмовые и престольные праздники и ярмарки – в советское время не проводились. Значительный ущерб вынужденная миграция причинила единству языковой среды вепсов, вплоть до исчезновения отдельных диалектов [15].

Все эти причины нанесли серьезнейший удар по этнокультурному развитию и укреплению духовного единства вепсов, предопределив резкое сокращение их численности до 15,3 тыс. человек к 1959 г. (см. таблицу). При этом наиболее катастрофические показатели наблюдаются для Ленинградской и Вологодской областей (сокращение численности соответственно на 48 и 98 %). По причине кратковременности своего существования база для формирования национальных кадров, отличающихся этнической самобытностью, в том числе и языковой, не принесла результатов.

Свое негативное влияние оказали военные события 1940-х гг., когда прифронтовая зона расширилась и возникла необходимость эвакуации населения из целого ряда деревень Вологодской области, являвшихся по составу населения вепскими [См.: 16]. Переселение повлекло за собой резкое снижение материально-экономического уровня в районах проживания вепсов. Нанесенный военными действиями ущерб в полной мере восполнен не был, что усугублялось сложностью земледелия на данной территории ввиду особенностей рельефа и структуры почв. Это привело к решению местных властей об упразднении большей части вепских населенных пунктов Вологодской области в конце 1950-х гг., прервавшем внутриэтническое контактирование, и вынужденной трудовой миграции населения из мест компактного проживания.

Ликвидация вепских национальных районов в Ленинградской области и Республике Карелия,

особенности послевоенного строительства и реконструкции дорожной инфраструктуры, находившейся в крайне неблагоприятном состоянии, сохранявшаяся административная разобщенность и упразднение целого ряда населенных пунктов исключили возможность внутриэтнического контактирования между вепсами Ленинградской и Вологодской областей. В 1960-х гг. обеспечение социальных гарантий государства по отношению к вепсам из удаленных деревень, оказавшихся на периферийном по отношению к административным центрам положении, было крайне затруднено. Проект создания дорожной сети, связывающей места расселения вепсов внутри ареала, реализован не был [17] (см. рис. 2). Вместо этого продолжилась вынужденная миграция в связи с упразднением населенных пунктов.

Особенности строительства местной дорожной инфраструктуры в СССР сводились к

Рис. 2. Нереализованный проект строительства связующих участков дорожной инфраструктуры между районами Ленинградской области (Фрагмент административной карты 1931 г., выпущенной сектором народнохозяйственного учета Леноблплана)

обеспечению транспортной связи лишь с центрами вновь образованных районов, что привело к утрате путей, крайне важных с точки зрения социокультурных контактов между этническими группами вепсов. Так, созданная еще в довоенный период административная граница между Ленинградской и Вологодской областями полностью разделила оятских и шимозерских вепсов, входивших в среднюю этническую группу, так как пересекавшие ее транспортные пути переставали поддерживаться, а новые не создавались. Специфический характер рельефа, сильная заболоченность территории Вепсовской возвышенности приводили к быстрой утрате прежних гужевых дорог, связывавших деревни средних вепсов. Схожая ситуация наблюдалась в соседней Ленинградской области, где фактически отсутствовала дорожная сеть между районами проживания средних и южных вепсов – соответственно Винницким и Капшинским (позднее – Подпорожским, Тихвинским и Бокситогорским) районами [4].

В 1959 г. началась активная кампания по упразднению вепских деревень как неперспективных через укрупнение или полную ликвидацию. В большей степени эта тенденция проявилась в Ленинградской и Вологодской областях. В этих условиях вепское население мигрировало в районные центры, более крупные населенные пункты, в этническом составе населения которых преобладали русские. Нарушение, а иногда уничтожение моноэтнического ареала привело к резкой интенсификации ассимиляционных процессов.

Также следует отметить, что власти проводили политику искусственной ассимиляции вепсов, отказываясь отражать истинные данные о национальности в официальных документах, что выражалось в фальсификациях во время переписей и приводило к учету вепсов как русского населения. Так, по данным исследования, проведенного в 1981–1983 гг. Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, общая численность вепского населения в ходе переписи 1979 г. была занижена более чем на 4 тыс. человек. На уместность утверждений о фальсификации указывают резко изменившиеся показатели переписи 1989 г., когда официальная численность вепсов в Вологодской области возросла до 728 человек, а в Ленинградской – до 4273 человек [9].

Положительные тенденции, направленные на поддержку национальной самобытности коренных народов, начали проявляться в последние годы существования Советского государства. Последовавшее общее увеличение численности вепсов в официальных документах переписи 1989 г. явилось реакцией на изменение национальной политики в стране. Данный период, совпавший, однако, и с прекращением существования СССР, принято считать возрождением вепской самобытности через возможность свободной деятельности на фоне плюрализации общественного мнения [18]. Созданное тогда Общество вепской культуры внесло значительный вклад в разработку проектов культурного и экономического возрождения традиционного ареала расселения этнических групп вепсов, но, к сожалению, не все из них были реализованы.

Так, в 1990-х гг. в Вологодской области статус вепского национального был возвращен одному из сельских советов [19]. Проекты восстановления инфраструктуры в районах, ранее заселенных вепсами, стали предметом активного общественного обсуждения. В 1989–1990 гг. должны были быть разработаны экспериментальные проекты районных планировок в местах проживания вепсов, в том числе в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области [20].

Тем не менее вопрос об административном объединении вепсов в единый национальный район решить не удалось. Разобщенность и постарение этноса, негативная экономическая ситуация, миграция в города и ассимиляция обусловили продолжающееся уменьшение общей численности этого народа.

К сожалению, складывавшиеся в течение многих десятилетий возрастные диспропорции, выразившиеся в значительном постарении, предопределили дальнейшее сокращение численности вепсов и привели этнос на грань депопуляции. Сегодня можно сделать вывод, что за период существования СССР численность вепского населения сократилась более чем в 2,5 раза. Единственной положительной тенденцией национальной политики по отношению к вепсам, наблюдавшейся в советский период, была коренизация 1930–1937 гг.

Таким образом, проанализировав различные тенденции в советской национальной по-

литике по отношению к малым коренным народам, и в частности к вепсам, можно сделать вывод о ее положительном влиянии лишь в краткосрочный период первоначального государственного строительства (до 1938 г.). Однако затем отношение государства к этническим меньшинствам стало резко негативным. Наибольшее сокращение численности вепсов, предопределившее необратимый характер депопуляции этноса, наблюдалось с 1939 по 1979 г.

Можно выделить следующие основные причины ассимиляции вепсского населения в XX в. в контексте национальной политики СССР. Во-первых, административно-территориальная разобщенность вепсов, сохранявшаяся на протяжении всего столетия, усугубилась вследствие проведения административных реформ 1927–1959 гг. Во-вторых, изменившаяся после Октябрьской революции 1917 г. поли-

тическая ситуация обусловила прекращение внутриэтнического контактирования из-за утраты традиций проведения религиозных праздников. В-третьих, резкое завершение к 1938 г. периода коренизации и кампания по упразднению так называемых «неперспективных» деревень в послевоенный период привели к исчезновению большого числа населенных пунктов, где проживало вепсское население, которое было вынуждено мигрировать. Негативную роль сыграли события Второй мировой войны и невнимание местных властей к необходимости экономической поддержки вепсского населения в послевоенный период, что привело к прекращению внутриэтнического контактирования. Все эти факторы были крайне негативными для национального самосознания, сохранения культуры и традиционного уклада жизни вепсов и явились причиной их ассимиляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Об утверждении** перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р (ред. от 18.05.2010 г.). URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/bz-zakony/c5o.htm>.
2. **Голубева Л.А.** К проблеме этногенеза вепсов // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 143–146; **Муллонен И.И.** Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды КарНЦ РАН. № 4. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2012. С. 13–24.
3. **Прибалтийско-финские** народы России / под ред. Е.И. Клементьева, Н.В. Шлыгиной [и др.]. М.: Наука, 2003.
4. **Петухов А.В.** Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. С. 55–63; **Петухов А.В.** Трудная судьба потомков вепсов // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 435–451; **Башкарев А.А.** Территориальная разобщенность как фактор ассимиляции вепсов (на примере Ленинградской и Вологодской областей // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всерос. конф. финно-угроведов, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск, Изд-во КарНЦ РАН, 2014. С. 574–577.
5. **Егоров С.Б.** Вепско-русское межэтническое взаимодействие // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 237–250.
6. **Строгальщикова З.И.** Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности. Вепсы: расселения, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. С. 31; **Строгальщикова З.И.** Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 378–413.
7. **Зайцева Н.Г.** Младописьменный вепсский язык и его употребление в современном обществе // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. «Вепсы – коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития» (Петрозаводск, 24–25 апреля 2008 г.). Петрозаводск, 2009. С. 163–170; **Башкарев А.А.** Языковая политика властей СССР по отношению к вепсам в 1930-е гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитар. и обществ. науки. 2012. № 2 (148). С. 110–113.
8. **Королькова Л.В.** Основные факторы исторических изменений в вепсской деревне. XX – начало XXI века // Музей. Традиции и этничность. 2012. № 1. С. 38–48.

9. **Пименов В.В., Строгальщикова З.И.** Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989.

10. **Вепсы:** модели этнической мобилизации: сб. матер. и док. / под ред. Е.И. Климентьева, А.А. Кожанова, З.И. Строгальщиконой [и др.]. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2007.

11. **Зайцева Н.Г.** Младописьменный язык вепсов: периоды и перспективы развития // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006.

12. **Сборник** Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (Финно-угорский сборник). Вып. 1. Л., 1929.

13. **Башкарев А.А.** Национальные административные единицы на территориях компактного проживания вепсов в 1920–1930-х гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2011. № 4 (136). С. 173–177.

14. **Строгальщикова З.И.** Вепсы: этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 390–391.

15. **Ляпин В.А.** Шимозеры – трагедия диалекта [о сохранении вепс. яз. в Волог. обл.] // Вепсы и эт-

нокультурные перемены XX века. Материалы семинара (Санкт-Петербург, 5–6 октября 2006 г.). Хельсинки, 2007. С. 95–106.

16. **Цветков С.Н.** Ошта в годы войны // Вытегра. Вологда: Русь, 1997; **Башкарев А.А.** Миграционные процессы вепсского населения Вологодской области во 2-й половине XX века // X конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. (Москва, 2–5 июля 2013 г.). М.: Изд-во ИЭА РАН, 2013. С. 63.

17. **Bashkarev A.** Road infrastructure development as factor of small ethnic group preservation // 4th International Conference on Civil Engineering, Architecture and Building Materials, CEABM 2014; Haikou; China; 24 May 2014 through 25 May 2014; Code 106661.

18. **Муллонен И.И., Сурхаско Ю.Ю.** О совещании по проблемам вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 159–163.

19. **О регистрации** населенных пунктов Бабаевского муниципального района: постановление губернатора Вологодской области от 14.12.1999 г. № 817. URL: <http://www.http://vologda-oblast.ru>.

20. **Рекомендации** регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 165–167.

A.A. *Bashkarev*

IMPACT OF THE USSR STATE POLICY ON ASSIMILATION OF VEPSIANS IN THE XX CENTURY

BASHKAREV Andrey A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: bashkarev@mail.ru

The paper elaborates the impact of the state policy on the socio-cultural position of the Vepsian ethnic group in 1920s–1980s. Vepsians are considered as one of the Finno-Ugric nations affected by the USSR policy – from national localization in the 1930s to struggle against “bourgeois nationalism” and mass repression after 1938. The paper emphasizes the reasons for the Vepsian migration, considerable reduction of the inhabitation area and, in the end, assimilation. The paper is targeted at classifying these reasons and correlating the negative impact of the state factors with the dramatic decrease in the Vepsian population from 32,800 in 1926 to 12,500 in 1989 according to the official census reports.

FINNO-UGRIC NATIONS; VEPSIANS; NATIONAL POLICY; NATIONAL LOCALIZATION; AREA; INHABITANCE; ETHNIC LOCAL; MIGRATION; ASSIMILATION.

REFERENCES

1. Order of the Government of the Russian Federation. No. 536-p (17.04.2006, rem. 18.05.2010). *Ob utverzhdenii perechnya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [About the approval of the list of indigenous ethnic groups of the North, Siberia and the Far East of Russian Federation]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/bz-zakony/c5o.htm>.
2. Golubeva L.A. [To a problem of ethnogenesis of Vepsians]. *Drevnie slavyane i ikh sosedi* [Ancient Slavs and their neighbors]. Moscow, 1970. Pp. 143–146. (In Russ.); Mullonen I.I. [Natural and cultural factors of formation of the Vepsian ethnic territory]. *Works of Karelian Science Center, Russian Academy of Sciences*. No. 4. Series Humanitarian researches. Pt. 3. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2012. Pp. 13–24. (In Russ.)
3. *Pribaltiysko-finskie narody Rossii* [The Baltic-Finnish ethnic groups in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2003. (In Russ.)
4. Petukhov A.V. [Administrative dissociation – a factor of acceleration of assimilation of Vepsians]. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* [Problems of history and culture of the Veps nationality]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 1989. Pp. 55–64. (In Russ.); Petukhov A.V. [Difficult destiny of the Veps' descendants]. *Pribaltiysko-finskie narody* [Baltic-Finnish people]. Yuvyaskulya, Atena Publ., 1995. Pp. 435–451. (In Russ.); Bashkarev A.A. [Territorial dissociation as a factor of assimilation of Vepsians of the Leningrad and Vologda areas]. *Finno-ugorskiye yazyki i kul'tury v sotsiokul'turnom landshafte Rossii* [Finno-Ugric languages and cultures in a sociocultural landscape of Russia. Materials of V Conference of Finno-Ugric scientists, 2014, June 25–28]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2014. Pp. 574–577. (In Russ.)
5. Egorov S.B. [The Vepsians and Russians ethnic interaction]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy* [Contemporary science about Vepsians: achievements and prospects]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2006. Pp. 237–250. (In Russ.)
6. Strogal'shchikova Z.I. [About ethnodemographic tendencies, social and economic and cultural development of the Vepsians nationality. Vepsians: migration, history, problems of ethnic development]. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* [Problems of history and culture of the Veps nationality]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 1989. P. 31. (In Russ.); Strogal'shchikova Z.I. [Vepsians: ethnodemographic processes (past and the present)]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy* [Contemporary science about Vepsians: achievements and prospects]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2006. Pp. 378–413. (In Russ.)
7. Zaytseva N.G. [Young Vepsian written language and its use in modern society]. *Vepsy: na rubezhe XX–XXI vekov* [Vepsians: at a turn of the XX–XXI centuries. Materials of the Conference “Vepsians – the indigenous ethnic group of the Russian Federation: prospects of preservation and development” (Petrozavodsk, on April 24–25, 2008)]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2009. Pp. 163–170. (In Russ.)
8. Bashkarev A.A. [Language policy of the authorities of the USSR in relation to Vepsians in the 1930th]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 2 (148), pp. 110–113. (In Russ.)
9. Korol'kova L.V. [Major factors of historical changes in the Vepsian village. XX – the beginning of the XXI century]. *Muзей. Traditsii i etnichost'* [Museum and ethnic traditions], 2012, no. 1, pp. 38–48. (In Russ.)
10. Pimenov V.V., Strogal'shchikova Z.I. [Vepsians: moving, history, problems of ethnic development]. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* [Problems of history and culture of the Veps nationality]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 1989. Pp. 22. (In Russ.)
11. *Vepsy: modeli etnicheskoy mobilizatsii* [Vepsians: models of ethnic mobilization: The collection of materials and documents / Science materials]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2007. (In Russ.)
12. Zaytseva N.G. [Young Vepsian written language: the periods and prospects of development]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy* [Contemporary science about Vepsians: achievements and prospects]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2006. (In Russ.)
13. [Collection of the Leningrad society of researchers of culture of Finno-Ugric nationalities (Finno-Ugric collection)]. Pt. 1. Leningrad, 1929. (In Russ.)
14. Bashkarev A.A. [National administrative units in territories of compact accommodation of Vepsians in the 1920th – 1930th]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 4 (136), pp. 173–177. (In Russ.)
15. Strogal'shchikova Z.I. [Vepsians: ethnodemographic processes (past and the present)]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy* [Contemporary science about Vepsians: achievements and prospects]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 2006. Pp. 390–391. (In Russ.)
16. Lapin V.A. [Shimozerian Vepsians: tragedy of a dialect: about preservation the vepsian language in Volog. Region]. *Vepsy i etnokul'turnye peremeny XX veka* [Vepsians and ethnocultural changes of the XX century. Materials of the seminar (St. Petersburg, 2006, Oct. 5–6)]. Helsinki, 2007. Pp. 95–106. (In Russ.)

16. Tsvetkov S.N. [Oshta in the years of war]. *Vytegra*. Vologda, 1997. (In Russ.); Bashkarev A.A. [Migration processes of the Vepsish population in the Vologda region]. [Theses of reports of the X Congress of ethnographers and anthropologists of Russia (Moscow, 2013, July 2–5)]. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 2013. P. 63. (In Russ.)

17. Bashkarev A. Road infrastructure development as factor of small ethnic group preservation. 4th International Conference on Civil Engineering, Architecture and Building Materials, CEABM 2014; Haikou; China; 24 May 2014 through 25 May 2014; Code 106661.

18. Mullonen I.I., Surkhasko Yu.Yu. [About meeting on problems of the Veps nationality]. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* [Problems of history and

culture of the Veps nationality]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 1989. Pp. 159–163. (In Russ.)

19. The resolution of the governor of the Vologda region “O registratsii naseleennykh punktov Babayevskogo munitsipal'nogo rayona” [“About registration of settlements of the Babayev district”] of 14.12.1999. No. 817. Available at: <http://www.vologda-oblast.ru>.

20. [Recommendations of regional interdepartmental meeting “Veps: problems of development of economy and culture in the conditions of reorganization”]. *Problemy istorii i kul'tury vepsskoy narodnosti* [Problems of history and culture of the Veps nationality]. Petrozavodsk, Russian Academy of Sciences (Karelian scientific center) Publ., 1989. Pp. 165–167. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.11

УДК 94(47).084.3

К.В. Левшин

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (на материалах газеты «Боевая правда», 1919–1920 гг.)

ЛЕВШИН Константин Викторович – кандидат исторических наук, ведущий инженер Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

e-mail: petrograd84@mail.ru

В статье рассмотрен малоисследованный аспект истории Гражданской войны в России – особенности организации военной печати и агитационно-пропагандистской политики Советской России на примере издания 7-й армии и Петроградского военного округа – газеты «Боевая правда». Специфическое преломление событий войны на ее страницах делает «Боевую правду» важным источником по военной, политической и социальной истории Северо-Запада России в 1919–1920 гг. Уделено внимание самодеятельному творчеству красноармейских масс в этом издании.

ВОЕННАЯ ПЕЧАТЬ; «БОЕВАЯ ПРАВДА»; АГИТАЦИЯ; КРАСНАЯ АРМИЯ; ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА; ПЕТРОГРАД.

Несмотря на обширную, почти столетнюю, историографию Гражданской войны (1918–1920), многие ее аспекты продолжают оставаться малоизученными. Один из них – военная печать 1918–1921 гг. Как справедливо отметил Д.Л. Черненко, к началу Гражданской войны в России был накоплен опыт использования военной печати для воздействия на военнослужащих [1, с. 45]. В 1918 г. издавалось около 90 военных газет и журналов, в следующем году – 38 только фронтовых, армейских, флотских и окружных газет, а ведь были еще и дивизионные, полковые и даже батальонные газеты [2, с. 328]. Советские исследователи уделили недостаточное внимание одной из самых ярких армейских газет – «Боевой правде», органу политотдела 7-й армии. Она начала выходить в сентябре 1919 г., накануне решающих боев на Северо-Западе страны, и издается до сих пор (название ее менялось). В том же «незабываемом 1919-м» были созданы газеты «соседних» армий – 6-й («Наша война») и 15-й («Красная звезда»), тогда же увидел свет первый номер газеты «Красный Балтийский флот».

Пресса рассматриваемого периода вообще и красноармейская в частности представляет

собой своеобразный исторический источник, который, по мнению одного из первых историографов Гражданской войны А. Анишева, несет на себе не только отпечаток необъективности, но и огромную долю «совершенно избыточного, хотя и понятного воинственного оптимизма» [3, с. 4]. «Советская военная энциклопедия» (1976) среди прочего определяла армейские газеты как мощное политическое и идеологическое оружие. Их изучение позволяет исследовать агитационно-пропагандистские приемы воздействия на читателя-красноармейца, динамику изменения методов, тона, тем в зависимости от обстановки на фронте; они частично отражают массовые настроения, несут следы обратной связи, характеризуют состояние, уровень боевой и теоретической подготовки Красной армии вообще и конкретного воинского соединения в частности. Применительно к нашей теме отметим, что в «Советской военной энциклопедии» (1933) в краткой статье «Боевая правда» издание охарактеризовано как «ценный источник для изучения борьбы с Юденичем» [4, с. 511].

Газеты, несомненно, являлись важнейшим агитационным средством советской власти,

ими были наводнены и тыл, и передовые части армии. Стараясь использовать все возможные печатные силы и средства, власти буквально засыпали красноармейцев прессой — суммарный тираж военных изданий превышал 300 тыс. экземпляров в день [5, д. 875, л. 3; 6, с. 33]. С марта 1919-го по март 1920 г. среди бойцов Красной армии было распространено значительное количество экземпляров «Известий ВЦИК» (11,5 млн), «Правды» (21,9 млн), «Бедноты» (109,2 млн) [7, с. 67]. Только в Петрограде в 1919 г. отдел печати бесплатно распространил 1 692 745 экземпляров «Известий Петросовета», 2 544 643 экземпляра «Деревенской коммуны» и 3 272 158 экземпляров «Красной газеты» [8]. Тираж «Боевой правды» в 1919–1920 гг. был непостоянен (от 25 до 50 тыс. экземпляров). Важность газет, журналов для Красной армии подтверждает и то, что постановлением ВЦИК от 16 мая 1919 г. они были отнесены к срочным военным грузам, которые необходимо было перевозить в первую очередь.

В условиях слабо налаженной политической работы, невозможности послать агитаторов в село и ряд частей армии в силу их удаленности беседы «вокруг прочитанных газет» были чуть ли не единственной формой политической работы [9, с. 6]. Один из приказов политуправления Петроградского военного округа 1919 г. содержал требование к красноармейским частям присылать отчеты о ежедневном чтении газет и рекомендованной литературы. В частности, необходимо было указывать, какие статьи читались, какие места в них освещались и разбирались более подробно, какие места и темы вызывали горячие споры у красноармейцев [10, с. 166]. «Боевая правда» занималась и контрпропагандой: тысячи экземпляров газеты распространялись среди солдат-белогвардейцев на Северо-Западе России [11, с. 132].

«Боевая правда» начала издаваться как газета политического отдела 7-й армии, а с 20-го номера, вышедшего 30 сентября 1919 г., и как орган политико-просветительного управления Петроградского военного округа. В Петрограде существовали давние традиции военной печати. Здесь издавалась главная военная газета Российской империи «Русский инвалид», на смену которому в революционном 1917 г. пришла «Армия и Флот свободной России», а затем «Рабочая Красная Армия и

Флот». 1 мая 1918 г. вышел первый номер военной газеты Петроградской трудовой коммуны «Красная Армия», которую через три месяца заменил еженедельник военной секции Петросовета «Вооруженный народ». Авторы статьи на официальном сайте Министерства обороны РФ объединили перечисленные газеты, излишне муссируя вопрос преемственности, возводя корни нынешней газеты Западного военного округа «На страже Родины» чуть ли не к «Русскому инвалиду», а непосредственно начало издания газеты — к 1918 г. [12]. «Боевая правда» заметно отличалась от своих предшественников по стилю, выходила ежедневно, имела других учредителей. Редакция газеты размещалась в Детском Селе на Стеселевской улице; там же, в бывшей царской резиденции, располагался штаб 7-й армии. Кроме того, вряд ли мы будем искать истоки главных большевистских газет среди официозов царской России, а упомянутый «Русский инвалид» уместнее было бы сравнить с «Известиями Наркомвоендел».

Редактором (заведующим редакцией) «Боевой правды» стал 26-летний член РКП(б) В.Н. Васильевский, ранее занимавший пост ответственного редактора «Вооруженного народа». Параллельно он работал в редакции «Петроградской правды», а в 1920 г. возглавил подотдел печати в политотделе 7-й армии. Это был уже сложившийся журналист, который еще в 1914 г. состоял в редакции «Правды». Имел он и некоторый военный опыт: призван в армию во время Первой мировой войны, прошел краткосрочные военные курсы и получил чин прапорщика, активно участвовал в революционных событиях 1917 г. в Москве и Петрограде.

«Боевая правда» смогла аккумулировать значительные литературные силы. Так, знаменитый поэт Василий Князев вел в газете стихотворный раздел «Красный барабанщик»; в 1920 г. свою прозаическую рубрику получил молодой писатель Константин Федин. Здесь началась деятельность будущего писателя А.Г. Лебеденко, который после демобилизации из Красной армии по болезни стал секретарем редакции. Многие советские писатели и поэты публиковались в военной прессе, например в газете Первой конной армии «Красный кавалерист» под псевдонимом Кирилл Лютов активно печатался Исаак Бабель.

«Столбцы “Боевой правды” открыты для статей, стихов, заметок, мыслей, вопросов красноармейца... Делитесь с товарищами вашими думами. Расскажите им о вашей жизни... Пишите как умеете. Если будет написано неправильно — исправим», — такое обращение к бойцам-читателям содержалось в одном из первых номеров газеты. Там же был напечатан отдельный призыв ко всем ячейкам РКП(б) 7-й армии, который, по сути, обязывал большевиков-партийцев к сотрудничеству с газетой, а также к организации присылки «постоянной корреспонденции» от беспартийных красноармейцев. В запасных полках должны были создаваться литературные коллегии, остальные части выделяли «ответственного корреспондента» для «собираания красноармейского материала» [*Боевая правда*. 1919. 11 сентября]. Несколько позже была выпущена листовка «Ко всем коммунистам 7-й армии», призывавшая к всемерной помощи редакции, отправке красноармейцами в газету своих произведений, созданию тесной связи с красноармейскими массами, особенно с выходцами из крестьян [13, с. 292–293].

Только с 20 декабря 1919 г. по 20 января 1920 г. в «Боевой правде» было размещено 97 статей, сообщений, резолюций, присланных красноармейцами [14, с. 191]. Весьма показательно и то, что в небольшой по объему сборник «Фронтная поэзия в годы Гражданской войны» (1938) вошли 6 красноармейских стихотворений из «Боевой правды» только за 1919 г., а ведь она, напомним, начала выходить лишь с сентября. Тем не менее «Боевую правду» не стоит считать полусамодельной газетой бойцов Петроградского фронта, ее строили профессионалы. Отметим также, что львиная доля материалов была вовсе не связана с жизнью бойцов 7-й армии, они были универсальны и могли быть размещены в любой армейской газете Советской России.

Наибольший интерес с точки зрения самодеятельного творчества красноармейских масс в «Боевой правде» представляет стихотворная рубрика «Красный барабанщик», которую вел В. Князев. В ней размещались и его собственные произведения, подписанные настоящим именем или псевдонимом Главбар (Главный Барабанщик). Основной задачей Князева было редактирование присланных стихов, которые

иногда изменялись весьма радикально. Во втором выпуске газеты Князев призывал:

*Поэты,
Строчи куплеты;
Рассказчики,
Шли сценок образчики.
Ежели кто рисует —
И это меня интересует.
Главное, чтоб было весело,
Чтоб, читая нас, армия носа не весила.
... Не жалея красного словечка
Про белого человечка [*Боевая правда*. 1919.
9 сентября].*

В следующем номере, дополнительно мотивируя «сыпать в барабан» произведения и избавляя от понятной стеснительности потенциальных авторов, Князев писал: «Мы их встряхнем, обточим, отшлифуем и высыпем на голову буржуям» [*Там же*. 1919. 10 сентября].

Подавляющее число красноармейских стихов в газете были подписаны инициалами или прозвищами (Д.Д., Кр. Ш., Курсант А.Ш., Фронтвик, Л. М-ев, В. Кн.). Некоторые из них, по-видимому, написаны профессиональными поэтами и намеренно выданы за любительские.

Отдельная страница рассказов и другой художественной корреспонденции «Красноармеец-писатель» под редакцией К. Федина начала периодически выходить с 8 февраля 1920 г. Сам писатель так объяснил появление новой рубрики: «Потребность общения, желание поделиться впечатлениями... выросли за время революции до насущной необходимости» [*Там же*. 1920. 8 февраля]. Именно «массовые попытки творить», художественная инициатива приобрели в годы Гражданской войны гигантский размах [15, с. 314]. Для иллюстрирования этих слов исследователи А. Меньшутин и А. Синявский приводят примеры именно из «Боевой правды». Пожалуй, на страницах фронтной печати в целом была выработана и сформирована та яркая и своеобразная «художественная физиономия», присущая самодеятельному творчеству народа.

В газете приветствовалось разнообразное самодеятельное творчество, в частности деятельность тех красноармейских театров, которые занялись постановкой «своего репертуара». Они не только играли и ставили, но и сами сочиняли драматические произведения: существовала, например, пьеса с характерным названием «Вобла и белые булки».

Разными путями достигалась цель — приобретение красноармейцев к чтению «Боевой правды». Необходимо было сделать так, чтобы они видели в ней не материал для «самокруток», а своего рода товарища, наставника. Очевидный способ привлечения внимания — сделать газету интересной и наглядной. Именно над этим в первую очередь и трудилась редакция. Почти каждый номер (осенью 1919 г. регулярно) на первой полосе содержал карикатуры на темы «текущего момента», часто выполненные талантливо и остроумно. На рисунке «Горе предателям нашего дела» Красная армия стилизована под лихого красноармейца на коне, который на пути к победе перепрыгивал через «забор» из «шкурников», сшибая копытами их головы. На карикатуре «Который раз по счету?» обыгрывались бесконечно транслируемые петроградской прессой сообщения западных газет об очередных планах захвата «города трех революций»: высокая бумажная стопка «планов» нависла над Петроградом: «Держись, Питер. Опять... планы белых рушатся!!!»

Ряд номеров украшали фотографии, как правило, подобранные случайно (например, модель памятника павшим бойцам 1-й Туркестанской армии), анонимные («Батарея на позициях»), бытовые («Утренний туалет красноармейца»). Редким исключением была фотография, на которой запечатлен красноармеец с мальчиком на коленях, читавший в минуту отдыха «Боевую правду». Номер газеты от 28 сентября 1919 г. имел иллюстрированное приложение с портретом Л.Д. Троцкого и фотографией проекта памятника М.С. Урицкому.

Грамотные красноармейцы и слушающие чтение газеты должны были использоваться как проводники официальной политики большевистских властей в «отсталой» и «серой» деревне. Доверительно, «по-свойски» соглашаясь с существованием многочисленных несправедливостей на селе, «Боевая правда» объясняла их случайностями, происками врагов, издержками сурового военного времени. К красноармейцам издание обращалось как к людям понимающим и лояльным, призывая их к инициативе: пишите жалобы, советуйте через письма родным, как законным путем избавиться себя от притеснений, как семьям красноармейцев получить то или иное довольствие. В специальной рубрике «Что нужно знать каждому красноармейцу»

ставились вопросы: «Почему нет сейчас в деревне ни соли, ни керосина, ни мануфактуры? Куда все это подевалось?» [Боевая правда. 1919. 18 сентября]. В заметках нередко встречались обращения: «Красноармеец! Разъясни каждому крестьянину...» Далее следовали доводы в пользу официальной точки зрения по какому-либо вопросу. В одном из номеров была помещена даже своеобразная инструкция под заголовком «О чем писать домой, в деревню?» [Там же. 1919. 9 октября]. В газете печатались прямые призывы распространять в деревне «Боевую правду». Повышение престижа Красной армии, понимание важности военной службы, целей войны и тех жертв, которые ради этого нужно выносить крестьянству, — все эти задачи ставились перед газетой. Их решение должно было привести к сокращению числа уклонявшихся от призыва, затруднению возможности проживания в деревнях дезертиров, снижению вероятности восстаний и в целом укрепить тыл.

Гражданской войне на Юге России «Боевая правда» отводила одно из первых мест, особенно в сентябре 1919 г., когда ситуация под Петроградом выглядела не критической, а мобилизация всех сил республики на борьбу с Деникиным стала одной из актуальных задач печати. Номера газеты содержали военные обзоры, которые по содержательности и информативности не отличались от аналогичных обзоров «гражданских» газет. О ходе боевых действий в районе 7-й армии (что должно было быть наиболее интересным для читателей) сообщалось мало. Во-первых, за исключением периода с конца октября по ноябрь 1919 г., особых поводов для звучных победных репортажей на Петроградском фронте не было. Во-вторых, поданная в газете информация не должна была наносить ущерб интересам обороны. Цензура строго следила за сообщениями в прессе и выносила предписания о нарушениях. В частности, это относилось к раскрытию номеров воинских соединений, их расположений. В одной из цензурных сводок отмечались следующие нарушения в петроградской прессе: «названа 7-я армия», «назван политотдел 7-й армии» [5, д. 43, л. 1 об.]. «Боевая правда», исходя из собственного заглавия, была, строго говоря, органом политотдела «Н-ской армии», хотя понятно, что для противника не было новостью, что под Петроградом дислоцирована именно 7-я армия.

Насыщенность «Боевой правды» яркими материалами в первый месяц издания объясняется и тем, что на это время пришлось «Партийная неделя» и «Неделя советской агитации». Призывы к вступлению в РКП(б), обращенные к красноармейцам, содержались в каждом номере. Стиль их различался — это и доверительные «беседы» с терпеливыми разъяснениями, и программные резюме (например, «Чего хотят коммунисты»), и визуально привлекающие внимание крупно набранные столбцы лозунгов: «**КТО** против власти царей королей, фабрикантов, богатеев. **КТО** за власть рабочих, крестьян, людей труда» и т. д. В другой газете, не ориентированной на армию, вряд ли мог появиться бескомпромиссный лозунг: «Коммунист — тот, кто бьется в передовой цепи против врагов трудящегося народа» [*Боевая правда*. 1919. 15 октября].

Интересными для исследователей представляются публикации статистического характера, касающиеся 7-й армии. Такова, в частности, статья «Учет и распределение политработников», в которой автор обработал данные о 112 комиссарах, распределив последних по партийному стажу (например, 33 вступили в РКП(б) после сентября 1918 г.) и по социальному происхождению (66 % — рабочие, 15 % — крестьяне, 19 % — «интеллигенты») [*Там же*. 1919. 12 сентября]. Понятно, что и этот материал был по-своему идеологически «заряжен».

Осенью 1919 г. в боях под Петроградом впервые на фронте 7-й армии против нее были использованы танки. Слава «белого танка» шла впереди него, наводя ужас на красноармейца — вчерашнего крестьянина. Важно было развеять слухи о непобедимости «железного чудовища», пристыдить трусов, укрепить робких. Боевые качества танков на страницах рассматриваемого издания оценивались весьма низко. Танки преподносились как сильное психологическое оружие, противостоять которому просто: нужно только преодолеть страх. Считалось, что главное препятствие к эффективному использованию танков на фронте 7-й армии — это труднопроходимые дороги в болотистой и лесистой местности западных уездов Петроградской губернии, под Псковом. Одновременно посредством газеты был передан и устойчиво сложившийся в массовом сознании образ танка: «...Нечто всесокрушающее, огнедышащее, громоизвергающее, какой-то движущийся зем-

ной ад» [*Там же*. 1919. 12 сентября]. Армейская газета серьезно подошла к чисто практической стороне борьбы с танками. Важность обучения красноармейцев методам их уничтожения подчеркивалась в стихотворениях: «Им книжка сказала: живот и спина — слабейшее место стального слона» [*Там же*. 1919. 2 ноября]. Газета посильно вносила свою лепту в этот процесс. Авторы заметок не особенно углублялись в военную теорию, что объясняется как уровнем подготовки читателей, так и качеством их собственных знаний. Почти весь номер «Боевой правды» от 2 ноября 1919 г. посвящен танкам. Относительно подробно рассказывалось про устройство, уязвимые места, применение против них артиллерии, гранат, пулеметов, стрелкового оружия.

4 ноября 1919 г. «От особого отделения Н-ской армии» был помещен список перебежчиков к белым, вместе с перечнем родственников перебежчиков, арестованных в качестве заложников. Такая мера, редко применявшаяся в северо-западных губерниях Советской России, показалась уместной для воздействия на красноармейцев в разгар решающих боев с армией генерала Юденича. В это же время развилась практика саморанения («самострела») — нанесения красноармейцем себе раны или увечья (обычно левой руки или ноги) с целью избежать участия в бою. «Боевая правда» оперативно отреагировала на сложившуюся ситуацию: в ноябре 1919 г. фиксируется пик материалов о позорности «самострела». Газета выдвинула лозунг: «Симулянт-самострельщик хуже дезертира». Основания для этого были серьезные: дезертира рано или поздно вновь вернут в строй, а самострельщик «сберегает патрон белых — и делает свое презренное дело нашим красным патроном». На карикатуре «Горе самострельщику» изображен красноармеец, жмуший пальцем ноги на спусковой крючок винтовки, чтобы поразить ладонь. Рисунок дополнен словами: «В какой среде не без урод! Но... такого урод не потерпит власть народа» [*Там же*. 1919. 20 ноября]. Самострельщикам в вину ставилось то, что они подвергли своих товарищей большей опасности, так как отвлекли медицинский персонал, на них потратили последние бинты и лекарства, они заняли места в лазарете. Последствия этого преступления описал В. Князев в стихотворении с говорящим названием

«Самострелы подводят народ под расстрелы»: «Себе испортил руку – детей подвел под муку» [*Боевая правда*. 1919. 5 ноября]. Для усложнения определения факта саморанения красноармейцы, сговариваясь, стреляли друг в друга. Газета признавала, что некоторые слабovolные поддавались дурному влиянию. На них старались воздействовать, призывая немедленно докладывать начальству, «а то вы сами попадаетесь и отвечаете за них. Они-то умеют выкрутиться» [*Там же*. 1919. 22 ноября].

В «Боевой правде» не только помешались отчеты о деятельности реввоен трибунала 7-й армии, но и проводилась его общая популяризация как суда «самого настоящего, справедливого». Печатались впечатления красноармейцев о ходе процессов, слова поддержки вынесенных постановлений. Особенно часто это касалось судов над дезертирами и самострельщиками, ведь необходимо было не просто наказать их, но и преподнести приговор (например, расстрел) как единодушное решение всей армии, каждого красноармейца. За ноябрь и декабрь 1919 г. по приговорам реввоен трибунала 7-й армии были приговорены к расстрелу 17 человек, в том числе 8 злостных дезертиров и 3 самострельщика [*Там же*. 1920. 1 февраля].

Тема борьбы с дезертирством всю войну не сходила со страниц «Боевой правды». Эта проблема в Красной армии достигла огромных масштабов, и 7-я армия не была исключением. Среди главных причин, побуждавших красноармейца уйти из части и податься «в бегунцы», были тяжелые материально-бытовые условия службы, желание помочь семье, возраставшее в периоды полевых работ, и страх оказаться в бою. Интенсивность «антидезертирских» публикаций возрастала в периоды проведения «Недель добровольной явки дезертиров», амнистий для сдавшихся. В «Боевой правде» публиковались постановления о прощении «одумавшихся», воззвания Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, сведения о наказаниях за дезертирство. Активно для развенчания «славы дезертира» применялись карикатуры. На одной из них, под названием «Дурную траву с поля вон», из рядов «нормальных» растений вырывали дезертира, стилизованного под сорняк [*Там же*. 1919. 17 сентября]. Вероятность, что армейская газета попадет в руки дезертира, была мала, хотя до деревни они все же доходи-

ли. Эти материалы адресовались бойцам 7-й армии, т. е. дезертирам «потенциальным», для формирования в армии общего мнения о недопустимости, вредности дезертирства. На предупреждение данного военного преступления, а также на побуждение родственников и односельчан к выдаче дезертиров была направлена вся сила печатного слова. Отметим, что материалы о льготах семьям красноармейцев, выдаче пособий, помощи по обработке их полей можно также рассматривать как направленные на упреждение дезертирства. Ведь если у родных все в порядке, у красноармейца нет причин думать о побеге и возможности оправдать его – бойцу есть что защищать, за что рисковать жизнью.

Для понимания практики агитационной работы с красноармейцами с помощью «Боевой правды» полезно рассмотреть «Тезисы для лекций и бесед по борьбе с дезертирством». Отметим, что к моменту их выхода (осень 1920 г.) все подходы и методы «клеяния» данного преступления были вполне отработаны. «Тезисы» представляли собой детально прописанный план полемической беседы лектора-агитатора с бойцами. Они включали в себя более двух десятков пунктов: «Законная ненависть рабочих и крестьян к старой армии», «Красноармеец как член великой семьи трудящихся», «Затягивание войны благодаря дезертирству», «Дезертир как всеми отверженный и презираемый» (данный тезис раскрывался в шести подпунктах, с указанием конкретных примеров) и др. Подобные беседы должны были свестись к осознанию неизбежности наказания дезертиров, морального права государства сурово карать этих предателей всего трудящегося люда [*Там же*. 1920. 10 октября]. На все возможные острые вопросы и нападки слушателей политический работник с помощью подобного «ликбеза» должен был дать достойный ответ.

В публикации писем красноармейцев, специально отобранных и отредактированных, если вообще не «подставных» (такая практика применялась в газетах периода Гражданской войны), прослеживалась определенная система. Бралась некая проблема, волнующая каждого бойца 7-й армии (бытовые вопросы, плохая работа полевой почты и т. д.), и осторожно критиковалась. Таким образом, при чтении газеты красноармейцы несколько «выпускали пар» и испытывали надежду, что после публи-

кации ситуация изменится. В редакцию газеты поступали жалобы, часто анонимные. Ответы на некоторые из них публиковались в разделе «Почта красноармейца», например: «Пулеметчики *** полка, жалоба ваша о грубом обращении переслана в политотдел *** дивизии для строжайшего расследования» [*Боевая правда*. 1919. 26 сентября]. Здесь же размещали ответы на присланные для публикации в газете сочинения: «Стихотворения не подойдут. Содержание их бодрое, хорошее, но с формой вам пока еще не удалось справиться. Надо поработать» [*Там же*. 1919. 24 сентября].

Краеугольным камнем, на основании которого были «построены» статьи политического характера в «Боевой правде», являлись вопросы о войне: «Долго ли продлится война?», «За что мы воюем, ради чего рискуем жизнью?», «Почему берут в Красную Армию крестьянских детей?» После подобной «отправной точки» было удобно и уместно осветить основы нового советского строя, ужасы жизни в «Колчаковии» и «Деникии», страдания простых солдат в Белой армии. Эти заметки были написаны простым слогом, часто в форме беседы. Поводом для помещения такого материала в «Боевую правду» назывались многочисленные письма в адрес газеты.

Пропаганда тесно соседствовала с просветительской частью. Революционные даты, юбилеи критиков, писателей социально-демократического направления, российских и зарубежных революционеров находили отклик в виде обширных биографических статей, иногда с привязкой к «текущему моменту». Большая статья об А.И. Герцене в одном из номеров заканчивалась словами: «В пороховой погреб революции немало динамита было заложено Александром Ивановичем Герценом, поэтому имя его не умрет, а будет жить вечно в памяти рабочих и крестьян» [*Там же*. 1920. 21 января]. Монументальная пропаганда была отмечена в газете несколькими заметками под заголовком «Кому пролетариат ставит памятники» с содержательными рассказами о Н.А. Добролюбове, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Чернышевском и др.

Для повышения политической подкованности красноармейцев в газете помещались главы из «Азбуки коммунизма» Н.И. Бухарина. Подобные материалы сопровождалась сносками с разъяснением незнакомых слов, например: «Эгоист — себялюб, кто о себе, о

своей выгоде только думает» [*Там же*. 1919. 2 октября]. Была затеяна, но после выхода в нескольких номерах не получила дальнейшего развития рубрика «Словарь непонятных слов», где давалось определение того или иного термина, связанного с событиями общественно-политической жизни страны и Петрограда. Первым в этой рубрике было слово «блокада». Редакция обратилась к читателям с предложением сообщать в редакцию, какие непонятные им слова необходимо разъяснить на страницах газеты. В целом язык и стиль «Боевой правды» был адаптирован под уровень восприятия читателя (слушателя), и это было большой заслугой издания. Уместно привести откровенное замечание из псковской газеты «Известия», вышедшей в августе 1920 г.: «Все наши газеты пишутся языком не только не крестьянским, но вообще непонятным» [16, л. 91].

Важной темой было освещение хода мирных переговоров с прибалтийскими странами и Финляндией. Успешный итог таких переговоров в «Боевой правде» отмечен не столько радостью, сколько призывами к еще большей бдительности и боеготовности, так как «перемирие — не мир», а мир наступит только после окончательной победы [*Боевая правда*. 1920. 4 января]. Переформатирование 7-й армии, связанное с ее превращением в Петроградскую революционную армию труда в соответствии с постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны от 10 февраля 1920 г., сказалось и на ее газете. Новому положению армии был посвящен весь номер «Боевой правды» (теперь — органа политотдела армии труда) от 11 февраля 1920 г. В дальнейшем количество «милитаристических» материалов резко упало. Важнейшей темой отныне стали успехи и победы на трудовом фронте, главным лозунгом — «За топор, за лопату, за пилу, за станок!» [*Там же*. 1920. 11 февраля].

После начала советско-польской войны (1919–1921) приказом РВСР от 10 апреля 1920 г. 7-я армия была восстановлена, и с 16 апреля «Боевая правда» из трудармейской газеты вновь стала красноармейской. Некое полусонное состояние от затянувшегося «мирного» положения на Северо-Западе России отныне стало недопустимо, и «Боевая правда» повела активную работу по дискредитации «шкурнических настроений», трусости, агитацию за подъем бое-

вого духа. Приведем пример весьма типичного по своей язвительности и прямоте стихотворения, где говорится, что даже женщины готовы сражаться, раз этого не делают те, кого это напрямую касается, а «мужики» пусть рожают:

*Испугал милягу польский пан!
Надевай-ка бабий сарафан,
Мой горшки, меси на хлебы тесто —
Вот тебе и правильное место!* [Боевая правда. 1920. 28 мая]

Газета «Боевая правда» явилась ярким примером интенсивной работы с красноармейцами, целями которой были не только освещение текущего момента и пропаганда коммунистических идей, но и поддержка боевого духа, развлечение, приобщение широких масс к творчеству, помощь в решении бытовых вопросов, активная переписка и анализ поступавших писем и жалоб, опосредованное влияние на семьи красноармейцев-крестьян, донесение основ военного дела до неопытных бойцов. В целом «Боевая правда» выделялась на фоне армейских газет. Страницы ее, по оценке А.А. Геронимуса, «дышали доподлинной боевой правдой, классово непримиримостью и редкой целеустремленностью... Сочный, кра-

сочный язык, занимательность, конкретность и строгая выдержанность всего газетного материала делали «Боевую правду» любимейшей газетой красноармейских масс». Особенно, по словам исследователя, это заметно при сравнении ее с «бесцветной» «Красной звездой» соседней 15-й армии [17, с. 98].

Петроград, пусть и ослабленный многочисленными мобилизациями, в том числе и партийными, был способен дать главной газете военного округа редакцию достойного качества. Массив художественной корреспонденции красноармейцев, которая активно печаталась на страницах газеты, стал одним из ярких проявлений самодетельного творчества масс в первые годы русской революции. Вклад «Боевой правды» в победу Красной армии на Северо-Западе страны своеобразно отразился в путеводителе по Ленинграду 1940 г. Среди памятных мест, связанных с обороной Петрограда в 1919 г., «дом № 22 по улице Красной Звезды, в котором находилась редакция газеты „Боевая правда“», выделен наравне с Пулковскими высотами и братской могилой павших в боях с Юденичем, расположенной в Александровском парке города Пушкина [18, с. 340].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черненко Д.Л. Газета поезда Л.Д. Троцкого «В пути» // Воен.-истор. журн. 2012. № 4.
2. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 6. М., 1978.
3. Анишев А. Очерки истории Гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925.
4. Советская военная энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1933.
5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 1. Оп. 1.
6. Красноармеец. 1920. № 18–20.
7. Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. 2. М., 1922.
8. Известия Петросовета. 1920. 25 мая.
9. Геронимус А. Великая оборона Красного Петрограда // 1919. Великая оборона Красного Петрограда. Л., 1929.
10. Сборник приказов и приказаний по Петроградскому военному округу за 1919 г. в области политической и культурно-просветительской работы в Красной Армии. Пг., 1920.
11. Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977.
12. На страже Родины // М-во обороны РФ. URL: <http://sc.mil.ru/social/media/periodic/more.htm?id=11201@morfOrgInfo> (дата обращения: 08.10.2014).
13. Листовки петроградских большевиков 1917–1920. Т. 3. Л., 1957.
14. «Серрапионовы братья» и К. Федин: библиограф. очерк. Иркутск. 1976.
15. Меньшутин А., Синявский А. Поэзия первых лет революции. М., 1964.
16. Государственный архив новейшей истории Псковской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 455.
17. Геронимус А.А. Разгром Юденича. М.; Л., 1929.
18. Ленинград. Путеводитель. Л., 1940.

K.V. Levshin

**ORGANIZATION OF THE MILITARY PRESS
IN THE SOVIET RUSSIA DURING THE CIVIL WAR
(based on the materials of the newspaper "Boevaya pravda" in 1919–1920)**

LEVSHIN Konstantin V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: petrograd84@mail.ru

This article discusses a scantily explored problem of the history of the Civil War in Russia: the features of organization of military press; the Soviet Russia agitation and propaganda policy is also examined. The author uses the example of 7th Army and the Petrograd Military District newspaper "Boevaya pravda" ("The Fighting Truth"). A specific interpretation of the Civil War events on the pages of this edition makes "Boevaya pravda" an important source for research the military, political and social history of the North-West of Russia in 1919–1920. Special attention is focused on the amateur creative work of the Red Army men masses on the pages of this newspaper.

MILITARY PRESS; "BOEVAYA PRAVDA"; AGITATION; THE RED ARMY; THE CIVIL WAR; PETROGRAD.

REFERENCES

1. Chernenko D.L. [The newspaper of L. Trotsky's train "On the way"]. *Military Historical J.*, 2012, no. 4. (In Russ.)
2. Soviet Military Encyclopedia. In 8 vol. Of vol. 6. Moscow, Voenizdat Publ., 1978. (In Russ.)
3. Anishev A. *Ocherki istorii Grazhdanskoy voyny 1917–1920* [Essays on the history of the Civil War 1917–1920]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. (In Russ.)
4. Soviet Military Encyclopedia. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, 1933. (In Russ.)
5. [Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg]. F. 1. Op. 1.
6. *Krasnoarmeets* [Red Army Man]. 1920, no. 18–20. (In Russ.)
7. [Statistical Yearbook]. 1918–1920. Of vol. 2. Moscow, 1922. (In Russ.)
8. *Izvestiya Petrosoveta* [Delivered messages of Petrosovets]. 1920. May 28. (In Russ.)
9. Geronimus A. [The great defence of the Red Petrograd]. *1919. Velikaya oborona Krasnogo Petrograda* [1919. The Great defence of the Red Petrograd]. Leningrad, 1929. (In Russ.)
10. [Collection of orders on the Petrograd Military District for 1919 in the field of political, cultural and educational work in the Red Army]. Petrograd, 1920. (In Russ.)
11. Katkov N.F. *Agitatsionno-propagandistskaya rabota bol'shevikov v voyskakh i tylu belogvardeytssev v period 1918–1920 gg.* [Agitation and propaganda work of the Bolsheviks in the army and the rear of the White Guards during 1918–1920]. Leningrad, 1977. (In Russ.)
12. *Na strazhe Rodiny* [On Guard of the Motherland]. The Ministry of Defence of the Russian Federation. Available at: <http://sc.mil.ru/social/media/periodic/more.htm?id=11201@morfOrgInfo> (accessed 08.10.2014).
13. [Leaflets of Petrograd Bolsheviks 1917–1920]. Of vol. 3. Leningrad, 1957. (In Russ.)
14. "Serapionovy brat'ya" i K. Fedin ["The Serapion Brothers" and K. Fedin: a bibliographical essay]. Irkutsk, 1976. (In Russ.)
15. Menshutina A., Sinyavskiy A. *Poeziya pervykh let revolyutsii* [Poetry of the first years of the revolution]. Moscow, 1964. (In Russ.)
16. [State archive of contemporary history of the Pskov region]. F. 1. Op. 4. D. 455.
17. Geronimus A.A. *Razгром Yudenicha* [Rout of Yudenich]. Moscow, Leningrad, 1929. (In Russ.)
18. *Leningrad. Putevoditel'* [Leningrad. The guidebook]. Leningrad, 1940. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.12
УДК 94(470.6).084

Г.Н. Каменева

ВОЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН ЮГА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАМЕНЕВА Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Ставропольского государственного педагогического института.

Россия, 355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417А

e-mail: KamenevaGN@mail.ru

В статье представлен анализ мотивов и численных показателей мобилизации женщин Юга России в годы Великой Отечественной войны в ряды Вооруженных сил страны. Рассмотрены социально-демографические характеристики мобилизованных женщин, военная специализация, приведены примеры их должностных обязанностей в соответствии с военной специальностью, указан ряд женских военных формирований в период битв за Кавказ и Сталинград. Статистический и фактический материал основан на широкой источниковой базе, и прежде всего на архивных документах и материалах опроса женщин-фронтовиков. В результате работы с документами Управления мобилизации и комплектования Красной Армии Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации автор приходит к мнению, что численность мобилизованных в армию и на флот женщин по стране была выше, чем прежде указывалось в исторической литературе.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ; ЖЕНСКАЯ ВОЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ; ЖЕНЩИНЫ-ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ; ЖЕНЩИНЫ-ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ.

Войны XX века, и прежде всего Великая Отечественная война 1941–1945 годов, внесли большие коррективы в обыденное восприятие гендерных ролей. Женская активность в годы Великой Отечественной войны поражает своей многогранностью. Однако более всего удивляет массовое присутствие советских женщин в рядах Вооруженных сил страны – более 1 млн человек [1, с. 269]. Данный факт не имеет аналогов ни в мировой, ни в отечественной истории. Анализ вопросов военной мобилизации женщин необходим для общественного осмысления их вклада в дело Победы.

Целостную картину процесса мобилизации людских ресурсов невозможно воссоздать без анализа региональной истории. Выбор региона во многом обусловлен тем, что Юг России отличается своеобразием культурных, национальных, политико-этнических факторов и представляет собой уникальную микромодель российского социума. Понятие «Юг России» исторически использовалось многозначно. Сегодня оно используется не только в гео- и этно-

культурном значениях, но и в военно-административном – Южный военный округ (ЮВО). В границах довоенных субъектов РСФСР Юг России включал в себя Сталинградскую и Ростовскую области, Ставропольский и Краснодарский края, Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую, Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую Республики.

Исследовательский интерес представляют различные вопросы: факторы женской мобилизационной активности; количество женщин, мобилизованных по региону; их социально-демографические характеристики и военная специализация; фронты, а также отдельные военные формирования, в составе которых служили женщины Юга России.

К началу Великой Отечественной войны в СССР было 16 военных округов. Для нашего исследования интерес представляют мобилизационные ресурсы Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и Сталинградского военного округа (СтВО), образованного в ноябре 1941 года. На период оккупации региона произошло сли-

яние Крымского, Северо-Кавказского, Южного и Закавказского фронтов с переименованием их в Закавказский фронт (ЗКФ)*.

В предвоенные годы политика Советского государства в женском вопросе способствовала быстрому развитию эмансипации. Вовлеченные во все сферы жизни общества, сотни тысяч женщин осваивали различные военные специальности. Именно они и составляли важный резерв для пополнения армии в случае войны. Изучение социального портрета женщин региона показало, что к началу войны из 6,7 млн женщин большинство были молоды и энергичны, проживали в сельской местности. В наиболее призывном возрасте (от 20 до 30 лет) находились 1,2 млн девушек и женщин Юга России [2, с. 20–23].

Право женщин на воинскую службу было зафиксировано в законе «О всеобщей воинской обязанности», принятом 1 сентября 1939 года. Согласно статье 13, в армию и на флот для несения вспомогательной и специальной службы принимались женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и техническую подготовку [3, с. 21]. Например, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 года, до принятия закона женщин-военнослужащих в СКВО насчитывалось лишь 76 человек [4, с. 244]. С началом войны тысячи женщин и девушек пополнили ряды военнослужащих.

Уже в первые дни войны на собраниях и митингах женщины заявляли о своей готовности встать на защиту Родины, отдать свои силы, а если потребуется, то и жизнь. И эти заявления были не просто слова. Анализ показал, что среди добровольцев, подавших заявление об отправке в армию, до 50 % были женщины. Так, за первые две недели войны было подано более 4 тыс. заявлений от женщин Кубани, около 1 тыс. – Чечено-Ингушской АССР, более 1 тыс. – Ставрополя, в том числе 157 заявлений от представительниц Карачая и Черкесии и других субъектов региона [5].

Однако не все женщины-добровольцы были приняты на военную службу. Из числа прошедших военно-медицинскую комиссию и не имеющих особых обстоятельств, таких как наличие малолетних детей и других иждивенцев, предпочтение отдавалось молодым, с законченным средним образованием, политически грамотным и получившим медицинскую

и специально-техническую подготовку. Многие проявляли большую настойчивость, добиваясь отправки на фронт, обращались в военные комиссариаты, партийные и комсомольские организации [6].

Анализ отчетов отделов мобилизации военных округов и отделов укомплектования фронтов показал, что подавляющее большинство мобилизованных в армию женщин находилось в возрасте от 18 до 25 лет [7].

В ходе бесед, интервью, опросов женщины-военнослужащие среди мотивационных факторов мобилизационной активности выделяли прежде всего чувство долга и любви к Родине, потребность ощутить свою значимость в деле Победы [6]. Так, вспоминая первые дни войны, Анастасия Тимофеевна Точкина (Чернышова), жительница Ставрополя, отмечала: «Потребность быть полезной Родине была настолько велика, что я не могла не оказаться в армии. 18-летней девчонкой, я три дня, ночуя в городском сквере, стояла в очереди в военкомат, умоляла взять на фронт» [Там же]. Подобными чувствами руководствовались тысячи девушек, осаждавших военкоматы.

Другим распространенным мотивом было желание находиться вместе со своими родными и близкими. Желание многих отомстить врагам за смерть родных и близких также было мотивом службы в армии. Опросы показали, что немало женщин-фронтовичек были сиротами либо из многодетных семей. Нахождение в армии, объясняли они, давало ощущение своей пользы и одновременно защищенности – определенные социальные и материальные гарантии [Там же].

Важным мобилизационным фактором была деятельность ВКП(б). Желая придать массовому стремлению женщин оказаться в действующей армии более планомерный и организованный характер, партия призвала женщин овладевать военным делом, а Государственный комитет обороны (ГКО) принял ряд постановлений об их мобилизации для несения военной службы в различных родах войск [8, с. 43, 72]. Только среди женщин-коммунисток было проведено пять мобилизаций. Всего за годы войны на основании постановлений ГКО было издано 17 приказов Народного комиссариата обороны (НКО) СССР о мобилизации женщин на службу в армию и на флот. Главной их целью была за-

мена мужчин-военнослужащих в специальных частях, для использования в полевых войсках. Пик мобилизационной активности пришелся на весну 1942 года (период ожесточенных боев на Волге и Северном Кавказе).

Призыв ЦК партии в марте 1942 года к женщинам и девушкам «овладеть военными специальностями» был поддержан инициативой ЦК ВЛКСМ по созданию в системе всеобуча (всеобщее военное обучение) женских комсомольско-молодежных подразделений [8, с. 72]. Первоначально предполагалось обучение военным специальностям вспомогательных служб: телефонистка, радистка, связистка, повар, регулировщица, медсестра. Однако стремление женщин овладеть и другими, более сложными военными профессиями привело к значительному расширению их номенклатуры. Не были редкостью специальности: летчик, танкист, кавалерист, снайпер, моряк, зенитчик, сапер и др. Военных специалистов готовили также гражданские учебные заведения, сигнальные военные училища, запасные военные части.

Мобилизация женщин осуществлялась на основании решений ГКО СССР через районные и городские военные комиссариаты по согласованию с центральными и местными советскими, партийными и комсомольскими организациями.

Несмотря на то что массовое присутствие женщин на театре боевых действий наблюдалось впервые, женщины мужественно разделили с мужчинами все тяготы воинской службы. По воспоминаниям фронтовичек, косы приходилось обрезать; военная мужская форма, сапоги, как правило, были велики; военное снаряжение весило до 50 кг; грязь, вши, рытье окопов и землянок, в которых было сыро и холодно. Очень угнетали женщин санитарно-гигиенические условия военной жизни, особенно в передовых (и мужских по преимуществу) частях, когда десятки дней подряд шли бои. В бани и дизкамеры в период боевых операций удавалось попасть один раз в 2–3 месяца [6]. Моральная готовность к подвигу, высокая внутренняя самоорганизация помогли женщинам выносить суровые бытовые условия, тяжелые физические и эмоциональные нагрузки, действовать в условиях ежеминутной опасности.

Выявление общей численности женщин, мобилизованных в армию и на флот, представ-

ляло в ходе исследования определенные трудности. Согласно справкам Управления мобилизации и комплектования Красной Армии, «*вопрос призыва и комплектования частей женщинами в мирное время отработан не был*» (курсив наш. — Г. К.), впрочем, как и многие другие вопросы нахождения их в армии [9, л. 62]. В 1941-м — I квартале 1942 года отдельный учет женщин в военных округах и на фронтах не велся. Первые руководящие указания по этому поводу были даны в мае 1942 года, после массовых женских призывов. Численность женщин стали указывать в знаменателе. Однако тщательная отчетность по женскому составу в Вооруженных силах была налажена лишь к весне 1943 года.

Так, в справках Управления мобилизации и комплектования Красной Армии численность женщин за 1941 год довольно условная, так как число мобилизованных женщин включалось в общую численность военнослужащих. Численность женщин страны, находящихся в рядах армии и флота, в разных изданиях и у разных авторов колеблется — от 500 тыс. до 800 тыс. человек [10].

По последним данным, опубликованным в 2009 году Генеральным штабом и Управлением Министерства обороны РФ, только по состоянию на 1 января 1943, 1944 и 1945 годов в Красной армии (без ВМФ) ежегодно находилось на должностях от 700 тыс. до 1 млн женщин-военнослужащих и вольнонаемных [11, с. 38].

Однако приведенные данные не отражают всего объема женских ресурсов в армии. Динамика ежемесячного изменения списочной численности и потерь (безвозвратных, санитарных и иных) женского состава войск остается «за кадром».

Данные о вольнонаемном составе, представляемые в Генштаб, подавались без демографических характеристик. Однако в подавляющем большинстве вольнонаемный состав был женским. С весны 1942 года было издано более десятка приказов НКО СССР о замене мужчин по ряду должностей в частях и учреждениях Красной армии женщинами с зачислением в кадры, и прежде всего по вольному найму. Это позволило высвободить мужчин для перевода их во фронтовые части.

Вольнонаемный состав использовался в штабах различных инстанций и в войсках на должностях обслуживающего персонала военно-

медицинских, продовольственных (полевых хлебзаводов, пищеблоков), вещевого, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений. Вольнонаемные на разных этапах войны составляли от 40 до 60 % от общей численности женщин, находящихся в действующей армии. Следует также учитывать, что сведения о потерях вольнонаемного личного состава, находившегося в специализированных формированиях различных гражданских ведомств (железнодорожного и водного транспорта, связи, здравоохранения, гидрометеослужбы и др.) в Генштабе не представлялись.

Полагаем, что с учетом женщин, мобилизованных в 1941 – начале 1942 года и находящихся в ВМФ, а также с учетом боевых и иных потерь количество женщин в рядах Вооруженных сил могло составлять от 1,5 до 2 млн человек. Анализ сведений о региональных мобилизациях женщин подтверждает, что показатели их численности в Вооруженных силах в годы войны многие десятилетия были представлены общественности страны заниженными.

Документы Центрального архива Министерства обороны и Российского государственного архива социально-политической истории, касающиеся женских мобилизаций на Юге России, позволяют утверждать, что общая численность женщин в армии и на флоте за годы войны составила более 100 тысяч [12]. Так, например, согласно справкам Управления мобилизации и комплектования Красной Армии, лишь за апрель – декабрь 1942 года по СтВО и СКВО была мобилизована 22 741 женщина [13, л. 3].

Мобилизованных в регионе женщин направляли на разные фронты. Часть женщин, мобилизованных весной 1942 года в СКВО, были отправлены на Воронежский, Сталинградский, Донской и другие фронты, в распоряжение Приволжского, Уральского, Южно-Уральского и других военных округов [Там же]. Однако в первую очередь их направляли на прилегающие фронты.

Основные события второй половины 1942 года и первой половины 1943 года на советско-германском фронте развернулись в пределах СКВО. Здесь происходили одновременно в тесной оперативно-стратегической связи две великие битвы: Сталинградская (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) и за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.).

Только в первой половине 1942 года на Закавказский фронт (ЗКФ) было отправлено свыше 10 тыс. женщин и девушек Юга России. Подавляющее большинство женщин-военнослужащих Северо-Кавказского фронта (СКФ) I и II формирования (до и после оккупации региона), а также Северной группы войск ЗКФ периода оккупации Северного Кавказа 1942–1943 годов – уроженки региона. Впоследствии отдельные части и армии СКФ вошли в состав разных фронтов: Украинского, Белорусского, Прибалтийского и др.

Непосредственно в войсках, участвовавших в битве за Кавказ, например весной – летом 1943 года, находилось до 43 тыс. женщин и девушек [14].

Самую большую группу военных специалистов из числа женщин представляли медики. Более 30 тыс. женщин региона – врачи, медсестры, санитарки – выполняли самоотверженную работу на поле боя, в армейских госпиталях, медико-санитарных батальонах. Стараниями медиков 75–90 % бойцов возвращались в строй [15, с. 470]. Более 2 млн бойцов Красной армии за годы войны восстановили свое здоровье в госпиталях региона. Наличие крупной госпитальной базы в регионе (более 400 госпиталей) и помощь миллионам раненых красноармейцев является огромным вкладом женщин Юга России в дело сохранения здоровья нации. Тысячи женщин-медиков героически трудились в боевых частях. Только в санучреждениях полевых частей СКФ (I форм.) на 1 июля 1942 года находилось более 700 женщин-военнослужащих [16].

Поразительно, но второй по численности женской специальностью оказалась стрелковая (более 20 тыс. человек). Служба стрелков – снайперов, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков – была чрезвычайно опасна. Стрелковые войска полевых частей, как правило, находились на передовой линии фронта, принимая на себя основной удар, несли наибольшие потери убитыми и ранеными. Оперативное пополнение боевого состава стрелков осуществлялось за счет запасных частей. Если на 20 марта 1943 года в боевых частях насчитывалось 316 женщин, то в запасных – более 13,5 тыс. (главным образом в 212, 213, 180 и 189-м стрелковых полках СКФ) [17]. Кроме того, стрелковые части имелись в составе армий фронта.

С апреля по июнь 1942 года только по Сталинградской области в комсомольско-молодеж-

ных подразделениях всеобща было подготовлено 750 девушек-стрелков (150 автоматчиков и 600 снайперов) [18, л. 4, 16]. В составе СКФ имела отдельная женская снайперская рота и женский снайперский взвод Кубанского кавкорпуса, сформированные из краснодарских комсомолок в апреле 1943 года.

Среди представительниц Юга России насчитывались сотни разведчиц. Только в первой половине 1942 года в СтВО и СКВО в Главное разведывательное управление Красной Армии было мобилизовано 300 женщин и девушек. В Чечено-Ингушетии для выполнения спецзаданий было подготовлено и отправлено на фронт 360 девушек [19, л. 3]. Разведывательные материалы, захваченные важные документы противника, сообщения пленных позволяли командованию решать военно-стратегические, оперативные и тактические задачи.

Большую профессиональную группу представляли фронтовички, служившие в частях противовоздушной обороны (ПВО). В них служило более 10 тыс. женщин – прибористки, наводчицы, пулеметчицы, связистки, командиры зенитно-пулеметных расчетов и др. Кроме хорошего знания техники служба требовала быстрой реакции, слаженности, четкости и большого мужества. Особенно много женщин и девушек было в частях и подразделениях службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), являвшейся первоисточником сведений о противнике. Вносочам приходилось также выполнять такие функции, как: наведение истребительной авиации на врага, захват мелких воздушных десантов и групп, разведка наземного противника в районе позиций ВНОС и т. д. Они не только в совершенстве владели средствами связи, но и в случае нападения на пост наземного неприятеля вели оборонительные бои, не прекращая основной работы – наблюдения за воздушным противником. Много женщин находилось в прожекторных частях, защищавших важные промышленные и военные объекты.

Молодые женщины региона направлялись преимущественно в части Краснодарского, Грозненского, Закавказского, Ростовского, Сталинградского дивизионных районов ПВО. Только из СтВО с мая по июль 1943 года было призвано и отправлено на фронт в войска ПВО 2776 женщин и девушек [20, л. 3–4].

Полностью женскими по составу были 454-й и 744-й зенитно-артиллерийские полки ПВО (в последнем служили более 1 тыс. девушек из Дагестана и Ставрополя 19 национальностей и народностей), 189-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион ПВО и др. Войска Северо-Кавказской и Закавказской зон ПВО сыграли важную роль в битве за Кавказ. При активной поддержке частей ПВО в период зимних наступательных операций 1942–1943 годов советские войска освободили от оккупантов значительную территорию региона, а в период с марта по октябрь 1943 года было выиграно самое крупное за время войны воздушное сражение, прорван один из мощных оборонительных рубежей противника – Голубая линия.

Кроме того, женское население региона активно привлекалось в войска Местной противовоздушной обороны (МПВО). Так, только за март – апрель 1942 года в них было мобилизовано почти 3500 тыс. девушек-комсомолок [21, л. 4, 11].

Тысячи женщин служили в подразделениях связи. Они доставляли почту, работали телефонистками, телеграфистками, радистками и радиооператорами, линейными надсмотрщиками, техниками, механиками и т. д. С 25 апреля по 1 мая 1942 года в армии женщинами было заменено 30 тыс. мужчин-связистов. В СКВО в 1942 году в войска связи было мобилизовано не менее 6 тыс. женщин [22]. К концу войны женщины составляли до 80 % личного состава подразделений связи.

Более 3,5 тыс. женщин региона находились в войсках ВВС. За годы войны в стране были сформированы три женских авиаполка. 588-й полк ночных бомбардировщиков, более известный как 46-й гвардейский Таманский, летчиц которого фашисты прозвали «ночными ведьмами», возглавляла ставропольчанка, уроженка села Добровольное Ипатовского (ныне Изобильненского) района, Евдокия Давыдовна Бершанская (Карабут) [23]. В полку служили более 4 тыс. женщин из разных регионов страны. Немало было в нем женщин региона [24, л. 14]. Боевая деятельность полка – одна из самых героических страниц женских формирований страны. Из 29 советских летчиц, удостоенных в годы войны звания Героя Советского Союза, 23 – летчицы этого полка [25].

Более 5 тыс. женщин Юга России были мобилизованы на службу в ВМФ и заменили мужчин по ряду должностей в его береговых частях и учреждениях. Служили они прежде всего в составе Черноморского флота, Азовской и Волжской военных флотилий. Так, например, в мае 1942 года в СКВО было мобилизовано 3295 девушек для службы в частях Черноморского флота [26, л. 203–204]. Значительная часть из них была дислоцирована в селении Кабардинка Геленджикского района Краснодарского края. Кроме того, в мае – июне 1942 года Сталинградским обкомом ВЛКСМ в ВМФ было мобилизовано 1300 комсомолок, 850 из них были отправлены на Черноморский флот в Новороссийск, а 450 – на Каспийскую военную флотилию в Баку [27, л. 15]. В сводках и донесениях в Главное политическое управление РККА по вопросу призыва девушек в части ВМФ указывалось: «Отбор произведен согласно требованиям: по возрасту от 19 до 25 лет, мобилизованы физически крепкие, морально устойчивые, преданные Родине патриотки, 50 % из которых добровольно подали заявление о зачислении в ВМФ. Комсомольская прослойка составляет 60–70 %» [28, л. 204]. Женщины-краснофлотцы региона участвовали в десантной операции под Новороссийском, в создании и защите плацдарма «Малая земля».

Тысячи женщин служили в частях военно-автомобильных дорог (ВАД). Мобилизовывали в них чаще всего уже готовых специалистов – шоферов и трактористов. К 30 сентября 1942 года в частях и учреждениях автодорожной службы Северной группы войск ЗКФ находилось 4,5 тыс. женщин [29, л. 8]. Регулирующими движения и контролерами на контрольно-проверочных пунктах также в основном являлись женщины. Они обеспечивали бесперебойность и безопасность движения войск и транспорта, поддерживая порядок и дисциплину на дорогах. С особым напряжением приходилось работать во время наступательных операций, когда непрерывным потоком двигался транспорт. Женщины мужественно переносили трудности, при любых погодных условиях регулируя движение транспорта. Только с апреля по декабрь 1943 года в СКВО было мобилизовано более 2300 регулировщиц движения [30, л. 126].

Значительное число женщин в качестве вольнонаемных привлекалось на строительство дорог. Военно-автомобильные дороги имели в

годы войны особое значение. Они были важным средством связи фронта с тылом, по ним осуществлялся подвоз в районы боевых действий вооружения, боеприпасов и горючего, продовольствия и обмундирования. Качество дорог влияло на скорость движения транспорта, их своевременный ремонт и строительство были составным условием успеха боевых операций. В 1941 году в войсках СКВО было сформировано 20 рабочих колонн по 1 тыс. человек, в том числе и из женских стройбатальонов [31, л. 6]. В тяжелых условиях, не щадя сил, здоровья, а порой и рискуя жизнью, они строили, восстанавливали дороги и мосты, сооружали переправы.

Сотни женщин региона служили в кавалерийских войсках. Комплектованию на Северном Кавказе крупных кавалерийских соединений способствовали историческое развитие здесь коневодства, казачьи традиции. 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк, сражавшийся в составе 51-й армии; Чечено-Ингушский дивизион, начавший свой боевой путь в составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса; 5-я Ставропольская (впоследствии 1-я гвардейская) кавдивизия им. Блинова; 53, 56 и 70-я кавдивизии и другие были укомплектованы в основном из числа добровольцев. Женщины составляли в кавалерийских войсках 20–25 %, многие с детства владели навыками верховой езды [32].

Женщин-офицеров нередко направляли служить политработниками, и прежде всего в женские военные формирования. Например, к концу 1942 года аппарат политотделов частей войск ПВО состоял в основном из женщин и девушек. Работали женщины-политработники комиссарами эвакуогоспиталей, инструкторами политотделов, секретарями партийных комиссий военных частей.

Тысячи женщин заменили мужчин по ряду должностей в тыловых частях и армейских учреждениях (санчасти, ветеринарные учреждения, базы снабжения фронта, артиллерийские и другие склады, учреждения органов местного военного управления). Диапазон военной специализации женщин показывает, что они владели практически всеми военными специальностями.

Важным фактом исследования является то, что из общего числа женщин-военнослужащих на разных этапах битвы за Кавказ от 40 до 70 %

их находились в боевых частях и частях военного обеспечения, а оставшиеся — преимущественно в тыловых, а также запасных, резервных и учебных. Исследование кадрового состава женщин показывает, что из общей численности женщин-военнослужащих от 20 до 40 % приходилось на офицерский и сержантский состав [33]. Это свидетельство их ответственности и организаторских способностей.

Годы самоотверженной службы женщин на фронте изменили отношение к ним подавляющей части скептически настроенных мужчин. Победа досталась очень тяжело, и женщины мужественно разделили с мужчинами все тяготы воинской службы.

Тысячи женщин региона не вернулись, погибнув на полях сражений, умерли от ран. Потери среди женщин-военнослужащих и лиц вольнонаемного состава в отчетных документах отдельной строкой не выделялись. По этой причине определить число погибших, умерших

и пропавших женщин весьма затруднительно. Многие женщины продолжали службу, часть из них сменили место жительства. Установлено, например, что к 9 августа 1945 года количество демобилизованных женщин по СКВО составило около 12,5 тыс. человек [34, л. 14–17, 166, 249]. Это лишь малая часть от числа мобилизованных в нем женщин. Демобилизация была завершена лишь к 1948 году.

Исследование показало, что главными факторами мобилизационной активности женщин были чувство гражданского долга и организаторская деятельность государства, партии и комсомола, поощрявших патриотические порывы женских масс. Высокий образовательный уровень, идейная убежденность, хорошая физическая подготовка помогли женщинам вынести тяготы воинской службы, освоить практически все военные специальности, изменить социальное восприятие женщины-воина — защитника Отечества.

* Северо-Кавказский военный округ (СКВО) в 1941 году включал в свой состав южную часть Ростовской области, Краснодарский и Орджоникидзевский (Ставропольский) края, Кабардино-Балкарскую и Чечено-Ингушскую АССР, Карачаевскую и Черкесскую АО. Управление находилось в Армавире (1941–1942). В августе 1942 года СКВО был упразднен, но в июле 1943 года воссоздан вновь.

Сталинградская область до ноября 1941 года относилась к Приволжскому военному округу. Сталинградский военный округ (СтВО) был образован 26 ноября 1941 года и включал в себя территорию собственно Сталинградской области (без трех районов), часть территории Ростовской и Западно-Кавказской областей, территории Астраханского административного округа и Калмыцкой АССР. Управление округа было сформировано на базе Харьковского военного округа и находилось в Сталинграде (Волгограде), в августе и сентябре 1942 года — в Астрахани. Упраздненный 31 августа 1942 года округ был преобразован в полевое управление 28-й армии.

Вновь сформирован 2 июля 1943 года, включал в себя территорию Сталинградской области, северные части Ростовской области, территорию Астраханского административного округа, Калмыцкой АССР, а по мере освобождения также Харьковскую и Ворошиловградскую области. Управление округа располагалось в Сталинграде. Округ был расформирован 15 октября 1943 года, территория и войска были переданы СКВО.

На период оккупации региона произошло слияние Крымского, Северо-Кавказского, Южного и Закавказского фронтов, с переименованием в Закавказский фронт (ЗКФ). Общая численность войск составляла около 1,5 млн человек (хотя, как свидетельствуют отчеты отдела укомплектования штаба ЗКФ, у фронтов не было единых форм отчетности и потребовалась сверка учета численности войск). С 1 октября 1942 года в состав войск ЗКФ были включены республиканские военкоматы Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Великая** Отечественная война 1941–1945 гг.: слов.-справ. / под ред. М. Кирьяна. М.: Политиздат, 1988.
2. **Всесоюзная** перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков [и др.]. М.: Наука, 1992.
3. **Мурманцева В.С.** Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974.
4. **Всесоюзная** перепись населения 1939 года: основные итоги. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999.
5. **Каратаева Х.А.** Трудный путь к Победе: женщины в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994. С. 120; **Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО)**. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 131. Л. 69; Ф. 32. Оп. 11309. Д. 166. Л. 276; Ф. 47. Оп. 999. Д. 206. Л. 247; **СССР в Великой Отечественной войне** (июнь 1941 – 1945 г.). М.: Воениздат, 1970. С. 29; **Документы** отваги и героизма. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1965. С. 2; **Российский архив социально-политической истории (РГАСПИ)**. Ф. 17. Оп. 8. Д. 60. Л. 3.
6. **Личный архив Г.Н. Каменевой**. Материалы опросов женщин-военнослужащих (1941–1945 гг.).
7. **ЦАМО**. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 272. Л. 392, Д. 340. Л. 554; Ф. 47. Оп. 999. Д. 206. Л. 247–250, Д. 107. Л. 108.
8. **СССР в Великой Отечественной войне** (июнь 1941 – 1945 г.): док. и мат. М.: Воениздат, 1970.
9. **ЦАМО**. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 192.
10. **Великая** Отечественная война 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1988. С. 269; **Польская А.М.** КПСС – организатор трудовых подвигов советских женщин в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972. С. 4; **Сенявская Е.С.** Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: Рос. полит. энцикл., 1999. С. 165.
11. **Великая** Отечественная война без грифа «секретно». Книга потерь / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Вече, 2009.
12. **Каменева Г.Н.** Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 154; **ЦАМО**. Ф. 51. Оп. 962. Д. 6; Ф. 143. Оп. 13049. Д. 14, 34, 53–57, 61, 98; Ф. 144. Оп. 13189. Д. 147; Ф. 7. Оп. 881806. Д. 131; Ф. 206. Оп. 265. Д. 6.
13. **ЦАМО**. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 131.
14. **ЦАМО**. Ф. 51. Оп. 962. Д. 34–38.
15. **Гречко А.А.** Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1971.
16. **ЦАМО**. Ф. 51. Оп. 962. Д. 51. Л. 408, 581; Ф. 224. Оп. 763. Д. 32. Л. 1–36.
17. **ЦАМО РФ**. Ф. 51. Оп. 962. Д. 35. Л. 385, Д. 49. Л. 14.
18. **Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО)**. Ф. 114. Оп. 1. Д. 112.
19. **ЦАМО**. Ф. 7. Оп. 88180. Д. 131.
20. **ЦАМО**. Ф. 14. Оп. 13049. Д. 98.
21. **ЦДНИВО**. Ф. 114. Оп. 1. Д. 190.
22. **ЦАМО**. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 107. Л. 209; 248, 344, 359; Д. 257. Л. 11–371; Ф. 7. Оп. 88160. Д. 131. Л. 71.
23. **ЦАМО**. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 107. Л. 234–238, 240, 245; Д. 257. Л. 6, 7, 11–371.
24. **ЦАМО**. Ф. 46. Оп. 526939. Д. 6.
25. **ЦАМО**. Ф. 46. Оп. 157922. Д. 1. Л. 11. Оп. 51893. Д. 1. Л. 3, 37.
26. **ЦАМО**. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 301.
27. **ЦДНИВО**. Ф. 114. Оп. 1. Д. 19.
28. **ЦАМО**. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 301.
29. **ЦАМО**. Ф. 47. Оп. 990. Д. 2.
30. **ЦАМО**. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 281.
31. **ЦАМО**. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 36.
32. **ЦАМО**. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 35. Л. 193; **Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГМЗ)**. Ф. 5. Оп. 825. Д. 715; **Иванов Г.П.** В годы суровых испытаний. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1967.
33. **ЦАМО**. Ф. 51. Оп. 962. Д. 34–38.
34. **ЦАМО**. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 340.

G.N. Kameneva

**MILITARY SOUTH RUSSIA'S WOMEN MOBILIZATION
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**KAMENEVA Galina N. — *Stavropol State Educational Institute.*

Ul. Lenina, 417A, Stavropol, 355029, Russia

e-mail: KamenevaGN@mail.ru

The article represents the motives, military specialization and metric information analysis of south Russia's women mobilization into the military forces ranks during the Great Patriotic War. The article dwells on social-demographic characteristics of the mobilized women; presents the examples of their functions according to military speciality; indicates the rank of the women military units during the battles for Caucasus and Stalingrad. The statistic and factual material bases on the broad origin base and first of all on the archival documents and materials of women-soldiers' questionings. In the results of working with the documentation of Russian Federation Ministry of Defense Central Archives' Department of Red Armies' mobilization and staffing, the author considers that the strength of mobilized women in the Army and Fleet around the country higher than it was in historical literature indicated.

MOBILIZATION FACTORS; WOMEN MILITARY SPECIALIZATION; MILITARY AND CIVILIAN WOMEN.

REFERENCES

1. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. Moscow, Politizdat Publ., 1988. (In Russ.)
2. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnyye itogi. Moscow, Nauka Publ., 1992. (In Russ.)
3. Murmantseva V.S. Sovetskiye zhenshchiny v Velikoy Otechestvennoy voyne. Moscow, Mysl' Publ., 1974. (In Russ.)
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: osnovnyye itogi. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)
5. Karatayeva Kh.A. Trudnyy put' k Pobede: zhenshchiny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. [Doct. diss.]. St. Petersburg, 1994. P. 120. (In Russ.); Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii [Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives"]. F. 7. Op. 881806. D. 131. L. 69; F. 32. Op. 11309. D. 166. L. 276; F. 47. Op. 999. D. 206. L. 247. (In Russ.); SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne (iyun' 1941 – 1945 g.). Moscow, Voenizdat Publ., 1970. P. 29. (In Russ.); Dokumenty otvagi i geroizma. Krasnodar, Krasnodar publishing house, 1965. P. 2. (In Russ.); Rossiyskiy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Federal State Establishment "Russian State Archives of Socio-Political History"]. F. 17. Op. 8. D. 60. L. 3.
6. Lichnyy arkhiv G.N. Kamenevoy. Materialy oprosov zhenshchin-voyennosluzhashchikh (1941–1945 gg.). (In Russ.)
7. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 144. Op. 13189. D. 272. L. 392; D. 340. L. 554; F. 47. Op. 999. D. 206. L. 247–250; D. 107. L. 108. (In Russ.)
8. SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne (iyun' 1941 – 1945 g.). Dokumenty i materialy. Moscow, Voenizdat Publ., 1970. (In Russ.)
9. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 7. Op. 881806. D. 192. (In Russ.)
10. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. Moscow, Politizdat Publ., 1988. P. 269. (In Russ.); Pol'skaya A.M. KPSS – organizator trudovykh podvigov Sovetskikh zhenshchin v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. [Abstr. doct. diss.]. Moscow, 1972. P. 4. (In Russ.); Senyavskaya Ye.S. Psikhologiya voyny v XX veke. Istoriicheskiy opyt Rossii. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1999. P. 165. (In Russ.)
11. Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa "sekretno". Kniga poter'. Moscow, Veche Publ., 2009. (In Russ.)
12. Kameneva G.N. Zhenshchiny Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945) [Cand. Diss.]. Stavropol, 2004. P. 154. (In Russ.); Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 7. Op. 881806. D. 131; F. 51. Op. 962. D. 6; F. 143. Op. 13049. D. 14, 34, 53–57, 61, 98; F. 144. Op. 13189. D. 147; F. 206. Op. 265. D. 6. (In Russ.)
13. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 7. Op. 881806. D. 131. (In Russ.)
14. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 51. Op. 962. D. 34–38. (In Russ.)
15. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. Moscow, Voenizdat Publ., 1971. (In Russ.)
16. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 51. Op. 962. D. 51. L. 408, 581; F. 224. Op. 763. D. 32. L. 1–36. (In Russ.)
17. Federal Budget Establishment "Russian Federation Ministry of Defense's Central Archives". F. 51. Op. 962. D. 35. L. 385, D. 49. L. 14. (In Russ.)
18. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti [Volgograd Region State Establishment "Volgograd Region Modern History Documentation Center"]. F. 114. Op. 1. D. 112. (In Russ.)

19. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 7. Op. 88180. D. 131. (In Russ.)
20. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 14. Op. 13049. D. 98. (In Russ.)
21. Volgograd Region State Establishment “Volgograd Region Modern History Documentation Center”. F. 114. Op. 1. D. 190. (In Russ.)
22. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 144. Op. 13189. D. 107. L. 209; 248, 344, 359; D. 257. L. 11–371; F. 7. Op. 88160. D. 131. L. 71. (In Russ.)
23. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 144. Op. 13189. D. 107. L. 234–238, 240, 245; D. 257. L. 6, 7, 11–371. (In Russ.)
24. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 46. Op. 526939. D. 6. (In Russ.)
25. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 46. Op. 157922. D. 1. L. 11, Op. 51893. D. 1. L. 3, 37. (In Russ.)
26. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 32. Op. 11289. D. 301. (In Russ.)
27. Volgograd Region State Establishment “Volgograd Region Modern History Documentation Center”. F. 114. Op. 1. D. 19. (In Russ.)
28. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 32. Op. 11289. D. 301. (In Russ.)
29. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 47. Op. 990. D. 2. (In Russ.)
30. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 144. Op. 13189. D. 281. (In Russ.)
31. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 7. Op. 881806. D. 36. (In Russ.)
32. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 32. Op. 11310. D. 35. L. 193; Stavropolskiy gosudarstvennyy istoriko-kulturnyy i prirodno-landshaftnyy muzey-zapovednik imeni G.N. Prozriteleva i G.K. Prave [Stavropol Region’s State Budget Cultural Establishment “Stavropol State’ Historical and Cultural, Nature and Landscape, Prozritelev G.N. and Prave G.K. Museum-Preserve”]. F. 5. Op. 825. D. 715. (In Russ.); Ivanov G.P. V gody surovykh ispytaniy. Krasnodar, Krasnodar publishing house, 1967. (In Russ.)
33. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 51. Op. 962. D. 34–38. (In Russ.)
34. Federal Budget Establishment “Russian Federation Ministry of Defense’s Central Archives”. F. 144. Op. 13189. D. 340. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.13

УДК 94 (470)

С.И. Никонова

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1960–1980-е ГОДЫ (на материалах федеральных и региональных архивов)

НИКОНОВА Светлана Игоревна – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Россия, 420043, Казань, ул. Зеленая, 1

e-mail: svetakgasu@rambler.ru

Статья посвящена исследованию отдельных аспектов культурной политики Советского государства в 1960–1980-х гг. на основе архивных документов, а именно писем представителей творческой интеллигенции «во власть». Раскрыты сложные и неоднозначные взаимоотношения власти и советской художественной элиты: наличие жесткого идеологического контроля, преследование эстетического инакомыслия и в то же время поощрение лояльных деятелей культуры посредством членства в творческих союзах, предоставления права на публикации, персональные выставки и заграничные командировки, наград и премий, решения бытовых и семейных проблем.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА; ТВОРЧЕСКИЕ СОЮЗЫ; ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА; ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ.

В истории человечества, пожалуй, не существовало государства, которое в какой-то степени не управляло бы культурой и художественной жизнью. Одной из особенностей советской культурной политики являлось то, что в ее разработке и осуществлении направляющая роль принадлежала КПСС, которая вносила в эту область определенные идеологические директивы.

Власть и художник, идеология и культура взаимосвязаны, коадаптированы, более того, социальные функции их близки: проводить в жизнь, в социум некую систему взглядов, ценностей в реальном или же виртуальном формате. В Советском государстве это совпадение и соответственно творческое признание для деятелей культуры материализовались в виде премий, почетных званий и наград, денежных вознаграждений, участия в престижных мероприятиях, публикаций, включения в аннотации, энциклопедии, словари, участия в выборных представительных органах, положительной критики и т. п. Таким образом, власть предъявляла к художнику определенные требования, очерчивая границы дозволенного, поддерживала материально, оставляя некую иллюзию сво-

боды, и в то же время устанавливала жесткий диктат идеологии.

Следует признать, что большая часть советской художественной интеллигенции приняла идеологические параметры творчества, определенные правила игры и следовала им в официальном порядке. Возможно, что в разговорах «на кухне», в узком кругу приятелей и единомышленников, идеологический диктат партии обсуждался и осуждался. В определенных кругах интеллигенции это было некоей модой – обсуждать и осуждать политику партии и правительства, что, конечно, нельзя отнести к проявлениям нонконформизма.

Своеобразные отношения представителей творческой интеллигенции с властными структурами нашли отражение в письмах в партийные органы. Этот своеобразный «роман в письмах» содержит обращения по актуальным политическим вопросам, бытовые темы, отражает личные мотивы, амбиции, обиды, зависть, ревность к успехам других и т. д. Таким образом, письма «во власть» представляют собой отдельную группу источников, иллюстрирующих сложные взаимоотношения советской власти и художественной интеллигенции позднего советского периода.

Известны также письма А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других выдающихся писателей в высокие инстанции, на высочайшее имя. В большинстве своем они содержали просьбы личного характера: о выезде за границу, разрешении публикации, материальной помощи и т. д. Политические темы, как правило, не поднимались.

Исключением, пожалуй, можно считать письмо (1902) Л.Н. Толстого Николаю II о тяжелом положении народа в России. В этом письме великий писатель обращается к императору: «Брат!» *«Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку — брату»* [1, с. 502–508]. Сложно представить, что под этим или подобным письмом собирались бы подписи известных людей, общественных деятелей, тем более людей искусства.

Широко известно послание А.И. Солженицына «Письмо вождям Советского Союза» (1974). В нем, в частности, говорится: *«Все в стране давно держится лишь на материальном расчете и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это. Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламливает всю жизнь общества, мозги, речи, радио, печать — ложью, ложью, ложью»* [2, с. 40–41].

В 1960-х гг. новым явлением в жизни советского общества стали «кампании подписантов» — составление посланий и сбор подписей против «произвола властей», в защиту правозащитников и т. п., в которых участвовали известные люди, деятели науки, культуры, искусства. Проходили петиционные кампании в защиту А. Сиявского и Ю. Даниэля, Ю. Галанскова и Ю. Гинзбурга, А. Сахарова и А. Солженицына.

Одной из первых подобных акций стало распространение так называемого «Письма двадцати пяти». *«Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества»* — под этим текстом поставили свои подписи главные режиссеры ведущих театров страны О. Ефремов и Г. Товстоногов, писатели В. Катаев и К. Чуковский, художник П. Корин, академики П. Капица, А. Арцимович, А. Сахаров и др. — всего 25 человек [3, с. 487].

Деятели культуры и науки, разделяя опасения части общества относительно реабили-

тации сталинизма, выразили их в письменной форме. Не имея возможности опубликовать письмо, авторы сделали попытку довести его содержание до максимально большого числа людей, в основном представителей творческой и научной интеллигенции.

Властью предпринимались попытки воздействовать на подписавшихся через трудовые коллективы, творческие организации, через «профилактирование» и доверительные беседы. Эти меры имели некоторый эффект, и число «подписантов» сокращалось. В 1970-е гг. открытые письма в адрес партийных и государственных органов в знак протеста против внутренней и внешней политики государства практически прекратились. В какой-то степени это можно связать с разочарованием в результативности подобных «акций протеста», «взрослением» советской интеллигенции поколения «шестидесятников», которая расставалась с романтизмом в отношении к власти.

Распространенной практикой была и публикация «альтернативного письма» в рамках поднятой темы, под которым стояли не менее знакомые публике фамилии. В первом случае деятели искусства подписывали такие письма в том числе и потому, что порой неудобно было отказать тем, кто попросил, не интеллигентно, что ли; во втором случае мотивы могли быть иные (карьера, признание, материальные или иные перспективы).

Так, в рамках кампании против Солженицына и Сахарова в «Правде» 31 августа 1973 г. было опубликовано открытое письмо группы известных советских писателей в связи с «антисоветскими действиями и выступлениями А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова», под которым стояла 31 подпись (С. Михалкова, Ч. Айтматова, В. Быкова, Ю. Бондарева, Р. Гамзатова и др.). Известны и другие подобные письма.

Объективности ради можно предположить, что и в том, и в другом случае мотивы «подписантов» могли быть вполне искренни. В условиях развернувшейся масштабной кампании против инакомыслящих отношение советского общества к диссидентам было отрицательное. Удачно подобранное слово «диссидент» уже вызывало неприятие, означало связь с иностранной разведкой, «происками империалистов и спецслужб».

Еще одна группа образцов эпистолярного жанра – «покаянные» письма деятелей искусства, которых власть подвергла сокрушительной критике. Нелегко было выстоять после разгрома в высоких инстанциях, остаться на плаву. Одной из традиционных форм самозащиты было публичное покаяние. Так, в «Правде» в ноябре 1958 г. были опубликованы покаянные письма Б. Пастернака, связанные с публикацией романа «Доктор Живаго» и присуждением ему Нобелевской премии.

«Уважаемый Никита Сергеевич, я обращаюсь к Вам лично, ЦК КПСС и Советскому Правительству. Из доклада т. Семичастного мне стало известно о том, что правительство „не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР”. Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой. Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне ее. Каковы бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе...» [4, л. 64].

Каялся в письме (1962) Н.С. Хрущеву скульптор Э. Неизвестный после разносной критики, устроенной его работам на выставке в Манеже.

«Дорогой Никита Сергеевич! Я боюсь показаться нескромным, но я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых нежных и теплых слов. Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться, не покладая рук, чтобы внести свой посильный вклад в общее дело на благо народа» [5, л. 1–3].

Трудно представить, что Э. Неизвестный был предельно искренен. Власть также ему не доверяла: долгие годы художник был под наблюдением органов госбезопасности. И все же Неизвестный получал заказы на Западе, за границей проходили его выставки, продавались картины.

Безусловно, заслуживают внимания и обращения представителей художественной интеллигенции в ЦК КПСС по вопросам собственно творческим, по вопросам культуры. Так, коллективные и личные письма составили внушительный массив откликов в связи с ситуацией, сложившейся в 1970 г. вокруг журнала «Новый мир» и его главного редактора А.Т. Твардовского.

«Мы совершенно убеждены, что для блага всей советской культуры необходимо, чтобы „Новый мир” продолжал свою работу под руководством А.Т. Твардовского и в том составе редколлегии, который он считает полезным для журнала...». Коллективное письмо советских писателей Л.И. Брежневу подписали А. Бек, В. Каверин, Б. Можаяев, А. Рыбаков, Ю. Трифонов, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, М. Алигер, Е. Воробьев, В. Тендряков, Ю. Нагибин, М. Исаковский [6, л. 35].

Мы сомневаемся, что письма в защиту «Нового мира» и его главного редактора в какой-то степени повлияли на решение властей о снятии А.Т. Твардовского с его поста. За писателем шла оперативная слежка, фиксировались его высказывания в узком кругу, настроения и эмоции. Отчеты регулярно отправлялись органами госбезопасности в ЦК КПСС [7, л. 1].

Особого внимания заслуживают письма деятелей искусства, эмигрировавших из СССР. Расставание с Родиной для многих из них стало тяжелейшей драмой, независимо от мотива отъезда. Так, через месяц после вынужденного отъезда из СССР поэт И. Бродский написал письмо Л.И. Брежневу.

«Уважаемый Леонид Ильич, я прошу дать мне возможность и дальше существовать в русской литературе, на русской земле. Я думаю, что ни в чем не виноват перед своей Родиной. Напротив, я думаю, что во многом прав. Я не знаю, каков будет Ваш ответ на мою просьбу, не знаю, будет ли он иметь место вообще. Но скажу Вам, что в любом случае, даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится» [8].

А. Тарковский, оказавшись на чужбине, неоднократно писал в высокие инстанции, в основном по вопросам творческим, в которых были и боль, и горечь от осознания ненужности собственного творчества на Родине, от обстановки откровенной травли собратьями по киноцеху.

«На кинофестивале в Канне в 1982 г. Госкино не только не поддержало меня как советского кинорежиссера с фильмом „Ностальгия”, но сделало всё, чтобы разрушить его успех на фестивале. Произошло это не без активной помощи советского члена жюри, специально для этого посланного на фестиваль» [9, л. 161].

Известны письма Ю. Любимова в адрес М.С. Горбачева и ряд других.

Весьма своеобразными являются письма и обращения деятелей искусства к власти «по личным вопросам». В них — бытовая неустроенность, зависимость от власти, в том числе и материальная, посредством которой держались на коротком поводке даже самые знаменитые деятели культуры.

Так, в 1962 г. министр культуры СССР Е.А. Фурцева ходатайствовала перед ЦК КПСС о поездке С.Т. Рихтера в ФРГ к тяжело больной матери и о выделении ему «дотации в сумме одной тысячи долларов на покрытие расходов по поездке». Для сведения сообщается, что только за гастрольные поездки С. Рихтера в Италию и Францию будет сдано в госбюджет более 50 тыс. долларов прибыли [10, л. 208].

Еще один документ по «делу С.Т. Рихтера» — ходатайство заместителя министра культуры СССР В.И. Попова от 1 сентября 1972 г. в Совет министров СССР т. Мазурову о выделении Рихтеру земельного участка для строительства дачи. Через две недели по следам «разрешения» этой проблемы к Мазурову обратилась Е.А. Фурцева. 22 июня 1978 г. министр культуры СССР П.Н. Демичев обратился к Председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину с той же просьбой [11, л. 1; 12, л. 30].

Группа солистов Большого театра Союза ССР 19 июня 1973 г. обратилась в Совет Министров СССР с аналогичной просьбой: выделить дачный участок 10 ведущим работникам театра, среди которых М. Плисецкая, А. Огнивцев, Е. Максимова, В. Васильев, А. Ведерников и другие выдающиеся артисты, лауреаты Государственных премий, народные артисты СССР и РСФСР, приносившие советской казне в течение ряда лет существенный доход в иностранной валюте [13, л. 70].

Еще один документ — ходатайство П.Н. Демичева в ЦК КПСС о прикреплении Г.С. Улановой к «столовой лечебного питания» от 30 мая 1980 г. Ответственный секретарь Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете министров СССР 9 июня 1980 г. сообщил, что Уланова прикреплена к «столовой лечебного питания» [14, л. 25–27].

Таким образом, бытовая проблема могла быть разрешена только на высоком уровне, и в этом случае решалась практически молниеносно.

Среди писем «во власть» художественной интеллигенции были послания откровенно кля-

узного характера, в большинстве случаев анонимные, в которых зависть и ревность к коллегам по цеху соединена с идеологическим доносом.

Так, организованный в 1979 г. камерный оркестр «Виртуозы Москвы» под руководством В. Спивакова скоро стал явным лидером среди музыкальных коллективов страны. Оркестр успешно гастролировал в стране и за рубежом, был отмечен зарубежными критиками и, что немаловажно, приносил существенную прибыль в фонд Госконцерта. Однако попытки Министерства культуры СССР решить вопрос о повышении ставок музыкантам оркестра до 260–300 рублей в месяц (при существовавшей оплате в размере 150–200 рублей) не увенчались успехом. Аналогичное решение было принято и по ставке руководителя оркестра В. Спивакова: вместо просимых 500 рублей власть назначила 400. Долгая эпопея с назначением окладов сопровождалась письмами от коллег по «музыкальному цеху» откровенно кляузного характера. Руководство Московского камерного оркестра 8 сентября 1981 г. направило на имя В.Н. Макеева, заместителя Председателя Совета министров СССР, письмо «О нездоровой конкуренции со стороны камерного ансамбля „Виртуозы Москвы“», в котором подробно и весьма аргументированно рассматривался вопрос об увеличении ставок в оркестре «Виртуозы Москвы», что воспринималось в Московском камерном оркестре как оскорбление [15, л. 37–38, 41–44].

Немало было анонимных писем, которые принимались на рассмотрение высокими инстанциями с вынесением соответствующего решения.

«Просим извинения, что письмо наше не подписано, в данной обстановке мы боимся лишиться работы... Пользуясь своим служебным положением, он позволяет себе быть грубым, бестактным, черствым, создает нервную обстановку в работе...» — из анонимного письма солистов балета Большого театра СССР о Ю. Григоровиче [16, л. 32–34].

Эмиграция творческой интеллигенции в этот период не была исключительным явлением. Разнообразны были причины и способы перехода в положение эмигрантов: одни оставались на Западе во время гастролей, превращались в «невозвращенцев» и клеймились как предатели и враги; другие выслались за гра-

ницу после лишения советского гражданства; были отъезды разрешенные, например отъезд евреев в Израиль на постоянное место жительства. Политических причин для эмиграции у творческой интеллигенции, как правило, не было. Напротив, большинство называет в качестве причины отъезда потребность в свободе творчества, в свободе выбора, «эстетические разногласия». Указывать в качестве причины желание «работать на себя», стремление к материальному благополучию было не принято.

В региональных творческих организациях запросы были проще, звучали более конкретно. Нередки были доносы, анонимки, коллективные письма и прочие документы, направляемые в высокие инстанции, вместе составляющие комплекс материалов для иллюстрации морально-психологического климата в творческих организациях.

Так, в письмах в высокие инстанции 1970-х гг. представлен, по мнению их анонимных авторов, «компромат» на председателя Союза писателей Татарии Г. Ахунова. Деятельность писателя была названа в них порочной, приведен список его «сообщников». Подробный анализ литературных произведений народного писателя ТАССР заканчивался совершенно фантастическими выводами о некоей группе во главе с Г. Ахуновым, вытесняющей с литературного поля республики наиболее талантливых и преданных идеям социализма писателей, что оценивалось как сознательное вредительство [17, л. 22].

Можно выделить еще одну группу документов – письма и заявления обиженных авторов, среди которых просьбы улучшить материальное положение, жилищные условия, разрешить пользование элитной поликлиникой и другие «коммунальные» проблемы. Причем «инженеры человеческих душ» пристально и весьма ревниво следили друг за другом на предмет получения жизненных благ.

В одном из писем автор весьма эмоционально сообщает, что ему нанесено «общественное оскорбление» в связи с тем, что лично он по итогам Дней татарской литературы и искусства в Москве не получил награды, в то время как другие награждены и отмечены (приводится подробный список). В ответе из ОК КПСС обиженному писателю разъяснено, что в течение предыдущих двух лет он уже был

награжден Почетной грамотой ОК КПСС и орденом «Знак Почета», поэтому его претензии необоснованны [18, л. 55].

В 1970-х гг. имели место неоднократные обращения в Татарский ОК КПСС, Министерства культуры ТАССР и РСФСР, лично к М.А. Суслову и А.Н. Косыгину, содержащие протестные заявления в отношении ведущего композитора республики Н. Жиганова, который долгие годы был председателем Союза композиторов ТАССР и ректором Казанской консерватории. Конфликт продолжался и после смерти композитора. В обращениях граждан – просьба присвоить Казанской консерватории имя татарского композитора С. Сайдашева, при этом авторы посланий дискредитируют имя Н. Жиганова, умаляют значение его творчества. В данной группе документов выделяются коллективные письма колхозников, явно составленные человеком образованным, вряд ли принадлежавшим к этой среде. «Труженики села» просят присвоить консерватории имя С. Сайдашева, а не Н. Жиганова, так как музыка первого им близка и понятна, а творчество второго (автора опер «Джалиль» и «Алтынчеч», крупных симфонических произведений) коллективно отвергается. В конце письма стоят подписи «механизаторов, доярок и скотников» – «любителей симфонической музыки, постоянных посетителей консерватории» [17]. Безусловно, люди, поставившие свою подпись под кем-то сочиненным письмом, к интриге в Союзе композиторов непричастны. Режиссеров этого акта гражданского выступления следует искать, скорее всего, в среде композиторов Татарии.

Большинство деятелей культуры пользовались благами, которые давало членство в творческом союзе, стремились получить это членство как гарантию благополучной творческой и личной жизни, решения материальных проблем. «Неустроенный быт, к тому же безнадежное состояние медицинского обслуживания, к тому же невозможность обеспечить семью летним отдыхом, к тому же отсутствие собственного угла для работы, к тому же невозможность купить машину за свои же деньги, записаться в кооператив или на дачный участок, съездить в турпоездку за границу – все эти обычные житейские мелочи не могли не способствовать желанию попасть в Союз (кинемаграфистов, писателей и т. д.)» [19, с. 239–240].

Чувство приобщенности к элите, близость к распределению вождя благ, к легендарной 200-й секции ГУМа, спецполиклинике, спецпайку — всё это давало членство в творческом союзе. Увы, только талант не мог обеспечить пропуск в этот чудесный мир спецблаг, нужны были лояльность, принятие и соблюдение определенных ритуалов художественной жизни в СССР.

Казалось, созданная за годы советской власти путем «селекции» творческая интелли-

генция и ее организации являлись послушным орудием правящей партии. И всё же творческие люди не могли не чувствовать изменений, которые происходили в советском культурном пространстве, а в ряде случаев и инициировать некоторые процессы. Во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. авангардом реформации в СССР станет именно творческая интеллигенция, которую политическая элита использовала в том числе и в качестве разрушителя советской идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 20. М.: Худ. лит., 1984.
2. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Париж: Пресс, 1974. 51 с.
3. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 2 т. Т. 2. М., 2003. 958 с.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 34. Д. 269.
5. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18. Д. 53.
6. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 84.
7. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 37. Д. 25.
8. Письмо И. Бродского Л.И. Брежневу, 4 июля 1972 г. / Персон. арх. А.И. Волкова. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов, документы. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2000. 616 с.
9. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11. Д. 108.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 1096.
12. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 112. Д. 1112.
13. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 1091.
14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 193.
15. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 140. Д. 1208.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 230.
17. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 8. Д. 1302.
18. ЦГА ИПД РТ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1202.
19. Липков С. Испытание пряником // Художник и власть. М.: Искусство, 1992.

S.I. Nikonova

THE SOVIET AUTHORITIES AND INTELLECTUALS IN 1960s–1980s (on the materials of the federal and regional archives)

NIKONOVA Svetlana I. — *Kazan State University of Architecture and Engineering*.
Zelenaya ul., 1, Kazan, 420043, Russia
e-mail: svetagasu@rambler.ru

The article investigates the individual aspects of the cultural policy of the Soviet state in the period of 1960–1980 based on archival documents, namely letters of intelligentsia “in the authority.” This range of sources illustrates the complex and ambiguous relationship between the government and the Soviet artistic elite: the presence of tight ideological control, the pursuit of an esthetic dissent, and at the same time—the promotion of cultural loyalty through membership in the creative unions, granting the right to publish and solo exhibitions, foreign business trips, awards and prizes, resolution of domestic and family problems.

SOVIET CULTURAL POLICY; CREATIVE UNIONS; THE SPIRITUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY; IDEOLOGICAL CONTROL IN THE SPHERE OF CULTURE.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. Collected works. In 22 vol. Of vol. 20. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. (In Russ.)
2. Solzhenitsyn A.I. Pis'mo vozhdym Sovetskogo Soyuzu. Paris, Press Publ., 1974. 51 p.
3. Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugiye materialy. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Komissiya pri Prezidente RF po reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy; Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya" Publ., 2003. 958 p. (In Russ.)
4. [Russian state archive of contemporary history]. F. 3. Op. 34. D. 269. (In Russ.)
5. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 18. D. 53. (In Russ.)
6. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 62. D. 84. (In Russ.)
7. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 37. D. 25. (In Russ.)
8. Letter of Joseph Brodsky L.I. Brezhnev. July 4, 1972. Personal archive A.I. Volkova. Pressa v obshchestve (1959–2000). Otsenki zhurnalistov i sotsiologov. dokumenty. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2000. 616 p. (In Russ.)
9. [Russian state archive of contemporary history]. F. 89. Per. 11. D. 108. (In Russ.)
10. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 36. D. 143. (In Russ.)
11. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 107. D. 1096. (In Russ.)
12. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 112. D. 1112. (In Russ.)
13. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 107. D. 1091. (In Russ.)
14. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 77. D. 193. (In Russ.)
15. [State archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 140. D. 1208. (In Russ.)
16. [Russian state archive of contemporary history]. F. 5. Op. 66. D. 230. (In Russ.)
17. [Central state archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. F. 15. Op. 8. D. 1302. (In Russ.)
18. [Central state archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan]. F. 1. Op. 8. D. 1202. (In Russ.)
19. Lipkov S. Ispytaniye pryantikom. *Khudozhnik i vlast'*. Moscow, Iskustvo Publ., 1992. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.14
УДК 947.084.8

А.Н. Кашеваров

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ 1985–1991 ГОДОВ

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kashevar12@mail.ru

Статья посвящена анализу трансформации конфессиональной политики Советского государства в контексте радикальных реформ 1985–1991 гг. Особое внимание уделено постепенному смягчению позиции Совета по делам религий при Совете министров СССР в отношении Русской православной церкви и роли в этом процессе празднования 1000-летия Крещения Руси, которое отмечалось не только как церковный, но и как общественно значимый юбилей. Проанализировано изменение религиозной ситуации в стране в связи с пересмотром правительством законодательства о культах, а затем и фактическим разрушением советской системы контроля за религиозными организациями: рост числа православных приходов и монастырей, начало процесса возрождения сети духовных школ и возвращения Церкви мощей православных святых, возможность для священнослужителей выступать в светских средствах массовой информации.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ; ПАТРИАРХ ПИМЕН; СОВЕТ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР; К.М. ХАРЧЕВ; 1000-ЛЕТИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ.

В марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев, и уже в первый год его руководства страной проявились реформистские тенденции, которые, правда, еще не коснулись религиозной политики. Примечательно, что направленное М.С. Горбачеву 17 декабря 1985 г. письмо митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Ридигера), в котором был поставлен вопрос «о пересмотре существующих республиканских законодательств в отношении религиозных объединений, которые устарели и не отвечают новым реальностям, сложившимся в нашем обществе и государстве», осталось, по существу, без ответа [1, с. 455]. Программа Коммунистической партии, принятая на ее XXVII съезде, состоявшемся в феврале 1986 г., хотя и провозгласила вместо устаревших положений о построении коммунизма курс на совершенствование социализма, была составлена в старом, атеистическом духе. На самом съезде нередко звучали высказывания о недопустимости примиренчества по отношению к религии. В отчетном докладе ЦК КПСС съезду М.С. Гор-

бачев заявил, что «застой в таком главном деле, как нравственное, атеистическое воспитание, просто нетерпим» [2, с. 88–89].

В это же время местные партийные и государственные работники продолжали использовать методы административного воздействия на религиозные объединения. К.М. Харчев, вступивший в ноябре 1984 г. – вместо вышедшего на пенсию В.А. Куроедова – в должность председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР, первоначально стал проводить более жесткую политику в отношении Церкви, чем его предшественник. Именно Харчеву принадлежала идея поручить партийным комитетам подбор и воспитание священнослужителей. В итоге Церковь должна была обновляться таким образом, чтобы ее служители одновременно с верой в Бога верили и в коммунизм. Перед Советом по делам религий Харчев поставил задачу активизировать работу по дальнейшему ограничению деятельности религиозных организаций, в частности сокращению количества действовавших храмов [1, с. 400].

В январе 1987 г. на очередном пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев изложил новую идеологию и стратегию реформ. Вместо «ускорения социально-экономического развития страны» была выдвинута задача коренной перестройки общественного строя, предусматривавшая политику «гласности». Средствам массовой информации было позволено начать широкую кампанию критики существующего общества и его истории под лозунгом «возвращения к ленинским нормам». Журналисты сначала робко, а затем все интенсивнее стали критиковать историю Советского государства. Одной из самых популярных тем средств массовой информации становятся репрессии в годы сталинского режима. Среди жертв политических репрессий стали упоминаться и священнослужители. Одновременно с этим в печати появились публикации, авторы которых в стремлении к духовному и нравственному возрождению общества возлагали надежду на Православную церковь. Церковные деятели получили наконец доступ к средствам массовой информации — в печать, на радио и телевидение, стали участвовать в публичных дискуссиях о нравственном состоянии общества и путях его оздоровления, о культурном наследии, о проблемах сохранения мира, по национальному вопросу. Священноначалие и рядовые пастыри начали встречаться с общественностью в клубах, домах культуры, их приглашали в институты и школы. Подобные встречи и отмеченные выше публикации, вышедшие в канун 1000-летия Крещения Руси, свидетельствовали о назревшей в обществе потребности в пересмотре политики советского руководства по отношению к Русской православной церкви (РПЦ) и другим традиционным конфессиям.

С 1987 г. можно проследить постепенное смягчение позиции Совета по делам религий. Совет предлагал руководству страны «наряду с всемерным усилением атеистического воспитания не обострять отношений с Церковью» и с этой целью пересмотреть законодательство о культурах, т. е. признать за религиозными объединениями право юридического лица и ведения религиозной пропаганды, за родителями — право на воспитание детей в религиозном духе, а за верующими — право на совершение религиозных обрядов на дому и в больнице [3, с. 59–61]. С сентября 1987 г. впервые после середины 1950-х гг. начало заметно расти количество пра-

вославных приходов. Аппарат Совета на местах получил указание принять меры по устранению нарушений при рассмотрении заявлений верующих граждан о регистрации религиозных объединений, которые необоснованно отклонялись местными органами власти [Там же. С. 61]. В результате в 1988 г. было открыто уже около 1 тыс. православных храмов [1, с. 403]. В то же время сотни религиозных обществ, несмотря на желание узаконить свою деятельность, в тот период все же не регистрировались органами власти. В 1985 г. в РСФСР было 1432 таких общества, а в 1990 г. — 1127 [4, с. 164]. Таким образом, до подлинной религиозной свободы было еще далеко.

Религиозная ситуация в стране во второй половине 1980-х гг. в целом реалистично была охарактеризована в докладе председателя Совета по делам религий К.М. Харчева для преподавателей Высшей партийной школы в марте 1988 г. «В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится миллион отпеваний, это 20–30 % покойников, а отпевание, по моему мнению, наиболее достоверный показатель религиозности, так как при жизни человек врал из-за боязни потерять работу. 30 % младенцев крестят. Раньше была практика: при крещении требовать паспорт. Это давало возможность партийным работникам находить крещеных по паспортным данным и административными методами воздействовать на верующих. Эта практика предъявления паспортов в церкви не согласуется даже с законодательством 1929 г. ... Сейчас практику предъявления паспортов в церкви по нашей инициативе отменили» [5, с. 216–217].

В начале 1988 г. Совет по делам религий по просьбе Московской патриархии обратился к правительству СССР с ходатайством о принятии законодательных мер, запрещающих производство с целью последующей реализации церковной утвари и предметов религиозного культа в рамках разрешенной законом кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности. На мартовском заседании 1988 г. Совет по делам религий разрешил увеличить тираж религиозных изданий, в том числе настольного календаря Русской православной церкви, до 180 тыс., а богословских трудов — до 15 тыс. экземпляров [3, с. 61–62].

В то же время руководство Совета опасалось осложнения внутривластной ситуации из-за торжеств по случаю 1000-летия Крещения Руси. Поэтому в марте 1988 г. К.М. Харчев дал указание уполномоченным Советом по делам религий вести профилактическую работу с «экстремистки настроенными» верующими.

Следует особо отметить, что еще за семь лет до праздничных торжеств, в 1981 г., Священным Синодом была образована юбилейная комиссия под председательством патриарха Пимена (Извекова) для координации церковной деятельности, связанной с подготовкой к юбилею. Руководство Совета по делам религий заявило этой комиссии, что празднование 1000-летия Крещения Руси — это только внутренний церковный юбилей. В связи с приближающимся юбилеем Патриарх и Синод обратились к советскому правительству с просьбой передать РПЦ один из монастырей Москвы для устройства в нем и на примыкающем к нему участке церковно-административного центра. Хотя решение передать Церкви Свято-Данилов монастырь было принято еще при Л.И. Брежнев, официальная передача состоялась только в мае 1983 г. Монастырские храмы и строения находились в разрушенном состоянии, до передачи Московской патриархии они использовались в промышленных целях, еще ранее в монастыре находилась детская пересыльная тюрьма. В воссозданной обители развернулись реставрационные и строительные работы, средства на которые жертвовали православные верующие из всех епархий. Восстановление монастыря в столице России священноначалие стремилось приурочить к юбилейным торжествам и поэтому рассматривало как дело исключительной важности для Церкви. Однако в 1984 г. власти попытались воспрепятствовать созданию монашеской общины в Даниловском монастыре, настаивая на том, что он передан РПЦ лишь под административные учреждения Московской патриархии. Священноначалию Московской патриархии удалось все же отстоять возрождающуюся обитель [6, с. 268–269].

В начале мая 1988 г. Совет сообщал ЦК КПСС о религиозной ситуации в стране накануне юбилея. К.М. Харчев отмечал, что большинство верующих граждан СССР поддерживают курс на обновление всех сторон жизни советского общества. Подготовка к юбилею оживила жизнь

РПЦ, что проявилось в укреплении ее организационных структур, в увеличении расходов на ремонтно-восстановительные работы, постановке вопросов об открытии новых молитвенных и хозяйственных помещений, увеличении тиражей религиозных изданий. В культовой практике было заметно усиление торжественности богослужений, стремление подчеркнуть приоритет Церкви в формировании морально-нравственных ценностей, представить ее неотъемлемой частью социалистического общества, необходимым элементом национальной культуры и государственности [1, с. 403].

Важнейшей вехой в изменении государственно-церковных отношений стало празднование 1000-летия Крещения Руси, превратившееся в событие общенародного характера. По инициативе К.М. Харчева в преддверии торжеств, 29 апреля 1988 г., в Кремле состоялась встреча М.С. Горбачева с патриархом Пименом (Извековым) и членами Священного Синода, на которой было принято решение отмечать 1000-летие Крещения Руси не только как церковный, но и как общественно значимый юбилей. На официальное приглашение патриарха присутствовать на торжествах М.С. Горбачев ответил согласием, заявив, что Крещение Руси — «это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности». Генеральный секретарь пообещал провести отмену всех дискриминационных по отношению к духовенству и верующим актов и законов. Патриарху также удалось получить его согласие на открытие новых церквей, монастырей и духовных учебных заведений, увеличение тиражей церковных изданий и т. д. [7, с. 460–461].

Еще до официального начала юбилейных торжеств Русской православной церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь, некогда отобранные у нее святыни стали возвращаться в храмы и монастыри, начался процесс передачи находившихся в музейных собраниях страны мощей святых. В числе первых из возвращенных мощей святых были останки святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского, святителя Питирима Тамбовского [Там же. С. 463].

В сентябре 1985 г. Секретариат ЦК КПСС одобрил записку отделов пропаганды и внешнеполитической пропаганды ЦК «О противо-

действию зарубежной клерикальной пропаганды в связи с 1000-летием введения христианства на Руси», постановив опубликовать ее в информационном бюллетене ЦК. В самой записке давалась весьма жесткая оценка подготовки к празднованию предстоящего юбилея: «Церковный юбилей противник пытается использовать для новых идеологических диверсий против нашей страны, враждебных нападков на советский строй, внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства. Партийным комитетам, советским органам, общественным организациям, средствам массовой информации, научным, культурно-просветительским учреждениям необходимо активизировать работу по противодействию попыткам противника использовать юбилей в антисоветских целях. При этом в публикациях, произведениях литературы и искусства, устной пропаганде следует избегать ажиотажа, сенсаций, чрезмерного увлечения темой «тысячелетия», которое может вызвать повышенный интерес к юбилею и, по существу, превратиться в его рекламу. Главная задача заключается в том, чтобы повысить эффективность атеистической работы, углубить ее политическое содержание, придать наступательный характер атеистической пропаганды» [1, с. 399].

Вплоть до начала торжеств по случаю 1000-летия Крещения Руси массовыми тиражами продолжала выходить атеистическая литература, в которой особое место занимали статьи, брошюры и книги, имевшие задачей «разоблачение измышлений буржуазных и клерикально-националистических центров и организаций, использующих тематику христианизации Руси в политических целях для активизации антисоветской пропаганды». Авторы этих изданий стремились всячески преуменьшить заслуги Православной церкви в развитии русской культуры и государственности и доказать, что приближающийся юбилей имеет ограниченное, сугубо церковное значение [8]. Так, в рецензии на монографию Л.Я. Резникова «Валаам: кризис аскетизма» сотрудник Государственного музея истории религии и атеизма Г.Г. Прошин писал, что содержащаяся в этой книге критическая оценка деятельности монастыря актуальна в связи тем, что «в преддверии тысячелетия принятия христианства на Руси богословско-церковные круги Московской патриархии пы-

таются использовать эту дату для прославления православия и создания ему репутации социально-прогрессивной роли» [9, с. 2].

3 июня 1989 г. останки являющегося по древней традиции небесным покровителем города на Неве святого благоверного князя Александра Невского, долгие годы находившиеся в Музее истории религии и атеизма в Ленинграде, были торжественно перевезены из музея в Троицкий собор Александро-Невской лавры. По существу это было первое возвращение Церкви православных святынь, прошедшее – разумеется, с ведома местных властей – не только как церковное, но и как общественно значимое событие [10].

На таком же уровне состоялось и возвращение мощей святителя Митрофана Воронежского в сентябре 1989 г. О предстоявших торжествах, связанных с передачей Церкви мощей этого святого, местное телевидение и радио объявило заранее, и, таким образом, верующие всей епархии могли участвовать в этом знаменательном событии. 16 сентября на одной из близлежащих к Покровскому кафедральному собору улиц Воронежа раку с мощами верующие встречали крестным ходом. Дорога была устлана живыми цветами, несколько тысяч человек во главе с местным духовенством с зажженными свечами ожидали православную святыню. Раку с мощами святителя Митрофана торжественно установили в Покровском кафедральном соборе Воронежа.

Перемена в форме возвращения мощей святых Церкви – оповещение об этом акте через средства массовой информации, проведение многолюдных крестных ходов и т. д. – связана с тем, что после празднования юбилея наметившиеся ранее положительные сдвиги во взаимоотношениях Церкви и государства приобретали реальные черты. Так, в 1989 г. государственно-церковные отношения перестали быть в сфере компетенции отдела пропаганды ЦК КПСС и перешли в ведение отдела административных органов, а следовательно, заметно менялась модель этих отношений, сформировавшаяся в первые годы советской власти.

Если в 1988 г. было зарегистрировано 809 новых общин Русской православной церкви, то в 1989 г. – 2564. В 1989 г. стала выходить газета «Московский церковный вестник», а затем антисектантский журнал «Прозрение» и

церковно-археологический журнал «Светильник». В том же 1989 г. начали открываться новые семинарии, а затем духовные академии, появились школы нового типа — духовные училища с двух- и трехлетним образованием. Тогда же впервые появилась возможность получения церковными учебными заведениями, в которых к тому времени заметно выросло число учащихся, государственных лицензий [1, с. 407].

В 1989 г. РПЦ отмечала новый юбилей — 400-летие учреждения патриаршества. В связи с этим юбилеем с 9 по 11 октября в Даниловом монастыре заседал Архиерейский собор, который заявил о необходимости внесения в подготавливаемый по указанию советского руководства закон «О свободе совести и религиозных организаций в СССР» следующих положений: «...1) юридическое признание Церкви как единой религиозной организации и уравнивание ее в правах с другими общественными организациями; 2) предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; 3) предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности; 4) свободное издание и распространение религиозной литературы; 5) доступ Церкви к средствам массовой информации; 6) отмена дискриминационного налогообложения и уравнивание в этом отношении духовенства и церковных работников со всеми советскими гражданами» [11, с. 12].

В июле 1990 г. рассмотрение религиозных вопросов было поручено вновь образованному при Верховном Совете РСФСР постоянному Комитету по вопросам свободы совести, вероисповедания, милосердия и благотворительности, в значительной степени состоявшему из представителей различных конфессий. По инициативе Комитета, возглавляемого православным священником В. Полосиным, был упразднен Совет по делам религий при Совете министров РСФСР [3, с. 63].

Верховный Совет СССР 1 октября 1990 г. принял закон о свободе совести и религиозных организаций, утвердивший за отдельными приходами, церковными учреждениями, в том числе и Патриархией, права юридического лица. У РПЦ появилась возможность защищать свои права в судебном порядке, иметь в собственности недвижимость, пользоваться средствами массовой информации, участвовать в обще-

ственной жизни. Новый закон (статья 6), хотя и подтверждал принцип отделения школы от Церкви, тем не менее открывал юридическую возможность для религиозного обучения детей. Закон позволял участие военнослужащих в богослужениях в свободное время, а также совершение «религиозных обрядов» в больницах, госпиталях, домах для престарелых, в тюрьмах и лагерях, причем администрации этих учреждений предписывалось оказывать содействие в приглашении священнослужителей. Этот закон фактически разрушил советскую систему контроля над религиозными организациями, поскольку предусматривал лишение Совета по делам религий властных полномочий и превращение его в информационный, консультативный и экспертный центр [7]. Следует отметить, что в условиях нарастания центробежных тенденций еще до своего упразднения союзный Совет по делам религий оказывал все меньшее воздействие на церковную политику как в стране в целом, так и в ее регионах.

Спустя месяц после издания союзного закона был принят и российский закон «О свободе вероисповеданий». Этот закон не предусматривал правительственного учреждения, подобного Совету по делам религий. Вместо него в Верховном Совете РСФСР была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям. Законом допускалось преподавание вероучения на факультативной основе в любых учебных заведениях, отменялись многие ограничения на культовую, социальную, производственно-хозяйственную деятельность религиозных объединений, упрощалась процедура регистрации их уставов, за ними признавались права юридического лица и собственности, на всех работающих в религиозных организациях распространялись положения трудового законодательства и социального страхования [Там же].

Во исполнение закона СССР «О свободе совести и религиозных организаций» 26 апреля 1991 г. было принято положение о союзном Совете по делам религий, лишавшее его всех распорядительных и контрольных функций. Правительство также упразднило институт уполномоченных Совета в союзных и автономных республиках, областях и краях. С распадом СССР и образованием СНГ в декабре 1991 г. Совет по делам религий был окончательно упразднен. 4 сентября 1991 г. был ликвидиро-

ван и 4-й («церковный») отдел 5-го управления КГБ [1, с. 409].

Таким образом, в период перестройки конца 1980-х — начала 1990-х гг. произошли радикальные перемены в правовом статусе Русской православной церкви, которая постепенно освобождалась от жесткого контроля различных органов Советского государства и приобретала самостоятельность, росло ее влияние и авторитет как в государственной, так и общественной сфере. Так, уже в 1990 г. большинство населения Советского Союза выступало за расширение участия Церкви во всех сферах жизни общества.

Эти процессы шли параллельно с «религиозным возрождением», бурным ростом числа

верующих. По результатам опроса, проведенного в 1991 г. в РСФСР на базе информационной сети ВЦИОМ, доля православных верующих за последние два года увеличилась вдвое и составила 38 %. С ростом числа верующих стремительно росла и численность различных структур Русской православной церкви. За пять лет — с 1985 по 1990 г. — открылись 3402 православных прихода (рост на 49 %) и 40 монастырей (их общее число достигло 57). Ко времени распада СССР осенью 1991 г. в 93 епархиях Московского патриархата действовало более 12 тыс. приходов, богослужения в них совершали около 10 тыс. священнослужителей, существовало 117 монастырей [1, с. 409–410; 3, с. 63].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шкаровский М.В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече : Лепта, 2010. 480 с.
2. **Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.** М.: Изд-во полит. лит., 1986. 352 с.
3. **Маслова И.И.** Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская Православная Церковь (1965–1991 гг.) //Отечественная история. 2005. № 6. С. 59–63.
4. **Одинцов М.И.** Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом М.: Изд-во ЦИНО, 2002. 312 с.
5. **Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. Кн. 2. М.: ПроPILEI, 1995. 464 с.**
6. **Паламарчук П.** Сорок сороков. Т. 1. Кремль и монастыри. М.: Книга и бизнес, 1992. 416 с.
7. **Цыпин В., прот.** История Русской Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
8. **Гордиенко Н.С.** «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л.: Лениздат, 1986. 287 с.
9. **Резников Л.Я.** Валаам: кризис аскетизма. Л.: Лениздат, 1986. 143 с.
10. **Кашеваров А.Н.** Вскрытие мощей святого князя Александра Невского в Петрограде 12 мая 1922 года // Петерб. чтения. СПб.: Изд-во Рус.-балт. информ. центра БЛИЦ, 1997. С. 206–209.
11. **Архиерейский собор Русской Православной Церкви 9–11 октября 1989 г. // Журн. Моск. патриархии. 1990. № 1. С. 11–12.**

A.N. Kashevarov

THE RELATIONS BETWEEN THE STATE AND THE CHURCH IN THE PERIOD OF PERESTROIKA 1985–1991

KASHEVAROV Anatoliy N. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kashevar12@mail.ru

This article analyzes the transformation of the religious policy of the Soviet state in the context of radical reform 1985–1991. Particular attention is given to the gradual softening of the Council for Religious

Affairs of the USSR Council of Ministers in respect of the Russian Orthodox Church and its role in the process of celebrating the 1000th anniversary of the Baptism of Russia, which was celebrated not only as a church, but as a socially significant anniversary. The authors analyzed the change in the religious situation in the country in connection with the revision of the government legislation on cults, and then the actual destruction of the Soviet system of control over religious organizations: the growing number of Orthodox parishes and monasteries, the beginning of the process of spiritual rebirth of the network of schools and the return of the relics of Orthodox saints of the Church, the opportunity for priests act in secular media.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH; PATRIARCH PIMEN; THE COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS OF THE USSR COUNCIL OF MINISTERS; K.M. HARCHEV; 1000TH ANNIVERSARY OF THE BAPTISM OF RUS.

REFERENCES

1. Shkarovskiy M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke*. Moscow, Veche, Lepta Publ., 2010. 480 p. (In Russ.)
2. *Materialy XXVII syezda Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1986. 352 p. (In Russ.)
3. Maslova I.I. *Sovet po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' (1965–1991)*. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 6, pp. 59–63. (In Russ.)
4. Odintsov M.I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom*. Moscow, TsINO Publ., 2002. 312 p. (In Russ.)
5. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoye vremya (1917–1991): materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdru gosudarstvom i Tserkovyu*. Vol. 2. Moscow, Propilei Publ., 1995. 464 p. (In Russ.)
6. Palamarchuk P. *Sorok sorokov*. Vol. 1. *Kreml' i monastyri*. Moscow, Kniga i biznes Publ., 1992. 416 p. (In Russ.)
7. Tsy-pin V., protoiyerey. *Istoriya Russkoy Tserkvi. 1917–1997*. Moscow, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' Publ., 1997. 831 p. (In Russ.)
8. Gordiyenko N.S. “Kreshcheniye Rusi”: fakty protiv legend i mifov. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986. 287 p. (In Russ.)
9. Reznikov L.Ya. *Valaam: krizis asketizma*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1986. 143 p. (In Russ.)
10. Kashevarov A.N. *Vskrytiye moshchey svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo v Petrograde 12 maya 1922 goda*. *Peterburgskiy chteniya*. St. Petersburg, Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs Publ., 1997. Pp. 206–209. (In Russ.)
11. Arkhiyereyskiy sobor Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 9–11 oktyabrya 1989 g. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, 1990, no. 1, pp. 11–12. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.15

УДК 94(47).084.5

С.Б. Ульянова, Н.В. Офицерова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1920-е ГОДЫ

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: sbulyan@yandex.ru

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: oficernv@mail.ru

Статья посвящена изучению предпосылок формирования городских досуговых практик в 1920-е гг. с позиций «новой культурной истории». Спецификой складывавшейся советской городской культуры было сочетание традиционных и постреволюционных элементов. На культуру рабочего досуга оказали влияние фоновые крестьянские практики, связанные с наплывом в города «новых рабочих», а также навязывавшиеся сверху официальные нормы и ценности. Новый, социалистический городской досуг окончательно сложился к середине 1930-х гг.

НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ; ИСТОРИЯ ДОСУГА; ГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ; ФОНОВЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ.

Современная историческая наука стремится к постоянному расширению «исследовательских полей», к использованию новых методологических подходов. Большим эвристическим потенциалом обладают, в частности, «новая политическая история», изучающая политическое в различных сферах человеческой деятельности, и «новая культурная история», составной частью которой является история досуга [1, с. 27, 29]. Исследование досуга (*leisure*), включающего в себя не только развлечения (*recreation, pastime*), но и разнообразные занятия в свободное от производительного труда время, важно для понимания специфики городских сообществ, в том числе в контексте социально-политической истории. В XX в. наша страна пережила не только глобальные политические изменения. Произошел качественный скачок во всех сферах общественной жизни – от экономики до сферы частной жизни, что отразилось и на культуре досуга. На ее формирование оказали влияние как дореволюционные досу-

говые практики городского населения, так и привнесенные извне крестьянские обычаи и традиции, а также насаждавшиеся сверху формы новой, социалистической культуры.

Особенно интересным в этом контексте представляется изучение фоновых (термин М. Фуко) досуговых практик, под которыми понимаются повторяющиеся действия людей, утратившие прагматический смысл под влиянием внешних обстоятельств [28]. Данные действия в обыденном сознании, как правило, не подлежат рефлексии и носят ритуализированный характер. Предполагается, что индивид выполняет подобные практики постольку, поскольку он принадлежит к определенной культуре и является носителем какой-либо идентичности. Можно говорить о фоновых практиках в контексте культурной инерции, когда люди воспроизводят уже потерявшие прежнюю актуальность повседневные практики предшествующих поколений, мотивируя это традицией, сложившимся обычаем [13, с. 57].

Общеввропейским революционным феноменом стала массовая миграция сельского населения в города, изменившая как облик городов, так и «лицо» горожанина [3]. Массовая культура XX в. — спорт, танцы, музыка, кинематограф и пр. — была городской культурой. Она манила к себе жителей села и меняла их представления о себе, о пространстве, о времени и т. д. Рождение массового досуга связано с изменениями в сфере индустриального труда в конце XIX — начале XX в. (сокращение продолжительности рабочего дня, введение оплачиваемых отпусков), развитием системы общего образования, появлением индустрии развлечений [9, с. 390–392]. Проблема заключалась в том, что, получив досуг, рабочие (самая многочисленная категория городского населения) не знали, как его использовать. На рубеже XIX–XX вв. в город переносились деревенские обычаи (кулачные бои, посиделки дома и в гостях, карточные игры, чайные и пр.), тем более что большая часть российских рабочих были рабочими в первом поколении, сохранявшими тесную связь с крестьянской средой. Собственно индустриальные досуговые практики стали складываться в нашей стране уже в советское время и испытали сильное воздействие государства с его патерналистской политикой и ужесточением политического контроля за повседневной жизнью населения.

Специфика складывавшейся рабочей досуговой культуры в России была обусловлена своеобразным слиянием традиционной городской культуры с новыми постреволюционными веяниями. Так, по наблюдениям этнографов, после 1917 г. в России начала формироваться современная праздничная культура, которая «смысла» некоторые пласты православной и дохристианской культуры. Советские праздники, городские по происхождению, были уже идеологическими и политическими [5, с. 43].

Особенностью 1920-х гг. стало совмещение пролетарских дореволюционных досуговых практик с крестьянскими, привнесенными «новыми рабочими» из деревни, а также с новыми практиками, «насаждаемыми» сверху. В борьбе между реальным и идеальным, крестьянским и пролетарским, дореволюционным и советским рождалась новая культура досуга.

Тесная связь рабочего с фабрикой, в том числе и в нерабочее время, формирование от-

носительно замкнутых соседско-дружеских сообществ оказывали определяющее влияние на сферу досуга. В свободное время рабочие ходили друг к другу в гости, читали газеты (практика, усиленно навязывавшаяся советской властью) и книги (в основном развлекательного свойства), посещали (как правило, с товарищами по работе) чайные и пивные, ходили в кино и дешевые театры (билеты, как правило, получали на предприятии) и пр. Большинство потребностей рабочих, таким образом, удовлетворяла «фабрика-община».

«Новые рабочие», приток которых на фабрики и заводы стал весьма заметным в середине 1920-х гг., в сущности оставались крестьянами по своим привычкам и жизненным ориентирам. По данным агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома ВКП(б), около 80 % «новых рабочих» и были крестьянами (или детьми крестьян) по социальному происхождению [26, л. 7]. Они привносили в городское пространство крестьянские фоновые практики, вступая в определенный конфликт с властью, которая стремилась навязать им политическую и общественную активность.

К «репликам» крестьянского досуга в городской среде можно отнести многочисленные самопроизвольные собрания — «посиделки», «кутежи» и пьянство, молодежное хулиганство, карточные игры (нередко на деньги), пение и танцы под гармошку и т. п., не только сложно подававшиеся политическому контролю, но и создававшие определенный дискомфорт для окружающих.

Уже в 1922–1923 гг. пьянство как форма девиантного поведения была отмечена в информационных сводках по многим предприятиям. Для власти пьянство представляло собой проблему, которая вела к снижению производительности труда, мелким хищениям, росту производственного травматизма и т. п. [20, л. 18, 23, 47]. Пили рабочие, как правило, в праздники, а также в дни аванса и получки. «Спрыск», «магарыч», «замочка машин» представляли собой устоявшиеся с конца XIX в. традиции, от которых «старые» рабочие не желали отказываться, а «новые» охотно подхватывали. Вот как описывает это газета Вышневолоцкого уезда ВКП(б) «Наш край»: «Помощник машиниста на Вышневолоцкой мануфактуре Иван Самарин всю получку пропил. Домой явился „пьяный в лос-

кут”, голый, распевая нецензурные похабные песни, напугав всех в слободе. ...Рабочий Лагаш спился совсем и украл последние ведра у жены...» [14].

В официальном дискурсе пьянство рассматривалось как наследие старого режима. В эту же категорию попадало, например, и исполнение религиозных обрядов. И то, и другое подлежало общественному осуждению и искоренению. Так, например, рабочий ленинградской верфи им. Дзержинского Бойцов получил выговор и дополнительную партийную нагрузку за то, что его жена (в его отсутствие. – *Авт.*) окрестила их ребенка [17, л. 1].

Главного союзника в борьбе с религиозным досугом власть нашла в лице комсомольцев. Антирелигиозная деятельность стала новой формой проведения свободного времени молодыми рабочими. Они организовывали «красные крестины» и «красные свадьбы», принимали участие в антирелигиозных кампаниях (например, в кампании по изъятию церковных ценностей) и работе общества «Безбожник», разыгрывали показательные суды над религией. Для молодежи во всем этом были элементы зрелищности и развлекательности, инсценировки, карнавала и коллективной игры. Например, в 1923 г. в Петрозаводске во время проведения комсомольской Пасхи для развлечения молодежи применялись иллюминированные световые плакаты с антирелигиозными лозунгами, были поставлены инсценировки «Попы и комсомол», «Бог, отец и комсомол», прошло шествие по городу с пением «Интернационала» [15, л. 15–16 об]. Таким образом происходило насыщение досуга идеологическими функциями.

Зачастую антирелигиозные мероприятия носили агрессивный по отношению к верующим характер и могут рассматриваться как форма канализации молодежной агрессии. Это сближает их с другой формой досуга – хулиганством (разумеется, если антирелигиозный активизм поощрялся властью, то с хулиганством она решительно боролась). Хулиганство, особенно распространившееся в годы нэпа, стало частью фабричной молодежной субкультуры.

По мнению С.Е. Панина, помимо таких общих форм хулиганских проявлений, как ругань, дебоширство, приставание к женщинам-работницам, драки за фабричными воротами, на производстве появились свои специфичные

способы «похулиганить», к примеру порча имущества. Росту хулиганства как на производстве, так и вне его способствовало внушенное рабочим представление об их авангардной роли в строительстве социализма. На этой почве у рабочих развивалось так называемое «пролетарское чванство» – чувство вседозволенности и безнаказанности [16].

Трудно согласиться с утверждением Н.Б. Лебиной о том, что общественное мнение часто выступало на стороне хулиганов, объясняя их действия (например, набеги на клубы, погромы домов отдыха, кинотеатров, срыв киносеансов, приставание к девушкам и прохожим, отбирание денег у хорошо одетых нэпманов) «молодечеством» и издержками возраста («побалуется и повзрослеют»), а также тем, что они «имеют право» [12, с. 97–104]. Многочисленные жалобы на распоясавшихся хулиганов, звучавшие на рабочих собраниях, в наказах избирателей депутатам местных Советов, в сводках ГПУ о настроениях на фабриках и заводах, не оставляют сомнения в том, что молодежное хулиганство горожане терпели с трудом [См.: 19]. Так, рабочие пензенского трубочного завода жаловались: «Ведь это что такое, стало невозможно, нигде покоя тебе нет от этих хулиганов. Пойдешь на семейный вечер, в клуб или кино, а там все время только и слышишь, что кого-нибудь бьют или ругаются матом, кричат – „Зарежу!“, „Застрелю!“ ...Вместо отдыха получается наоборот, весь изнервничаешься, кое-как дождешься конца, а частенько и не дожидаясь, бежишь домой, давая зарок никогда не ходить ни в кино, ни в клуб» [4, с. 17].

С хулиганями боролись, организуя общественное осуждение (товарищеские суды, «живые газеты», карикатуры, плакаты и т. п.). В товарищеских судах Ленинградской губернии за хулиганство в 1924–1925 гг. было привлечено к ответственности 517 молодых рабочих (12 % всех рассмотренных дел) [24].

Размах хулиганства, смешение дореволюционных и постреволюционных представлений о сексуальных отношениях, неясная семейная политика власти, неумение организовать свой досуг, чувство пролетарской вседозволенности и отсутствие понятий о личной и гражданской свободе вызвали к жизни ужасающий прецедент «чубаровского дела», взволновавшего всю страну. Групповое изнасилование моло-

дыми рабочими приехавшей учиться в город деревенской девушки, произошедшее в Чубаровом переулке в Ленинграде осенью 1926 г., имело широкий общественный резонанс, в прессе появилась масса статей, обзоров, откликов читателей и даже стихов, осуждавших случившееся и требовавших сурового наказания для насильников [30, с. 112]. Семь насильников были жестоко наказаны – приговорены к смертной казни (хотя потерпевшая осталась жива). С этого времени хулиган в глазах государства становится преступником, заслуживающим суровой кары.

Новая власть активно взялась за борьбу с «пережитками прошлого». В крупных городах (Москве, Ленинграде, Ярославле) большую роль играли Дома просвещения, Дворцы молодежи и клубы, которые занялись свободным временем рабочего. В организации досуга хорошо заметен производственный принцип. Учреждения и предприятия вели культурно-просветительскую работу: проводили экскурсии по историческим достопримечательностям, образцовым фабрикам и др. (это сыграло положительную роль в подъеме общего культурного уровня рабочих, особенно «новых», приехавших из маленьких городков и деревень), организовывали встречи-лекции с учеными и известными людьми (писателями, путешественниками, актерами, певцами, спортсменами), коллективные походы в театры и кино и т. д.

Когда на предприятиях проводились соревнования между цехами, участками, отдельными рабочими, зачастую в качестве приза победители получали бесплатные билеты в театр или кино, подписку на газету и т. п., что способствовало одновременно и организации нового досуга, и усилению идеологической работы [21, с. 8].

Крупные предприятия регулярно устраивали для своих работников праздники, связанные с встречей Нового года, Первомаем, памятными днями революционных событий и др. Так, например, Балтийский завод в Ленинграде организовал в 1922 г. празднование Нового года для рабочих и их семей. Участники мероприятия для взрослых вносили по 10 млн рублей, детская елка устраивалась бесплатно после 1 января в два приема: для детей 5–8 и 8–12 лет (средства на елку выделялись культкомом и Севзапвоенпромом по просьбе профкома завода) [18, л. 40]. На заво-

дах практиковалась подписка на «музыкальные и зрительные номера» на различные праздники, которая собиралась более активно, чем подписка на золотые и хлебные займы, МОПР и другие добровольные общества, «недели смычки города и деревни» и т. п.

Рабочие активно участвовали в различных кружках, организованных профсоюзом, особенно если там можно было получить новые умения и навыки. Например, на Балтийском заводе большой популярностью пользовались кружок кройки и шитья, где платно учились 90 девочек (бесплатно – 25 пионерок и 15 дочерей рабочих), технические 3-годичные курсы, рассчитанные на 100 человек (48 из них – рабочие завода), гораздо меньшей популярностью – хоровой и театральный кружки, кружок друзей библиотеки [6, л. 126 об–132]. Большое значение для рабочих имело то, что они могли привести своих детей на завод, дать им возможность учиться, чем и пользовались профкомы и парткомы, энергично создавая на предприятиях технические школы и кружки, школы заводского обучения, а также пионерские отряды и комсомольские организации.

Принципы профсоюзной культурной работы были сформулированы уже в начале 1920-х гг.: «Наблюдается рост интереса рабочих масс к культуре и просвещению. Чтобы не отпустить эти массы в разные частные увеселительные заведения, профсоюз должен выдвинуть культурную работу на первый план!» [23, с. 12]. Основой культурно-просветительной работы был назван рабочий клуб, ставший постоянным объектом внимания вышестоящих профсоюзных органов. В журнале «Вестник профсоюзов» (1923) нам встретилась любопытная заметка, формулировавшая задачи рабочих клубов как одного из средств воздействия на рабочую массу: «Основой культурной деятельности должны стать кружки естествознания, политграмоты, истории рабочего движения. Остальные литературно-художественные кружки – добавление, приманка. Малосознательный рабочий ищет прежде всего развлечения, и всякий труженик ищет отдыха. Дайте им развлечения и отдых в клубе, но так разбавьте их полезными занятиями, чтобы потом втянуть их больше в эти занятия... Члены „веселеньких“ кружков должны постоянно перекачиваться в основной» [22, с. 77]. Профсоюзные лидеры не скрывали сво-

их целей — общая культура и политическое просвещение рабочих должны были развиваться в духе коммунистических идей. Учитывая, что к «веселеньким» относили кружки музыкальный, литературный, драматический, танцевальный, хоровой, спортивный и т. п., можно сделать вывод, что для профессионалистов общая культура изначально ставилась ниже политической. Через досуговые практики шло постепенное внедрение новой идеологии в рабочую массу.

Впрочем, жизнь оказывалась богаче умозрительных идеологических схем. Далеко не всегда рабочим клубам удавалось придерживаться «правильной» политико-идеологической линии. Приведем некоторую статистику по их деятельности в Северо-Западной области на примере Союза деревообделочников, крупнейшие отделения которого существовали в Петроградской, Псковской губерниях и Карельской трудовой коммуне. На февраль 1923 г. по области существовало 11 клубов, 9 из них — в Петроградской губернии, местонахождение — непосредственно при заводах; 10 клубов имели драматический и музыкальный кружки. Состав библиотек: в Петрограде — 2,5 млн томов, по области — 8,5 млн... Особенно популярны были кино и театральные постановки [25, с. 70–72]. В дальнейшем вопросы политграмоты на практике оставались не самым важным направлением в рабочих клубах. Рабочие упорно предпочитали общекультурные кружки и банальные развлечения [2, с. 181–198].

Организация досуга рабочего стала постоянной заботой партийных структур. В бюджетах свободного времени рабочих все больше и больше места стали занимать митинги и демонстрации, празднование годовщины Октябрьской революции и 1 Мая, многочисленные собрания с различной повесткой дня — от внешней политики до обсуждения проблем повседневной заводской жизни.

Взаимодействие и взаимовлияние в сфере досуга старого и нового, деревенского и городского, предписываемого и привычного в 1920-е гг. заметно не только в городских сообществах в целом, но и в индивидуальных жизнеописаниях. В качестве примера приведем воспоминания комсомольца А.И. Картуса, который вместе с матерью переехал в Ленинград в 1925 г. из маленького среднерусского городка. Здесь он встал на учет на биржу труда, отку-

да был направлен на обучение в ФЗУ на завод «Красный выборжец». В своих воспоминаниях А.И. Картус писал: «Биржа труда в Ленинграде вела большую культурно-массовую работу. Явка на Биржу (не менее раза в неделю) награждалась бесплатной экскурсией под руководством квалифицированных экскурсоводов... Я побывал на Дворцовой пл. (пл. Урицкого), пл. Искусств (Лассаля), пл. Исаакиевской и Декабристов; в Музее революции и Зимнем дворце, Петропавловской крепости и соборе, Алексеевском равелине и на других объектах... Биржа труда оказалась моим „первым университетом“ по истории Петербурга, который возбудил мой дальнейший интерес к ней» [7, с. 83]. Практиковались «целевые спектакли, билеты на которые покупались крупными предприятиями» [8, с. 80]. При этом все развлекательные мероприятия предварялись докладами завкома или партийной ячейки о текущих вопросах и задачах завода.

В Доме просвещения А.И. Картус ходил в естественно-научный кружок (был еще военно-морской), где участвовал в опытах над животными, ходил на экскурсию в лабораторию И.П. Павлова. Он стремился не упускать ни одного заметного события в городе (закладка трамвайных линий и памятников, сопровождавшаяся интересными выступлениями; концерты симфонических оркестров; спортивные и музыкальные встречи; встречи с известными путешественниками (например, с капитаном дальнего плавания Лухмановым); посещение театров и выезды на массовые гулянья в Стрельну, Петергоф, Павловск в Ленинградской губернии, подмосковные усадьбы и т. д.). Большую роль для молодого «фабзайца» играли официальные советские события: «На заводе „Красный выборжец“ раз или два в год проводились отчеты, иногда выборы депутатов в Ленсовет от завода. Для этого в новотрубном цехе с обеда прекращалась работа, убиралось нетяжелое оборудование, ставились скамьи, и цех наполнялся до отказа, молодежь стояла» [Там же. С. 77]. Воспоминания А.И. Картуса показывают типичного идеального «нового рабочего», посвящавшего свое свободное время самообразованию, политической и общественной активности, культурному досугу и в то же время сохранявшего некоторую приверженность традиции (вечерние «посиделки» в квартире и пр.).

Новые досуговые практики были связаны не только с особенностями советского политического режима, но и с новой индустрией массовых развлечений. Так, уже Первая мировая война дала мощный толчок развитию кинематографа. Вырос не только тираж, но и географический ареал газет. Впервые в истории радио, передававшее программы для миллионов, породило действительно массового слушателя. В России, согласно официальной статистике, число киноустановок выросло с 1510 (в 1914 г.) до 7331 (в 1928 г.) и приблизительно до 30 тыс. к 1940 г. Общее число посещений кинозалов также увеличилось: в 1914 г. их было 106 млн, а в 1940 г. — приблизительно 900 млн. Ежедневный тираж газет вырос с 3,3 млн (в 1913 г.) до 9,4 млн (в 1927 г.) и до 38,4 млн к 1940 г. [10]. В 1920–1930-х гг. массовая культура начала приобретать видимые очертания во многих странах одновременно, и Советский Союз не был исключением.

Несмотря на это, в целом досуг городских рабочих в 1920-х гг. не отличался большим разнообразием. По-настоящему новый, социалистический досуг будет предложен советским горожанам только во второй половине 1930-х гг. в рамках идеологической модели «жить стало лучше, жить стало веселее». Решающую роль в формировании новых фоновых досуговых практик сыграет государственная политика. Специальными местами проведения советского культурного досуга стали парки культуры и

отдыха (например, знаменитый Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького в Москве). Там посетителям предлагалась как стандартная ежедневная программа (кино, детские представления, театральные и концертные мероприятия, цирковые представления, спортивные состязания, обучение танцам, аттракционы), так и специальные мероприятия (массовые праздничные гулянья, выставки, карнавалы) [11]. Красиво оформленные территории парков и их насыщенные программы, нацеленные на повышение культурного уровня населения, воплощали в себе новую — социалистическую — реальность досуга, сложившуюся в течение 1920-х — первой половины 1930-х гг.

Идеальный пролетарский досуг, пропагандируемый сверху, нередко вступал в противоречие с реальными фоновыми досуговыми практиками. Таким образом, к истокам формирования советской городской культуры досуга можно отнести складывание гибридных досуговых практик, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы, идеальные образы и реальные обстоятельства. Данное сочетание было обусловлено взаимовлиянием фоновых пролетарских и крестьянских практик с постепенным усилением навязываемого официального дискурса советского городского досуга, ужесточением политического контроля в советском обществе, а также внедрением в повседневную жизнь научно-технических новаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Borsay P.** A History of Leisure. The British Experience since 1500. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2006. 306 p.
2. **Gorzka G.** Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiterklubs 1917–1929: ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin: Verlag Arno Spitz, 1989. 553 s.
3. **Jerram L.** Streetlife: the untold History of Europe's twentieth century. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. **Камардин И.Н.** Развитие хулиганства в рабочей среде в 20-е годы (на материалах Поволжья) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 7–23
5. **Власова И.В.** Судьбы русской народной культуры // Вестн. РГНФ. 2010. № 3. С. 36–46.
6. **Доклад** завкома Балтийского завода // Центр. гос. архив ист.-полит. док. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.) Ф. 78. Оп. 1. Д. 115.
7. **Картус А.И.** Ленинград 1925–1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 1. С. 80–85.
8. **Картус А.И.** Ленинград 1925–1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 2. С. 77–82.
9. **Кастель Р.** Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
10. **Коткин С.** Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. СПб.; М.: Летний сад, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/12.php (дата обращения: 13.08.2013).

11. **Кухер К.** Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 350 с.
12. **Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.** Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 404 с.
13. **Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н.** Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестн. ПГИИК. 2012. № 13–14. С. 50–59.
14. **Наш край** (Орган Вышневолоцкого уездн. ком-та ВКП(б) и уездн. исполнит. ком-та). 1926. 1 октября.
15. **Отчет** о деятельности областного комитета РКСМ Автономной Карельской ССР за 1 марта 1923 – 1 марта 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 202.
16. **Панин С.Е.** «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестн. Евразии. 2003. № 4. URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm#s36 (дата обращения: 09.12.2009).
17. **Протокол № 5** закрытого собрания Пленума коллектива ВКП(б) верфи им. Дзержинского от 10.11.1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 135. Оп. 1. Д. 26.
18. **Протокол № 2** заседания культурной комиссии от 22.12.1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 35.
19. **Протокол** заседания Ленинградского губисполкома о борьбе с хулиганством от 29.03.1924 г. // Центр. гос. архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1552. Оп. 22. Д. 34. Л. 47; **Информационная** сводка по Ленинградской губернии. 15–22 ноября 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5907. Л. 21; **Материалы** о выполнении наказов избирате-
- лей Ленинградским Советом XII созыва. Л., 1930. С. 50–71.
20. **Пьянство** на заводе «Айваз» (Выписка из рабочей сводки № 25 от 9 февраля 1922 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4688. Л. 23, 47 и др.; **Выписка** из протокола заседания ячейки ВКП(б) завода им. МОПра // ЦГАИПД СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 16.
21. **Самошин.** Некоторые итоги // Производств. совещание. 1928. № 8. С. 5–9.
22. **Селецкий П.** Рабочие клубы // Вестн. профсоюзов. 1923. № 1. С. 71–82.
23. **Сиротинин П.** Профсоюзы Северо-Западной области // Вестн. профсоюзов. 1922. № 1. С. 5–14.
24. **Смена** (Орган Ленингр. губерн. ком-та РЛКСМ). 1925. 17 декабря.
25. **Смирнов-Чубринский М.** Культурная работа у деревообделочников // Вестн. профсоюзов. 1923. № 2–3. С. 65–78.
26. **Стенограмма** совещания агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома ВКП(б) по вопросу о работе среди новых слоев рабочих от 10.09.1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 209.
27. **Феномен** досуга в античном мире / под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманит. акад., 2013. 464 с.
28. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
29. **Ходнев А.С.** Новая культурная история и «новая история досуга» // Истор. наука сегодня: теория, методы, перспективы. М., 2012. С. 462–473.
30. **Чуйкина С.** «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–127.

S.B. Ulyanova, N.V. Ofitserova

THE PREREQUISITES OF THE FORMATION OF THE LEISURE CULTURE OF THE SOVIET CITY IN THE 1920s

ULYANOVA Svetlana B. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: sbulyan@yandex.ru

OFITSEROVA Nataliya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: oficernv@mail.ru

The paper is devoted to prerequisites of the formation of the city leisure culture in the 1920s into the context of the new cultural history. The Soviet urban culture combined traditional and post-revolutionary elements. Peasant background practices of newcomers influenced the workers leisure as well as official Soviet norms and values. The socialist urban leisure finally formed in the mid-1930s.

NEW CULTURAL HISTORY; HISTORY OF LEISURE; CITY WORKERS; LEISURE BACKGROUND PRACTICES.

REFERENCES

1. Borsay P. A History of Leisure. The British Experience since 1500. New York, Palgrave MacMilla, 2006. 306 p.
2. Gorzka G. Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriebewerkerklubs 1917–1929: ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin, Verlag Arno Spitz, 1989. 553 s.
3. Jerram L. Streetlife: the untold History of Europe's twentieth century. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. Kamardin I.N. [Development of hooliganism in a working environment in the 20th years (on materials of the Volga region)]. *"White spots" of the Russian and world history*, 2012, no. 1, pp. 7–23. (In Russ.)
5. Vlasova I.V. [Destinies of the Russian national culture]. *RGNF Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 36–46. (In Russ.)
6. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 78. Op. 1. D. 115. (In Russ.)
7. Kartus A.I. [Leningrad 1925–1932. Memoirs]. *History of St. Petersburg*, 2006, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.)
8. Kartus A.I. [Leningrad 1925–1932. Memoirs]. *History of St. Petersburg*, 2006, no. 2, pp. 77–82. (In Russ.)
9. Kastel R. *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika nayemnogo truda* [Metamorphoses of a social problem. Chronicle of wage labor]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2009. 574 p. (In Russ.)
10. Kotkin S. [Modern times: The Soviet Union in an intermilitary civilization context]. *Mishel Fuko i Rossiya* [Michel of Foucault and Russia]. St. Petersburg, Moscow, 2001. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/12.php (accessed 13.08.2013).
11. Kukher K. *Park Gor'kogo. Kultura dosuga v stalin-skuyu epokhu. 1928–1941* [Culture of leisure during a Stalin era. 1928–1941]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2012. 350 p. (In Russ.)
12. Leбина N.B., Chistikov A.N. *Obyvatel' i reformy: kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya* [Obyvatel and reforms: Pictures of everyday life of citizens in days of the New Economic Policy and Khrushchev's decade]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2006. 404 p. (In Russ.)
13. Leybovich O.L., Shushkova N.V., Kabatskov A.N. [Etnichal and economic: the etude about background praticians]. *The PGIK Bulletin*, 2012, no. 13–14, pp. 50–59. (In Russ.)
14. Nash kray [Our edge (Body of Vyshnevolotsky district committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and district executive committee)]. 1926. Oct. 1. (In Russ.)
15. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. K-599. Op. 1. D. 202. (In Russ.)
16. Panin S.Ye. ["Owner of streets city". Hooliganism in the Soviet Russia in the 1920th years]. *The Bulletin of Eurasia*, 2003, no. 4. Available at: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm#s36 (accessed 09.12.2009).
17. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 135. Op. 1. D. 26. (In Russ.)
18. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 78. Op. 1. D. 35. (In Russ.)
19. Central state archive of St. Petersburg. F. R-1552. Op. 22. D. 34. L. 47. (In Russ.); Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 5. D. 5907. L. 21. (In Russ.); [Materials about performance of orders of voters by the Leningrad Council of the XII convocation]. Leningrad, 1930. Pp. 50–71. (In Russ.)
20. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 4. D. 4688. L. 23, 47, etc.; Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 378. Op. 1. D. 16. (In Russ.)
21. Samoshin. [Self-tires. Some results]. *Proizvodstvennoe soveshchanie* [Production meeting], 1928, no. 8, pp. 5–9. (In Russ.)
22. Seletskiy P. [Working clubs]. *Bulletin of labor unions*, 1923, no. 1, pp. 71–82. (In Russ.)
23. Sirotinin P. [Labor unions of Northwest area]. *Bulletin of labor unions*, 1922, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.)
24. Smena [Change]. 1925. Dec. 17. (In Russ.)
25. Smirnov-Chubrin'skiy M. [Kultrabota at derevobdelochnik]. *Bulletin of labor unions*, 1923, no. 2–3, pp. 65–78. (In Russ.)
26. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 1. D. 209. (In Russ.)
27. *Fenomen dosuga v antichnom mire* [A leisure phenomenon in a classical antiquity]. St. Petersburg, Humanitarian academy Publ., 2013. 464 p. (In Russ.)
28. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Nadzirat and to punish. Birth of prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 478 p. (In Russ.)

29. Khodnev A.S. [Modern cultural history and “a modern history of leisure”]. *Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy* [Historical science today: Theory, methods, prospects]. Moscow, 2012. Pp. 462–473. (In Russ.)

30. Chuykina S. [“Life is inseparable from policy”]: Official and informal norms of sexual morals in the Soviet society of the 1930–1980th years]. *V poiskakh seksual'nosti* [In search of sexuality: the collection of articles]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2002. Pp. 99–127. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.215.16
УДК 165.4

Г.В. Хомелев

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ КРИТИКИ: КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

ХОМЕЛЕВ Геннадий Владимирович — доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
e-mail: homelev@yandex.ru

В статье рассмотрены категории модальности как понятия философской теории критики. Основное внимание уделено выяснению и философскому обоснованию содержания таких категорий критики, как «ценность», «ценностное отношение», «оценка», «оценочное суждение», «сущее» и «должное», «реальность» и «идеал», научный характер которых определяется прежде всего их отношением к объективной истине. Автор исходит из того, что общим признаком всех модальных отношений в критике и выражающих их категорий является подведение рассматриваемого предмета под определенное понятие (ценность, ценностное представление, идею), соответствующее ему в большей или меньшей мере. В этом смысле модальное отношение — это сравнение данного отдельного, единичного с его истинной всеобщностью — субстанциальностью, в отношении которой оно может рассматриваться как соответствующее ей всецело или в определенной степени.

ТЕОРИЯ КРИТИКИ; КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ; ЦЕННОСТЬ; ОЦЕНОЧНОЕ СУЖДЕНИЕ; СУЩЕЕ; ДОЛЖНОЕ; ИСТИНА.

Анализ категорий модальности применительно к целям и задачам критики представляет известную проблему, поскольку должен опираться на соответствующую *логическую* теорию, но ее разработка еще не завершена. Поэтому философское обоснование содержания категорий модальности является актуальной научной задачей, успешное решение которой поднимет уровень логического осмысления всей системы философских понятий, имеющих отношение к построению общей теории критики.

Предпосылаемая точка зрения достаточно определена: общим признаком всех *модальных отношений* в критике и выражающих их *категорий* является *подведение* предмета критики *под определенное понятие* (ценность, ценностное представление, идею), соответствующее ему

в большей или меньшей мере. В этом смысле модальное отношение — это *сравнение* данного *отдельного, единичного* с его истинной *всеобщностью* — *субстанциальностью*, в отношении которой оно может рассматриваться как соответствующее ей всецело или лишь в определенной степени. Категории модальности ведут нас в широкое пространство гуманитарного знания, прежде всего в теорию ценностей, в этику и эстетику. Но это как раз те границы, в пределы сфер которых мы далеко входить не намерены.

Вместе с тем рассмотрение данных *категорий* как средств критики дает еще один важный аргумент против получившей заметное распространение точки зрения, согласно которой основание научного подхода в критике составляет то или иное *положительное* воззрение, *позитив-*

ная концепция¹. Оспаривание данной точки зрения будет состоять в обосновании того, что само *подведение* критикуемого под некое понятие в науке или теорию, равно и дальнейшее рассмотрение под этим углом зрения, сопоставление и сравнение его с данным понятием или системой понятий конкретной теории — суть *модальное* отношение. В свою очередь, модальное отношение и раскрывающие его категории есть только *часть* целого, т. е. один из разделов теории критики. Часть же целого не есть всё целое, не может исчерпать и заменить его собой.

Рассмотрение категорий модальности мы начнем с понятий ценности и ценностного отношения.

Ценность и ценностное отношение

Первой категорией модальности, имеющей прямое отношение к критике, является понятие ценности. Специфику критики иногда усматривают в том, что она есть *оценочное* отношение или *ценностное* отношение субъекта к объекту. И это действительно так. Но что такое оценивание как гносеологическая процедура и необходимый элемент критического исследования? На это, к сожалению, мало обращают внимание. Между тем как, на наш взгляд, именно с этой точки зрения можно ближе всего подойти к выявлению особенностей критики как особой формы познания.

Ценностное отношение как *необходимый* момент критического исследования представляет собой особую *ступень* развития *гносеологического отношения* субъекта критики к своему объекту. Вместе с тем определяющей стороной ценностного отношения является не только его *неразрывная* связь с познанием², но и с *личностным* или *социально значимым* содержанием потребностей, интересов, мотивов и целей че-

ловеческой деятельности в чем бы она ни выражалась. Иначе говоря, ценностное отношение *ориентировано* на определенные *ценности*, которые и придают этому отношению свойственную ему специфику.

В современном понимании ценность всегда есть то, что объективно находится в определенной *связи* с потребностями и интересами людей. Это могут быть *вещи, отношения* или *свойства* вещей, явлений, процессов. Однако ценность выражает *не любую* связь предмета и человека, а только *положительную*³. Другими словами, *ценность* — это всегда *связь предмета с тем, что нам необходимо*, в чем мы можем испытывать потребность. Однако не всегда то, в чем человек испытывает потребность, имеет для него *объективное* значение ценности⁴. В этом смысле говорят, что ценности — это то, без чего невозможна *нормальная, здоровая* человеческая жизнь. Это значит, что не всё, в чем мы можем испытывать потребность, а только то, что является *благом*, т. е. *объективно положительным*, имеет значение ценности⁵.

Трудность определения понятия ценности состоит в том, что благо имеет объективное значение положительного не само по себе, а лишь в своем определенном *отношении к человеку* и в присущей этому отношению *мере*⁶. Иначе говоря, ценность предполагает *оценивающего* и вне отношения к нему не существует как ценность. В обществе людей все ценности жизни *скроены по мерке человека*. В мире ценностей действительно: «человек — мера всех вещей». Однако следует различать ценности *действительные* и *мнимые* (когда, например, человек оценивает нечто объективно отрицательное как положительное).

¹ «В самом основании критики должно лежать некоторое положительное руководящее воззрение» [10, с. 127]. «...Собственная теория должна быть предпослана критике, так как и при историческом способе критические аргументы черпаются из собственной теории, а в собственно критической части предвосхищаются только выводы теории» [Там же. С. 131].

² «Невозможно познание вне и без оценки, но нельзя и оценивать, не познавая» [1, с. 39]. Можно добавить, что именно поэтому нельзя истину разлучать с ценностью, ценность — с познанием, а ценность истины — с самой истиной.

³ «Ценностная эмоция всегда положительна... Ценностей со знаком минус не бывает... В теории ценностей все величины имеют знак плюс...» [2, с. 43].

⁴ Например, курение, употребление наркотиков и т. п.

⁵ Так, вода, воздух, наслаждение, здоровье, труд — всё это различные ценности, поскольку они обнаруживают *положительную* связь вещей, явлений или их свойств с тем, что нужно человеку. Сама жизнь есть высшая ценность.

⁶ Вещь, которой мы пользуемся, вода, которую мы пьем, воздух, которым мы дышим, *сами по себе* не могут иметь значения ценностей.

Связь ценностей с потребностями наиболее демонстративна. Сами человеческие потребности имеют два источника:

1) *естественные*, т. е. нечто данное от природы, — потребность в воздухе, еде, питье и т. п.;

2) *культурно-исторические*, удовлетворение которых предполагает существование определенных вещей, отношений или средств, созданных в ходе исторического развития человечества (например, потребность в познании истины, потребность в красоте, в служении долгу, справедливости, общему благу и т. п.).

Поэтому ценности можно классифицировать по *характеру* тех *потребностей*, с которыми они находятся в связи или тех вещей, которые служат удовлетворению этих потребностей. Так, например, различают *материальные* и *духовные* ценности. Причем значением ценности обладают не только вещи и их свойства, но и отношения между людьми: отношения дружбы, взаимопомощи, сотрудничества, любви и т. д.

Вместе с тем, поскольку интерес выражает определенное субъективное отношение, в ценности фиксируется *положительная значимость* явлений и предметов *с точки зрения осознания* людьми *источника* тех потребностей, которые лежат в их основе. Этот источник может быть *индивидуальным* или *общественным*. Соответственно ценности могут быть *индивидуально значимыми* и *общественно значимыми*, *личными* и *общественными*. На основе общезначимых ценностей формируются социальные нормы и идеалы.

Оценивание и оценка. Оценочные суждения

Поскольку *оценивание* — операция, имеющая отношение к подведению итогов критического исследования, постольку различные модальности и оттенки этих модальностей в критике создают свою сферу приложения, которая выходит далеко за пределы собственно философской теории критики. Оценивание является гносеологической процедурой. Его непосредственным аналогом выступает *сравнение*, которое, как известно, всегда предполагает определенный критерий или масштаб, применяемый к объектам сравнения. С точки зрения самой основы сравниваемых явлений, предметов, процессов различают следующие его формы: а) сравнение этого отдельного с другим отдельным или то, что Г.В.Ф. Гегель называл

рефлексией; б) сравнение данного отдельного или единичного с его всеобщим; в) сравнение предмета со своей *истинной* всеобщностью или своим *истинным* ее претворением (в науке, морали, искусстве). Только последнее имеет непосредственное отношение к оцениванию как определенной теоретико-познавательной процедуре в критике, а следовательно, может рассматриваться и как форма критики, поскольку *судить* о каком-либо предмете — значит, *оценивать* его, «значит, *сравнить* его природу — его истинную всеобщность с его единичностью, с характером его наличного бытия; сравнить то, что он есть, с тем, чем он *должен* быть» (курсив наш. — Г. Х.) [5, с. 194].

Таким образом, ясно, что если не выходить за пределы чисто гносеологического отношения, то критерием или масштабом сравниваемых предметов, явлений, процессов может быть только *понятие*. И именно тогда, когда само понятие применяется к различным предметам, явлениям, процессам, познающий способен различать в них необходимое или случайное, возможное или действительное, хорошее или плохое, прекрасное или безобразное, доброе или злое, справедливое или несправедливое. Именно через такое сравнение, различение и *подведение под всеобщее* мы, по существу, уже оцениваем их.

Оценка является *результатом* этого сравнения. Она может быть различной на разных этапах критического исследования. Так, например, на ступени усвоения она является синтезом понимания предмета как целого и его интерпретации. На ступени критического анализа оценка, скорее всего, представляет собой результат сопоставления и сравнения разбираемых критиком утверждений, положений и возражений, опосредованный взвешиванием и проверкой степени их обоснованности и т. д. В критике дать *оценку* — значит, *кратко резюмировать результаты* критического исследования, достигаемые на всех ее ступенях.

Оценка предполагает понимающего и оценивающего, а также наличие специфических *оценочных категорий*, таких, например, как «благо», «прекрасное» и «безобразное», «добро» и «зло», «долг», «справедливое» и «несправедливое», «возвышенное» и «низменное» и т. д. *Критерии* оценки определяются исторически конкретным содержанием тех оценочных пред-

ставлений и понятий, которыми оперирует субъект, но основания оценивания находятся все же в самом предмете.

«Познание... есть суждение» [13, с. 216]. Вынесенное суждение заключает в себе некоторое идеальное содержание, соотносимое с реальным предметом (проблема истинности знания). Однако эта релятивность суждения, как оказывается, носит *двойной* характер. Суждение есть также *суд над* неким *что-, как- и почему-*бытием предмета, вещи, явления, человека, его поступка и т. д. и т. п. — *оценивание* их путем сравнения со своей субстанциальной всеобщностью. Именно здесь всякий раз возникает проблема *значимости* для самого познающего познаваемого им предмета, вместе с определением его места в человеческой культуре, т. е. в нашем для-себя-бытии.

Следовательно, суждение есть также и *оценка* бытия, хотя вовсе не всегда эта оценка выражается в суждениях особого рода — в *оценочных суждениях*. Например, *случайна* ли та или иная точка зрения, теоретическая позиция или *необходима*, является ли она выражением *истины* и в *каком* объеме, соответствует ли содержание той или иной идеи, концепции понятию *добра* и *справедливости*, соответствует ли что-либо критериям *красоты*, возвышенно нечто или низменно и т. д. и т. п.? Поскольку все суждения выражают «*определенность* понятия, *положенную в понятие*» [3, с. 60], постольку связь любого оценочного суждения с некоторым понятием как со своей *истинной всеобщностью* носит *необходимый* характер. Нет понятия — не может быть и оценочного суждения. Оценочное суждение есть реальность действительного содержания *что-, как- и почему-*бытия предмета, установленного в соответствующих понятиях, а отношения между понятиями и внутри понятий есть рассуждение.

Таким образом, специфика оценочных суждений заключается в том, что они выражают различные модальности отношения оценивающего (субъекта критики) к оцениваемому (объект критики). В логике еще со времен Гегеля такие суждения известны как суждения *модальности*. Эти суждения выражают специфическую форму *отношения* между субъектом и предикатом. Гегель называет их «суждениями понятия» ввиду того, что уже здесь имеет место не непосредственное отношение понятия к по-

нятию, а «*отношение предмета к понятию*» или, может быть, точнее, понятия и связанных с ним понятий — к самому предмету. «В этом суждении, — разъясняет Гегель, — понятие положено в основание, и так как оно находится в отношении к предмету, то оно [положено в основание] как *долженствование*, которому реальность может соответствовать или не соответствовать. Поэтому лишь такое суждение содержит истинную оценку: предикаты „хороший“, „дурной“, „истинный“, „прекрасный“, „правильный“ и т. д. выражают собой то, что к сути дела прилагается *мерило* ее всеобщего *понятия* как всецело предположенного *долженствования* и что она ему *соответствует* или не соответствует»⁷ [Там же. С. 99]. Например, «дом — хороший», «метод — правильный, истинный», «человек — прекрасный» и т. д.

А. Эйнштейн так описывает следующую ситуацию, связанную с разрешением парадокса, с которым ему пришлось столкнуться: «Если бы я стал двигаться вслед за лучом света со скоростью *C* (скорость света в пустоте), то я *должен был бы* воспринимать такой луч света как покоящееся, переменное электромагнитное излучение...» [14, с. 277–278]. Откуда берется это «должен был бы», на чем основано суждение модальности? Ответ таков: на некотором всеобщем — либо на открытом ранее законе данного явления, которому нечто подчиняется, либо на понятии, которому нечто соответствует, либо на всеобщем или достаточно распространенном предвзвешивании, т. е. мнении людей, весьма далеких от науки.

Интересным в этой связи представляется мнение Вл. Соловьева. Он полагает, что из «всех земных существ один человек может *относиться к себе самому критически*», причем «не в смысле простого недовольства тем или другим своим положением или действием (это возможно и для прочих животных), а также и

⁷ Логика, которая бы имела дело с суждениями подобного рода, называют *деонтической* или *логикой норм*, а знание, которое здесь выводимо, называют нормативным знанием. Предполагается, что силлогизмы этой логики отличаются от классических силлогизмов, «содержащих суждения о фактах». В современной символической логике в качестве основных форм модальности обычно рассматриваются функции *необходимости* и *возможности* [См.: 6, 7, 15–18].

не в смысле смутного, неопределенного чувства тоски, свойственной всей „стенающей твари”, а в смысле сознательной *отрицательной* оценки самого способа своего бытия и основных путей своей жизни, как не соответствующих тому, что *должно бы быть*» (курсив наш. – Г. Х.) [12, с. 629].

Понятия сущего и должного, реальности и идеала как категории критики

Вне связи с познанием невозможно мыслить отношение сущего и должного, реальности и идеала. Гегелевская философия показала это со всей определенностью. Знаменитое положение «все действительное – разумно, а все разумное – действительно» не только выражает диалектический характер взаимосвязи категорий «действительное» и «разумное», но и (в их же сфере) устанавливает определенное отношение таких понятий теории критики, как «сущее» и «должное». Поскольку отношение действительного и разумного понимается Гегелем как опосредованное процессом *мышления и познания*, то категории «сущее» и «должное», «реальность» и «идеал» не могут и не должны рассматриваться самостоятельно и изолированно от процесса познания⁸. В этом Гегель был глубоко прав. Должное и идеал лишь определенные *формы бытия истины*, раскрываемой в таких специфических сферах, как мораль и искусство⁹, посредством оценочных и модальных категорий¹⁰.

Что бы ни говорили сегодня о формализме долга в этике И. Канта, все же следует признать, что именно «Критика практического разума» впервые установила правильное понимание категорий морали как *долженствования*, т. е. как таких, в которых выражается или устанавливается определенное ценностное отношение к действительности. Правда, современ-

ная философия уже не может довольствоваться простой констатацией связи сфер морали и искусства с определенными ценностями. Первой формой движения в неправильном направлении в истории критики была попытка под видом объективности разлучить истину и интерес. Результатом такой попытки был объективизм. Но объективизм и объективность – это не одно и то же. Второй формой того же рода является сегодня попытка разлучить истину и ценность с той лишь разницей, что место интереса здесь занимает ценность. Характерно, что саму ценность понимают как некое *верование*. Поэтому полагают, что ценность, как и все значимое, принципиально отлична от истины, поскольку она ни в какой проверке ее соответствия действительности не нуждается. Отсюда ценность, в отличие от истины, «нельзя опровергнуть, ее можно только отвергнуть» [8, с. 80]. Дальнейший вывод напрашивается сам собой: всякая критика, прибегающая к ценностям (например, художественная критика) в качестве критерия, не является научной, так как находится *вне* сферы познания.

С подобной точкой зрения нельзя согласиться. После Канта и Гегеля совершенно ясно, что и ценность, и ценностное отношение, и все связанные с ними категории модальности должны быть раскрыты в *единстве* с определенным познавательным отношением¹¹. Имея это в виду, Вл. Соловьев писал: «Хотя определение истины относится непосредственно к сфере знания, но никак не к ее исключительности (которая уже есть не истина), это определение должно принадлежать знанию, лишь поскольку оно согласуется с другими сферами духовного бытия, иными словами: истинным в настоящем смысле этого слова, т. е. самою истиной, может быть только то, что вместе с тем есть благо и красота» [12, с. 191]. Следовательно, долг и должное необходимо рассматривать как *формы*

⁸ Согласно Гегелю, спецификой формы искусства является то, что оно «ставит перед сознанием истину в виде чувственного оформления» [4, с. 105].

⁹ «...Для того чтобы знать, какие поступки справедливы, добры, а какие несправедливы, злы, нужно уже *заранее* иметь понятие о справедливом и добром» [См.: 5, с. 13].

¹⁰ По-видимому, существует некоторое различие оценочных и собственно модальных (или модально-оценочных) категорий.

¹¹ Именно поэтому, на наш взгляд, точка зрения М.С. Кагана не имеет перспективы: у него понятия «истина» и «ценность» фиксируют «*два разных типа отношения*», а «истина как таковая аксиологически нейтральна» [См.: 8, с. 69, 70]. Здесь можно согласиться с Г.П. Выжлецовым: «...Представляемая в литературе связь познания только с истиной, а оценки – только с ценностью явно упрощает суть дела» [1, с. 39].

бытия истины в морали, ее выражение и практическое претворение. Тогда истиной в сфере нравственных отношений будет также и *искание* добра, и *само добро*, *сама справедливость* и *нравственность* [См., например: 11, с. 447].

В истории философии мы видим движение именно к этому результату. Так, например, понятие прекрасного как идеала в эстетике Канта связано с *суждением вкуса*, которое, по существу, является *оценочным модальным суждением*. «Высший образец, первообраз вкуса, — писал он, — есть лишь идея, которую каждый должен создать в себе самом и, исходя из которой, ему надлежит судить обо всем, что есть объект вкуса...» Вкус же обнаруживается у человека «постольку, поскольку он способен судить об этом образце» [9, с. 101]. «Идея означает... понятие разума», а прекрасное, выражающее идеал, есть «представление (чувственный образ. — Г. Х.) о единичном существе как адекватном идее» [Там же]. Таким образом, модальность эстетического суждения Кант объясняет тем, что необходимость во всех суждениях вкуса мыслится здесь как *необходимость образца*, т. е. определенной идеи [Там же. С. 106].

В эстетике Гегеля эстетическое и познавательное отношения рассматриваются в их единстве: отношение прекрасного и истинного неразрывно связаны. Поэтому для Гегеля «*красота и истина суть одно и то же*», ибо прекрасное, чтобы быть прекрасным, должно содержать истину в себе в качестве идеи, а следовательно, и идеала любого произведения искусства. «*Истинна именно идея*», а потому она не только истинна, но и в себе прекрасна. Отсюда понятно следующее лаконичное определение прекрасного: прекрасное есть «чувственное *явление*, чувственная видимость идеи» [Там же. С. 114, 115].

На наш взгляд, с гносеологической точки зрения идеал выражает определенное *понимание высших потребностей и ценностей* жизни, а также *знание пути*, ведущего в направлении их реализации. Подведение реальности под идеал, сопоставление и оценка реального с точки зрения идеала превращает само сопоставление в *сравнение*, где критерием выступает идеал. Оценивание их несоответствия превращается в *критику* реальности, т. е. сущего, расходящегося с тем, что *должно быть* согласно истине.

Задача критики на этой ее ступени заключается в познании *негативного* в критикуемом предмете, т. е. в воспроизведении (отображении) того, как некое *конкретно-всеобщее* (предмет, действительность, мысле-форма) через свое же собственное определение (утверждение, целеполагание, мотивацию, действие, поступок и т. п.) различает себя от самого себя и в качестве данного единичного приходит к отрицанию самого себя или инициирует и подготавливает его. Негативное выступает здесь как *противоречие* — несоответствие истинного, конкретно-всеобщего (например, понятия, долженствования, идеала и т. п.) и данного единичного его выражения или претворения¹².

¹²Так, согласно Гегелю, воля различает себя от самой себя, когда она, например, *хочет* природного, ибо в этом своем хотении она полагает себя как нечто *зависимое* от природного. Зависимость от природного, как и вообще от всего *конечного*, есть отрицание воли в данном ее конкретном отношении, поскольку *в себе*, т. е. в своем понятии, воля как таковая (всеобщее) свободна. Таким образом, негативное выступает здесь как противоречие (несоответствие) истинного и всеобщего в понятии воли и ее проявления в данном конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выжлецов Г.П.** Аксиология культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1996. 152 с.
2. **Гулыга А.В.** Принципы эстетики. М.: Политиздат, 1987. 285 с.
3. **Гегель Г.В.Ф.** Наука логики. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
4. **Гегель Г.В.Ф.** Лекции по эстетике. Кн. 1 // Соч. В 14 т. Т. XII. М.: ГСЭИ, 1938. 471 с.
5. **Гегель Г.В.Ф.** Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 630 с.
6. **Ивин А.А.** Модальные теории Яна Лукасевича. М.: Изд-во ИФ РАН, 2001. 176 с.
7. **Ивин А.А.** Современная логика. М.: Век, 2009. 384 с.
8. **Каган М.С.** Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

9. **Кант И.** Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
10. **Мареев С.Н.** Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М.: Мысль, 1984. 157 с.
11. **Соловьев Вл.** Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
12. **Соловьев Вл.** Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
13. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академ. проект, 2011. 460 с.
14. **Эйнштейн А.** Сборник научных трудов. В 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 600 с.
15. **Шкатов Д.П.** Модальная логика и модальные фрагменты классической логики. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008. 140 с.
16. **Garson J.** Modal Logic for Philosophers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
17. **Blackburn P., de Rijke M., Venema Y.** Modal Logic. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
18. **Chagrov A., Zakharyashev M.** Modal Logic. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.

G.V. Khomelev

THE PHILOSOPHICAL THEORY OF CRITICISM: THE CATEGORIES OF MODALITY

KHOMELEV Gennadiy V. — *St. Petersburg State University of Economics.*

Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: homelev@yandex.ru

This article provides an overview of the categories of modality being a concept of philosophical theory of criticism. The author of this article pays main attention to how to determine and to philosophically ground the meaning of such categories of criticism as the value, the value-based attitude, the valuation, the evaluating judgement, the being and the duty, the reality and the ideal, the scientific nature of which may be determined, first of all, to the extent they relate to the objective truth. The author's point of view proceeds from the idea that the common feature for all the modal relations of criticism and for the categories expressing them is the approximation of the object being studied to match a certain notion, value, value-based perception, idea, which corresponds to them to a greater or lesser degree. In this respect, the modal relationship is the comparison of this given single object with its true universalism — the substantiality, with regard to which it may be considered as the one that corresponds to it to some extent.

THEORY OF CRITICISM; MODAL CONCEPTS; VALUE; EVALUATING JUDGEMENT; BEING; DUTY; TRUTH.

REFERENCES

1. Vyzhletsov G.P. *Aksiologiya kul'tury* [The Axiology of Culture]. St. Petersburg, Publ. house of St. Petersburg State Univ., 1996. 152 p. (In Russ.)
2. Gulyga A.V. *Printsipy estetiki* [The principles of aesthetics]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 285 p. (In Russ.)
3. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [The Science of logic]. In 3 vol. Of vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 371 p. (In Russ.)
4. Hegel G.W.F. [The Works]. In 14 vol. Of vol. XII. Moscow, 1938. 471 p. (In Russ.)
5. Hegel G.W.F. [The Works of different years]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 630 p. (In Russ.)
6. Ivin A.A. *Modal'nyye teorii Yana Lukasevicha* [The Modal Theories of Yan Lukasevich]. Moscow, IF RAN Publ., 2001. 176 p. (In Russ.)
7. Ivin A.A. *Sovremennaya logika* [The Modern Logics]. Moscow, Vek Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)

8. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennostey* [The Philosophical Theory of Values]. Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 205 p. (In Russ.)
9. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgment Ability]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.)
10. Mareyev S.N. *Dialektika logicheskogo i istoricheskogo i konkretnyy istorizm K. Marksa* [The Dialectic Logic and Historical and Specific Historicism K. Marx]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 157 p. (In Russ.)
11. Solovjev Vl. [The Works]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 892 p. (In Russ.)
12. Solovjev Vl. [The Works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 822 p. (In Russ.)
13. Hydegger M. *Bytiye i vremya* [The Being and The Time]. Moscow, Academic project Publ., 2011. 460 p. (In Russ.)
14. Einstein A. [Collections of Scientific Works]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1967. 600 p. (In Russ.)
15. Shkatov D.P. *Modal'naya logika i modal'nyye fragmenty klassicheskoy logiki* [Modal Logics and Modal Fragments of Classical Logic]. Moscow, IF RAN Publ., 2008. 140 p. (In Russ.)
16. Garson J. *Modal Logic for Philosophers*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
17. Blackburn P., de Rijke M., Venema Y. *Modal Logic*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.
18. Chagrov A., Zakharyashev M. *Modal Logic*. Oxford, Oxford University Press, 1997.

DOI 10.5862/JHSS.215.17

УДК 1/14

М.Л. Лезгина, В.Г. Иванов

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ АБСТРАКЦИЙ

ЛЕЗГИНА Марина Львовна — доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: lezgina@mail.ru

ИВАНОВ Вячеслав Григорьевич — доктор философских наук, профессор института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

e-mail: lezgina@mail.ru

В статье показано, что математические абстракции берут свое начало на самых ранних стадиях первобытности. Их эволюция состоит в восхождении от конкретно-чувственных образов ко всё более общим понятийным структурам в ходе становления идеи континуума через преодоление ограниченности методов дискретной математики.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ АБСТРАКЦИИ; МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ; ДИСКРЕТНАЯ МАТЕМАТИКА; КОНТИНУАЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА; КОНКРЕТНО-ЧУВСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ; ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ; ИДЕАЛИЗАЦИЯ.

Формирование абстрактного мышления, начиная с Галилея и Декарта, коррелируется прежде всего с проблемой становления абстракций в математике. Определение сути математических идей занимает ключевое место у Платона и Аристотеля, у Лейбница и Спинозы, у Канта и Уэвелла, у историков и методологов науки XX века. С учетом того, что математизация является одной из главных закономерностей развития современной науки и что новые направления научного поиска во всех отраслях исследований, включая гуманитарные, осуществляются, как правило, в тех проблемах, на которые распространяется математизация, нам представляется целесообразным проследить развитие математической идеи как детерминации познавательных возможностей человека.

Но прежде необходимо обратиться к философскому смыслу более фундаментального понятия «идея». Первоначально идеи воспринимались как итоги идеации, т. е. интуитивно-созерцательного усмотрения сущности без применения каких бы то ни было логических операций. Исходной формой генезиса идей яв-

ляется идеализация, которая осуществляется двояко: с одной стороны, это многоступенчатое абстрагирование и обобщение, с другой — мысленный переход к предельному случаю. В целом под идеализацией в наше время понимается мысленное конструирование объектов, которые не существуют и не могут быть осуществлены в действительности, но имеют в реальном мире прообразы. Развитие идеи происходит в следующих отношениях: в форме идей фиксируются основополагающие элементы теории, ее «начала», теоретические или идеальные объекты. Они представляют собой конструкты, образующие узлы необходимых и достаточных для соответствующей теории свойств и отношений, которые освобождены от всего случайного и привходящего. Это абстрактные объекты, которым в реальности соответствуют лишь отдаленные прообразы.

Кроме этого, идея в концентрированном виде выражает степени прогресса познания. Она сама проходит три ступени (обозначены Гегелем терминами «жизнь», «познание» и «абсолютная идея»), условно определяющие этапы развертывания идеи. Пройдя через стадии подспудно

развивающейся тенденции (фундаментальной идеи, порождающей поколения производных идей), идея находит свое выражение в предмете теории (науки), обращается в смысловое ядро свода знаний и в таком виде смыкает научное знание с такими его обобщениями, как картина мира, миропонимание, мировоззрение.

Имея своим содержанием узел необходимых связей, доступных на данном этапе познания и обеспечивающих целокупность имеющихся и формируемых знаний, идея выражает целевую установку познания.

И наконец, идея, будучи обнаруженной мышлением как особая форма познания, сама становится предметом рефлексии. От онтологического истолкования идеи рефлексия ведет к тезису о единстве онтологии, гносеологии и логики, восходит к идее априорности и т. д. На путях этого прогрессирующего восхождения идея вызревает из состояния, в котором она претендовала на констатацию абсолютной истины, к осознанию себя как условного допущения на базе сложно опосредованного отношения к действительности. В ней можно усмотреть синтез трех элементов – объективного эталона, сопряженной с эталоном схемы практического или умственного действия и субъективной способности человека адекватным образом оперировать содержанием идеи.

В качестве координатного каркаса динамики развертывания порядка идей в математике можно принять классификацию А.Н. Колмогорова, подразделявшего историю математики на четыре качественно определенных периода: 1) период зарождения математики, 2) математика постоянных величин, 3) математика переменных величин и 4) современная математика, или математика абстрактных структур [1; см. также: 2, с. 34]. В.Я. Перминов, приняв за основу схему Колмогорова, внес уточнения в определение первых двух периодов и выделил период первичной математики, период абстрактной дедуктивной математики (Египет и Вавилон) и период теоретической, дедуктивной математики постоянных величин (Древняя Греция, Средние века) [3, с. 71].

В целом указанная периодизация вполне соответствует структуре внутренней истории науки и членению ее на стадии, в той или иной степени коррелированные с периодами развития математики.

В истории науки можно выделить следующие стадии:

- *пранаука*, или период первичного накопления знаний в процессе трудовой повседневности;

- *протонаука* как период организованного и социально контролируемого с помощью особых служб хранения и ретрансляции в смене поколений накопленных знаний, имеющих в глазах общества особую ценность (письменности как средства фиксации сведений и коммуникации измерительно-вычислительных процедур, астрономических и календарных наблюдений, религиозных догматов и т. п.);

- *преднаука* как период, когда общество от хранения и ретрансляции знаний переходит к производству нового знания; научный поиск входит в круг задач ученых, но еще не составляет атрибута научной деятельности;

- *наука нового времени* как период, когда научный поиск превращается в главное занятие институализирующейся по всему фронту своего становления науки; наука обретает определенную завершенность организации; научный поиск становится атрибутом науки;

- *классическая наука*, или наука принципов, как период, когда научно-поисковая деятельность требует собственной развивающейся и совершенствующейся технологии познания, научной методологии;

- *современная наука*, при которой темпы ее роста требуют постоянно самообновляющейся методологии и формирования метанауки – философии науки.

Историки математической мысли обычно начинают с египетских папирусов и месопотамских табличек. При этом допускается, что исходные математические понятия, такие как «целое положительное число», «расстояния между точками», возникшие в доисторические времена, позже получили свое дальнейшее развитие в математике. Предполагается, что наши первоначальные представления о числе и форме относятся к очень отдаленной эпохе каменного века – палеолиту.

Все это позволяет рассматривать математические идеи как результат опыта предшествующих поколений. Более того, как в свое время отметил Г.И. Челпанов, это идеи, «не выводимые непосредственно из индивидуального опыта, но относительно которых, тем не менее, следует

предположить, что они возникают в конце концов... как продукты опыта целого ряда поколений» [4, с. 143–144].

Какова природа такого явления, как «опыт ряда поколений», исчисляемого тысячами лет? Его результаты непосредственно не вытекают из индивидуального опыта, не являются они и суммарным итогом множества таких опытов. В таком случае напрашивается вывод, что здесь мы имеем дело с разновидностью функционального априоризма. Однако можно ли отсюда заключить, что арифметические понятия прогрессивно структурируются под влиянием развития требований сохранения, или же следует считать, что сохранение предшествует любой числовой и даже количественной организации и составляет не только функцию, но также и априорную структуру, особую разновидность врожденной идеи, с необходимостью возникающей с первых актов интеллекта и первых контактов с опытом.

Ссылка на априоризм применительно к математике требует от нас уточнения, в каком смысле в данном контексте о нем может идти речь. Впервые Аристотель говорил об априоризме как о знании следствий, полученном в результате вывода из такого знания причин (в отличие от апостериорного знания), как опосредованный вывод об отдаленных следствиях этих причин. Позднее проблема априорности оказалась сопряженной с вопросами о природе универсалий и статусе «вечных истин». По мнению Н. Мальбранша, душа наделена способностью познания посредством чистого рассудка, минуя воображение и чувство. Она воспринимает чистым рассудком: духовные предметы, универсалии, общие понятия и вообще все свои мысли, когда познает их при помощи рефлексии, обращенной на самое себя, а также протяженность с ее свойствами, ибо ведь только чистым рассудком можно познать совершенный круг или квадрат, фигуру с тысячью сторон и тому подобные предметы. Такого рода перцепции называют «чистыми постижениями» или чистыми перцепциями, так как, чтобы представить себе все эти предметы, «духу нет необходимости вызывать в мозгу их телесные образы» [5, с. 443].

Идея «чистых постижений» входит в самую ткань философии Г. Лейбница. В них заключается тайна связи материи и духа. Они — «прин-

ципы познания» [6, с. 92]. В душе человека они запечатлены от природы. К такого рода идеям или принципам Лейбниц относил, в частности, протяженность, длительность и число. При этом числовые идеи более точны и различимы одна от другой, чем идеи протяжения, в которых не так легко подметить и измерить всякое равенство и неравенство, ибо в пространстве наша мысль не может найти определенной малой величины, подобной единице среди чисел. Характеризуя априорность такого рода как умозрительное, беспредпосылочное, самоочевидное для разума знание, Лейбниц вместе с тем выдвигал в неявной форме проблему первичности дискретной или континуальной математики в ее ранних предпосылках.

Концепция априоризма, получившая широкое признание в немецкой философии, нашла свое дальнейшее развитие у И. Канта, который с самого начала связывал вопрос об априоризме с проблемой основоположения науки. По его мнению, математика и физика суть две теоретические науки разума, которые должны определять свои объекты априори: первая вполне чисто, а вторая, по крайней мере отчасти, из разума. «Чистое априори» мыслилось им как чистое от всякой эмпирии, всеобщее и необходимое. Основоположение необходимости в научных построениях объясняется просто. Разум усматривает только то, что сам производит по собственному плану. Он, соотнося их с принципами своих суждений, «сообразными постоянным законам, должен идти впереди и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться за нею на поводу» [7, с. 19], так как в противном случае наблюдения, произведенные наудачу, не будут объединены «постоянным законом», между тем как разум ищет и требует такого закона.

Поясняя эту мысль Канта, Н. Гартман полагал, что в поле реального познания априорный элемент не встречается изолированно. Там, где он изолируется искусственно, что, конечно же, имеет место в известных теориях, он теряет отличительную черту познания — объективную значимость, переходя в спекуляцию или в свободную комбинаторную игру. Априорное знание существует лишь постольку, поскольку «апостериорному знанию доступно вот-бытие познаваемых случаев» [8, с. 252–253].

Априори придает связность и упорядоченность переживаниям чувственного опыта,

входит в ткань научного мышления, нормирующего научные понятия, наделяя их качествами всеобщности и необходимости. Кант ввел различие априорных форм чувственности (чистое априори — пространство и время) и априорных форм рассудка (категории четырех классов: количества, качества, модальности и отношения). Априори обнаруживается только тогда, когда восприятия трансформируются с помощью априорных форм в понятия, прежде всего в понятия научные.

Но наука имеет свое начало и свою историю. И тогда возникает вопрос о ее начале, о том времени, когда появились научные понятия. С самых ранних времен, до каких простирается история человеческого разума, математика пошла надежным путем науки. И это был подлинно революционный переворот, но переворот только *в направлении* развития математики как науки, и он еще не был началом чистой математической мысли. Переворот касался доказательств и обоснований математической необходимости, а не источника этой необходимости. Априоризм, понимаемый в то время как врожденность, оставлял открытым вопрос, на какой стадии своего формирования разум приобретает атрибут априорности.

Явным образом проблема математического познания существует в истории, будучи тесно связанной с проблемой категорий. Всюду, где речь идет об априорности, эти проблемы сближаются. Это сближение как раз и состоит в том, что вопрос об априорности уводит нас к началам математической науки и еще дальше. Более того, необходим учет различия между дискретной и континуальной математикой, что ведет к доисторическим временам. Первым методом дискретной математики был счет, континуальная же математика (математика непрерывного) занималась измерением таких разных величин, как расстояние, площадь, время, вес и объем.

Насколько глубоко в прошлое уходит этот ряд? Не подлежит сомнению, что способность человека к счету зависит от владения речью. Древнейшие предпосылки математического мышления связаны с формированием неких тончайших структур нашего думанья в процессе эволюции центральной нервной системы. Эти предпосылки зарождаются на довербальном уровне, но реализуются с переходом от животного способа существования к челове-

ческому, под влиянием формирующейся общественной практики.

Известно, что язык современного типа сформировался довольно поздно, в эпоху неолитической революции. Мы практически ничего не можем сказать о языке более раннем, кроме того, что уровень развития мозга и гортани допускали его существование. За пределы неолита, в эпоху палеолита в области формирования человеческой психики впервые удалось проникнуть Ж. Буше де Перту. Собирая древности палеолита, он обратил внимание на насечки на камне и кости, определив их как метки на память, знаки и символы, напоминающие примитивные иероглифы. Буше де Перт считал, что в отличие от инструментов, вызванных к жизни материальной необходимостью, здесь речь идет о порождениях необходимости духовной. Исходя из этого предположения, он высказал догадку, что размещение насечек имело некий «символический» смысл.

Это была блестящая догадка, оценить всю глубину которой не мог еще ни ее автор, ни его современники. Насечки, как было доказано позднее, действительно были обозначениями определенных количеств, воплощающих в примитивной форме идею числа. Впервые такое предположение высказали А. Ларге и Г. Кристи. В насечках они заподозрили счетные таблицы или календарные записи. В первом случае насечки могли выступать как знаки, выполняющие функции памятных отметок охотника, знаки нумерации, знаки для распознавания или знаки собственности, а во втором случае насечки приобретают знаково-символический характер, предполагающий какую-то систему чисел, служащую для выражения жизненно важных количественных отношений.

Интересно, что приобщение к счету у детей проходит в три этапа: во-первых, достигается способность распознавать множества разной природы по признаку «больше — меньше»; во-вторых, достигается распознавание множеств по числу элементов в нем; в-третьих, наконец, «истинный счет» с помощью символов-числительных. Последний этап связан уже с вербальным абстрактно-логическим мышлением и в чистом виде доступен только человеку. Его отдаленные предпосылки обнаруживают у некоторых животных (обезьян, ворон, попугаев), но истинного счета они не достигают. Истинный

счет становится возможным лишь с освоением языка и речи.

Конечно, язык современного типа сложился далеко не сразу, он уходит корнями в эпоху неолитической революции. Чтобы подняться до уровня идеализированного объекта, каковым является число, т. е. до уровня универсалий, человеческий ум должен был — пусть в самой примитивной форме — угадать, обнаружить, постичь множество общностей более частного характера. Но на этом пути человеку приходилось преодолевать бесконечные трудности, связанные не только с «неподатливостью» природного материала, но и с неподготовленностью, слабой инструментальной вооруженностью его собственного ума. Конечно, формирование числа коррелирует с развитием самой логики — предлогическому уровню соответствует предчисловой.

За этим стоит развитие языка. Даже простейшие понятия должны были выкристаллизоваться, закрепиться в найденной или созданной для этого языковой форме, и именно в таком виде они представляют в сознании предметы внешнего мира. Исходные для этих понятий предпонятия были чрезвычайно неопределенными, поскольку лежали в сфере инстинктивного. Объяснение же *осознанных* природных явлений было в значительной степени интуитивным, так как слишком слабы были логические связи и мал объем благоприобретенных опытных знаний. В силу этого существовала своеобразная асимметрия ума по отношению к конкретно-чувственно-образному и абстрактно-общему. Именно конкретно-чувственное, связанное с непосредственным жизнеобеспечением повседневных нужд человека, раньше и быстрее всего получало словесно-понятийное оформление. Представления же об общем пробивали себе дорогу иначе, стихийно. Не находя опоры в слове, они требовали иной формы фиксации, закрепления, при которой их общность сочеталась бы с той заземленностью, которая только и была доступна уму, что реализовалось в развитии счета. При этом в качестве предмета счета всегда избирается конечно конкретное множество.

В самом деле, еще Ларге и Кристи подметили весьма характерную деталь, сопряженную с насечками, — соседство с ними на ряде пластин и костей гравированных изображений животных. В наши дни, в частности в трудах

А.П. Окладникова и его последователей, доказано: 1) древность пластин с насечками уходит в глубину тысячелетий, превышая древность иных форм, таких как «макаронны» (волнистые линии) или отпечатки, «следы» рук; 2) с помощью расчетов, насечки — это не произвольные орнаменты, они действительно связаны со счетом, определяя циклы жизнедеятельности промысловых животных, сроков внутриутробного развития плода и т. п. Эти исследования были продолжены как в нашей стране, так и за рубежом. При сравнении и сопоставлении пластинок с насечками было обнаружено, что происходит постепенное содержательное обогащение изображения, обрастание его новыми деталями, разнообразятся и в то же время стандартизируются форма лунок в насечке («лунка», «серпик», «угол», «крестик»), их размещение на плоскости пластины, соотнесение изображения с краем и центром пластины, отверстием в ней. Изображение из простой счетной записи перерастает в нечто знаково-символическое, связанное с мифом.

Простейшие операции имели место еще в эпоху палеолита (находка на стоянке Бильценгелебен, Германия). Они становятся значительно сложнее в эпоху, непосредственно предшествующую мустьерской (например, каменная плитка из грота Ля Ферасси). Интересно в связи с этим отметить, что «очень часто слова со значением „считать” и „число” этимологически оказываются связанными с глаголами, означающими „рубить, резать”, как, кстати, и глаголы „читать” и „писать”» [9, с. 69–70]. Серия насечек, «резов», представляла собой эквивалент числового ряда, сопоставляемого с рядом или последовательностью реальных предметов или событий, а возможно, параллельно этому, с пальцами конечностей в качестве натурального ряда, принятого за эталон.

Несомненно также, что пластины с насечками как счетные устройства имели коммуникативный характер. Благодаря им психическая операция счета оказывалась транслируемой и ретранслируемой среди тех, кто посвящен в ее предназначение. Праобщина складывалась как информационная система, т. е. система, способная опознавать сигналы, относящиеся к счету определенных множеств, хранить их в памяти, передавать и использовать в качестве высокоценного сообщения. Таким образом, мы

обнаруживаем на стадии нижнего палеолита зарождение первобытной графики как особого, ранее не известного способа коммуникации.

В целом можно выделить три стадии формирования зачатков математического мышления. На первой счет еще неотделим от объектов сче-та. На этой стадии предстает в чистом виде тот факт, что «математическая экзистенция... всегда дана вместе с так-бытием, а именно — и априори тоже. Мнимое разделение в области реального познания опиралось на то, что познание вот-бытия существует лишь апостериорно, а познание априори схватывает лишь так-бытие. Однако следует обратить внимание, что и тот, и другой тезисы не являются обратимыми» [8, с. 253]. Во всяком случае, на этой стадии пересчет как таковой отсутствует и имеет место лишь общая оценка размеров множества. На второй стадии развития первобытного математического мышления совокупность может быть расчленена на элементы, которые могут быть соотнесены с качественно иным элементом из иной совокупности так, чтобы число замененных элементов было равно числу заменивших (что имело место в практике межгруппового обмена по принципу «предмет

за предмет»). На третьей стадии развития сче-та в эту операцию вводится некое стандартное материальное множество, помогающее определить количественно некую совокупность. Эту функцию выполняли прежде всего пальцы рук и ног. Отсюда в счете особо выделяются такие числа, как «пять» и «дважды пять». По аналогии со счетом на пальцах могут быть использованы камешки, раковины, кости и т. д.

Эти три стадии формирования способностей к счету подготавливают условия для перехода от естественных посредников при счете к искусственным: бусинкам, узелкам на шнурах, полосам краски и пр. Если пальцы были посредниками в счете, то заменяющие их искусственные средства явились отвлечением, абстрагированием от прежних посредников, своего рода «посредниками посредников». Следующий шаг в эволюции навыков счета состоит уже в освобождении его от прежней привязки к искусственным или естественным материальным совокупностям, что, в свою очередь, ведет к оперированию абстрактными числами вообще в любых пределах и созданию специальных приборов для счета и измерения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колмогоров А.Н. Математика // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 26. М., 1954. С. 464–483.
2. Яшин Б.Л. Математическое знание и его история // Философия науки. М., 2007.
3. Перминов В.Я. Закономерности развития математики // Философия математики и технических наук. М., 2006.
4. Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование. М.; Воронеж, 1999.
5. Мальбранш Н. О разыскании истины // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М., 1970.
6. Лейбниц Г. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1983.
7. Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1983.
8. Гартман И. К основоположению онтологии. СПб., 2003.
9. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. М., 1973.

M.L. Lezgina, V.G. Ivanov

EPISTEMOLOGY OF EMERGING OF MATHEMATICAL ABSTRACTIONS

LEZGINA Marina L. — *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moyki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

IVANOV Vyacheslav G. — *The Institute of Philosophy of the St. Petersburg State University.*

Mendeleyevskaya liniya, 5, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: lezgina@mail.ru

It is shown that mathematical abstractions have their origin in the earliest stages of prehistory. The evolution of them is the process of their raising from concrete-perceptual images to general conceptual structures during emerging of idea of continuum by its going out from the narrow frames of methods of discrete mathematics.

MATHEMATICAL ABSTRACTIONS; MATHEMATICAL IDEA; DISCRETE MATHEMATICS; CONTINUAL MATHEMATICS; CONCRETE-PERCEPTUAL IMAGES; GENERAL CONCEPTS; IDEALOGIZATION.

REFERENCES

1. Kolmogorov A.N. Matematika. *Bol'shaya sovet-skaya entsiklopediya*. Iss. 2. Of vol. 26. Moscow, 1954. Pp. 464–483. (In Russ.)
2. Yashin B.L. Matematicheskoye znaniye i yego istoriya. *Filosofiya nauki*. Moscow, 2007. (In Russ.)
3. Perminov V.Ya. Zakonomernosti razvitiya matematiki. *Filosofiya matematiki i tekhnicheskikh nauk*. Moscow, 2006. (In Russ.)
4. Chelpanov G.I. Psikhologiya. *Filosofiya. Obrazovaniye*. Moscow, Voronezh, 1999. (In Russ.)
5. Malbransh N. O razyskanii istiny. *Antologiya mirovoy filosofii*. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, 1970. (In Russ.)
6. Leybnits G. Sochineniya. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, 1983. (In Russ.)
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. St. Petersburg, 1983. (In Russ.)
8. Gartman I. *K osnovopolozheniyu ontologii*. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
9. Otkupshchikov Yu.V. *K istokam slova*. Moscow, 1973. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.18

УДК 323.212

В.С. Незнанова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В РОССИИ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

НЕЗНАНОВА Виолетта Сергеевна – аспирант *Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

e-mail: vio.vita@yandex.ru

В статье анализируется актуальное понятие «гражданское общество», а также отношения гражданского общества с властью, в том числе через независимый некоммерческий третий сектор. В современной литературе гражданское общество и власть часто рассматриваются по отдельности, а понятие гражданского общества принято считать «продуктом Запада». В статье рассмотрено историческое развитие отношений гражданского общества с властью. Автор доказывает, что в России гражданское общество всегда существовало и существует в симбиозе с властью.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО; ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО; ДЕМОКРАТИЯ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА; ЛИЧНОСТЬ; ТРЕТИЙ СЕКТОР.

Понятие «гражданское общество» — одно из ключевых понятий современной социальной философии. Актуальность теоретического и практического аспектов этого понятия обусловлена повышением роли рядовых граждан и их добровольных объединений в различных сферах общества — экономической, политической, социальной, духовной. В своих трудах ученые прошлого и современности (Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Дж. Локк, Дж. Харингтон, А. Фергюсон, А. Смит, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель, А. де Токвиль, А.Ю. Сунгуров, В.Н. Якимец, Л.И. Никовская, И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон и т. д.) тщательно и разносторонне анализируют гражданское общество. Понятие «гражданское общество» [1], включая в себя различные общечеловеческие ценности, приобретает все большую инвариантность. Сегодня проблемы гражданского общества, которые относятся к взаимосвязи личности, социальных групп, общественных формирований и государства, находятся в центре внимания наших ученых, СМИ и политиков.

Это понятие появилось в конце XVII в. в работах Дж. Локка, Дж. Харингтона, А. Фергюсона, А. Смита, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегеля, А. де Токвиля. Большинство мыслителей под

«гражданским обществом» понимали: совокупность самых разнообразных отношений и институтов, общим отличительным признаком которых является их нахождение вне государства, т. е. совокупность отношений, развивающихся вне рамок государства и без его вмешательства, взаимодействий — семейных, групповых, экономических, религиозных; частные и публичные ассоциации и организации; все формы кооперативных социальных отношений, где возникают доверительные межличностные отношения, общественное мнение, правовые отношения и институты, а также политические партии. Гражданское общество понималось как некий зонтик, под которым находится всё, что не есть государство. Развитие гражданского общества давало людям уверенность в независимости от контроля государства и политической манипуляции. «Манипуляции на государственном и общественном уровне рассматриваются чаще всего с негативной стороны. Общие признаки их рассмотрения только как деструктивного и аморального явления, по-видимому, связаны с психологией человека: человеку вообще, а интеллектуалу особенно, трудно смириться с тем, что его жизнью и развитием управляет кто-то» [2, с. 49].

Актуальность темы обусловлена переходом России в начале 1990-х гг. на демократический путь развития и активизацией деятельности некоммерческих организаций (НКО), их участием в управлении территорией, что, несомненно, связано с процессом взаимодействия гражданского общества и органов власти. В современной российской управленческой практике органы власти при принятии решений часто ориентируются на собственные цели, задачи, ресурсы и не учитывают общественное мнение. Принятые в административном порядке решения не всегда популярны и находят поддержку среди населения. В связи с этим особый интерес представляет изучение вопроса о выстраивании взаимоотношений органов власти и гражданского общества как равноправных субъектов взаимодействия в целях объединения усилий для решения общественно значимых местных проблем.

Современные гражданские организации и объединения представляют собой сформированные группы части населения, четко идентифицирующей себя с целевой группой, интересы которой она защищает и продвигает. Они выражают общественное мнение отдельных групп населения, способны организованно участвовать в решении вопросов местного значения. В настоящее время НКО России – это реально действующий самостоятельный сектор общественных отношений, характерными чертами которого являются профессионализм и широкий спектр оказываемых населению услуг.

Процесс взаимодействия гражданского общества и органов власти исключительно важен для совместного решения различных социально значимых проблем. Вопросы, затрагивающие интересы граждан и общественных объединений, в демократическом государстве должны решаться органами власти с участием соответствующих общественных объединений или по согласованию с ними. Взаимодействие гражданского общества и органов государственной власти – широко распространенная практика, используемая в процессе разработки и принятия социально значимых решений. Источниками информации о таком взаимодействии являются законы и результаты социологических исследований.

Для российских исследователей вопросы, связанные с взаимодействием органов го-

сударственной власти и НКО, относительно новы. Это в первую очередь связано с тем, что в России относительно недавно начался процесс зарождения и развития гражданского общества. Власть и НКО имеют пока небольшой опыт взаимодействия. В некоторых регионах нашей страны этот процесс находится лишь в начале пути. Современное состояние гражданского общества в России, вопросы взаимодействия НКО и органов власти привлекают внимание многих российских исследователей. Наиболее известны работы на эту тему таких авторов, как А.А. Аузан, М.Б. Горный, И.В. Мерсиянова, А.Ю. Сунгуров, В.Н. Якимец.

Гражданское общество существовало всегда и везде, но в различных формах. Можно выделить следующие исторические этапы развития гражданского общества в России.

Первый этап развития российского гражданского общества связан с периодом развития благотворительности на Руси (X в.), с принятием христианства (988 г.) и имеет главным образом религиозный характер. Основным финансовым источником в то время была церковная десятина и уже привычный для гражданского общества добровольный труд волонтеров (монахинь, священнослужителей). Проблемы нуждающихся людей становятся предметом внимания княжеской власти, выразившегося в частной благотворительности. Развитие благотворительной деятельности в Киевской Руси было прервано нашествием татаро-монголов (нач. XIII в.), и только после избавления от татаро-монгольского ига (втор. пол. XV в.) и восстановления централизованной российской государственности появилась возможность на государственном уровне решать сложные социальные проблемы, среди которых помощь немощным и нуждающимся. Во второй половине XVI в. создается система государственного призрения. В 1682 г. выходит указ царя Федора Алексеевича о том, что неспособные к работе должны найти себе приют при монастырях или богадельнях, а здоровые нищие должны работать. Возникают механизмы предупреждения нищенской психологии: детей нищих отдают по домам для обучения ремеслу или в монастырь (для обучения грамоте). Этот указ был важен для развития гражданского общества в России: он стал прообразом принципа дифференцированного подхода к различным категориям нуждающихся людей и принципа социальной

профилактики, соблюдение которых является одним из преимуществ гражданского общества.

Второй этап развития гражданского общества тесно связан с особенностями заботы о нуждающихся людях в России. Петр I в период своего правления (1689–1725) обозначил еще один принцип, характеризующий преимущество гражданского общества, – адресный характер предоставления помощи и настаивал на необходимости различать нуждающихся в зависимости от причины их нужд и определять помощь в соответствии с этой нуждой, считая предупреждение нищеты одним из способов борьбы с ней. Дело заботы о нуждающихся Петр I передал светским правительственным и общественным управлениям (произошло не только перераспределение финансовых потоков к частным пожертвованиям и церкви, но и присоединение финансовых ресурсов государства, что определило стабильность создаваемой системы), хотя в эпоху Петра I благотворительные учреждения, как и раньше, принадлежали церкви.

Во время правления (1762–1796) Екатерины II начинается вторая попытка изменить социально-экономическую структуру страны. Создаются новые органы управления общественной помощью нуждающимся: приказы общественного призрения (региональные органы управления) и местные органы попечительства сословного характера (дворянская опека и городской сиротский суд). Деятельность этих органов основывалась на механизмах самофинансирования. На первом уровне – территориальное распределение (горизонтальное, с акцентом на господдержку): указом от 1775 г. в русском законодательстве был закреплен основной принцип общественного призрения – на сельские и городские общины и приходы была возложена обязанность кормить своих бедных, не допуская их до нищенства, а на полицейские власти – наблюдать за исполнением закона. На втором уровне механизм самофинансирования имел сословное распространение (вертикальный характер): каждое сословие на правах самоуправления было обязано оказывать помощь своим нетрудоспособным членам. В 1785 г. создаются городские участковые попечительства, в ведение которых передаются благотворительные учреждения, а это означает, что к решению социальных задач привлекаются широкие слои

населения, получающие возможность участвовать как в процессе принятия решения, так и в процессе реализации благотворительных функций. Екатерина II положила начало созданию в России благотворительных обществ, которые впоследствии стали основой для создания современного гражданского общества.

Императрица Мария Фёдоровна, супруга Павла I, в течение 30 лет основала целую сеть благотворительных заведений. В 1854 г. они были объединены в Ведомство учреждений императрицы Марии (ВУИМ). В 1904 г. ВУИМ включало 140 учебных заведений, Императорский Воспитательный дом, 55 домов призрения, 47 лечебниц и больниц, 376 приютов, 298 попечительских детских приютов, 2 Попечительства о слепых и глухонемых (включающие 44 учебных заведения, 16 домов призрения и 17 лечебниц, 31 благотворительное общество) [3]. Финансовое обеспечение некоммерческих организаций благотворительного характера осуществлялось на основе принципа смешанного финансирования. Помимо ВУИМ существовали Императорское Человеколюбивое общество, Российское общество Красного Креста, Попечительство о домах трудолюбия. Эти организации можно разделить на две группы: благотворительные общества и благотворительные заведения. Первые оказывали только разовую помощь, а вторые обеспечивали также приют и пропитание постоянно проживающих в них. До 1865 г. подобные заведения считали себя общеблаготворительными, однако в течение следующего десятилетия их помощь стала носить целенаправленный характер, что позволило сформировать механизм эффективной деятельности некоммерческого хозяйствования. К концу XIX в. число благотворительных обществ и заведений значительно выросло.

Третий этап развития гражданского общества в России исследователи связывают с периодом реформ 1860–1870 гг. Двухуровневая система регулирования благотворительной деятельности сохранилась, но изменилась ее структура. Помощь нуждающимся людям была передана в руки общественности в лице земств и городских дум. Теперь все сословия одновременно обсуждают дела земского и городского хозяйства. С 1894 г. на городском уровне осталась только координация благотворительной деятельности, а другие вопросы решались в

специально созданных участковых попечительствах о бедных, так как материальная база городской управы была недостаточной для решения всех социальных проблем, а участковые попечительства только на четверть финансировались из средств бюджета. Часть финансовой нагрузки несли состоятельные граждане. Это были проценты со специальных благотворительных капиталов Купеческого общества и сумм, собираемых самими попечительствами в виде членских взносов, путем обхода жителей участка, устройства благотворительных спектаклей и т. д. По новой системе право на помощь было лишь у людей, проживших в Москве не менее двух лет, что замедляло приток в нее нуждающихся с других территорий. Каждое попечительство обязано было составлять списки своих клиентов для последующей рассылки в другие попечительства и благотворительные заведения, чтобы исключить дублирование помощи в других местах и достичь справедливого распределения материальной помощи и средств. Источников финансирования было много, и это определяло относительную независимость и финансовую устойчивость.

Четвертый этап развития гражданского общества. К концу XIX в. в Москве насчитывалось около 500 организаций, но они были разбросаны по разным министерствам и ведомствам, что приводило к дублированию деятельности, неравномерному распределению материальных средств и помощи. 28 апреля 1886 г. состоялся первый съезд благотворительной общественности. В 1900 г. начал работать Московский государственный благотворительный совет. Его задачами являлись: 1) разработка необходимых мер по согласованию и объединению деятельности городского попечительства с деятельностью всех благотворительных учреждений столицы (сословных, общественных и частных, а также приходских попечительств); 2) выяснение возможности для развития благотворительности в Москве. К 1910 г. в России уже насчитывалось 4762 благотворительных общества и 6278 благотворительных заведений. Бюджет российской благотворительности образовывался следующим образом: 25 % — из средств казны, земств, городов и сословных учреждений, 75 % — из средств частной благотворительности [3], т. е. для России было характерно смешанное финансирование благотворительной деятельности.

После 1917 г., в условиях жесткого доминирования государственной собственности, третьему сектору в экономике места не нашлось. Конечно, в СССР были общественные организации, но с позиции определения миссии, с точки зрения формирования и использования средств эти организации никогда не были самостоятельными и ответственными перед своими членами, поэтому период с 1922 по 1991 г. можно считать застойным в плане развития НКО.

В 1992 г. к задачам внутренней политики Российской Федерации по проведению экономической реформы были отнесены следующие направления по поддержке развития негосударственных организаций:

- развитие негосударственных форм обслуживания населения в сферах здравоохранения, образования, культуры;
- предоставление налоговых льгот для меценатов и инвесторов в сферах образования и культуры, включая льготное налогообложение доходов от собственной деятельности организаций образования;
- создание условий для развития негосударственных структурообразований, приватизации образовательных учреждений;
- поощрение деятельности негосударственных организаций культуры.

Таким образом, в конце XX — начале XXI в. в нашей стране начинает появляться совокупность механизмов социального взаимодействия государства и НКО при решении социально значимых задач, включая следующие формы:

- государственный социальный заказ,
- межсекторное социальное партнерство,
- лоббирование,
- стимулирование социальной активности прямым финансированием,
- социальное побуждение негосударственных спонсоров.

Благодаря этому в начале XXI в. в развитии сотрудничества государства и гражданского общества возникают предпосылки для формирования совместных социальных программ. Говоря о государственной поддержке гражданского общества, необходимо заметить, что подлинная самостоятельность и партнерские отношения с государством не предполагают бесконтрольной деятельности. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [4] и ряд других законов не только позволяют государству, но и

обязывают его контролировать в установленном порядке деятельность независимых некоммерческих структур. Без этого невозможно на практике гарантировать подлинно некоммерческий характер этой деятельности, обеспечить ее социально значимую ориентацию и добиться уважения общества к третьему сектору, а следовательно, и к гражданскому обществу.

За последние десятилетия в политической, экономической и общественной жизни России произошли существенные изменения. Преобразовался государственный сектор, который в советское время не только занимал производственную сферу экономики, но и монополизировал управление социальной сферой. Возник новый, основанный на деловой инициативе частный бизнес-сектор. Значительно трансформировалась социальная структура общества. Стал формироваться слой независимых НКО – третий сектор, базирующийся на гражданских инициативах в преимущественно непроизводственной сфере (образование, наука, здравоохранение, социальная защита, экология и др.). В последние два десятилетия в России постепенно оформились три сектора, характерные для любого демократического общества: государственный, коммерческий и некоммерческий.

Государство не может и не должно брать на себя решение всех проблем общества. Гораздо эффективнее решать социальные проблемы консолидированно, передавать исполнение значительной части социальных услуг негосударственным организациям. Сегодня развивается система взаимодействия властных структур, гражданских объединений и коммерческого сектора, включающая правовые, экономические, функциональные аспекты. При планировании социально-экономического развития страны и регионов большое внимание уделяется роли граждан в этом процессе, оценены важность и эффективность вклада об-

щественных организаций в собственно экономике и в предоставлении значимых социальных услуг. Имеются основные формы и механизмы, с помощью которых осуществляется государственная поддержка деятельности гражданского общества. Она обеспечивается за счет системы соглашений и договоров с участием НКО и органов государственной власти. Механизмы – это конкурсные и грантовые программы, социальные форумы, содействие развитию фондов местного сообщества и др.

В сознании большинства россиян, как со стороны гражданского общества, так и со стороны представителей власти, преобладает образ идеальных взаимоотношений, основанный на формировании и соблюдении определенных норм и законов.

По мнению представителей сторон, их отношения должны строиться в соответствии с закрепленными механизмами взаимодействия, должны быть определены права и обязанности каждого участника процесса. Необходимо создание совместных консолидирующих органов на регулярной основе либо в виде рабочих групп, либо в виде площадки для переговоров. Важные составляющие идеальных взаимоотношений органов власти и НКО – прозрачность и открытость. Отношения должны строиться на принципах взаимного уважения, понимания и полного доверия.

Идеальной для многих представителей гражданского общества является такая модель взаимоотношений, когда государство выступает в роли заказчика, который планирует деятельность организаций и справедливо распределяет ресурсы, а НКО – в роли исполнителя совместных проектов. Важно, чтобы власть не оказывала давления, чтобы взаимоотношения строились на основе равноправия и взаимного доверия. Власть должна предоставить всем представителям гражданского общества равные возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

2. Пую Ю.В. Политическое манипулирование: вчера, сегодня, завтра // Философия права. 2011. № 1. С. 49–51.

3. Третий сектор и его роль в социальной защите населения. URL: <http://soc-work.ru/article/24> (дата обращения: 30.06.2014).

4. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (дата обращения: 10.05.2014).

V.S. Neznanova

**RELATIONS BETWEEN CIVIL SOCIETY AND POWER IN RUSSIA.
 SOCIAL AND HISTORICAL CONTEXT**

NEZNANOVA Violetta S. – *Herzen St. Pedagogical University of Russia.*

Nab. Moiki, 48, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: vio.vita@yandex.ru

The article discusses the relevance in today's world the concept of "civil society", as well as civil society relations with the authorities, including through the third sector. In modern literature is often considered the civil society and power separately, and the concept of civil society as "made in the West". The purpose of the article – review of the historical development of relations between civil society and government, thereby proving that civil society has always existed not only in Russia, but there exists at the present time in a symbiotic relationship with the authorities. Given the historical experience of successful cooperation between the authorities and civil society need to strengthen the cooperation between them using a mediator in the person of the third sector, as well as to create favorable conditions for cooperation through the legislative framework.

CIVIL SOCIETY; THE RULE OF LAW; DEMOCRACY; POLITICAL CULTURE; PERSONALITY;
 THE THIRD SECTOR.

REFERENCES

1. Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p. (In Russ.)

2. Puyu Yu.V. [Political manipulation: yesterday, today and tomorrow]. *Philosophy of Law*, 2011, no. 1, pp. 49–51. (In Russ.)

3. [The third sector and its role in the social protection of the population]. Available at: <http://soc-work.ru/article/24> (accessed 30.06.2014).

4. [Federal law "On Noncommercial Organizations" from 12.01.1996. No. 7-FZ]. Available at: <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (accessed 10.05.2014).

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

DOI 10.5862/JHSS.215.19

УДК 141

И.В. Дёмин

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

ДЁМИН Илья Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Самарского государственного аэрокосмического университета им. акад. С.П. Королева (национальный исследовательский университет).

Россия, 443086, Самара, Московское ш., 34

e-mail: ilyadem83@yandex.ru

В статье показана значимость проблемы соотношения идеологии и науки для современной эпистемологии и философии науки. Рассмотрены и сопоставлены два подхода к этой проблеме, вытекающие из альтернативных философских парадигм: «научного реализма» (Э. Агацци) и «конструктивизма» (П. Фейерабенд). Э. Агацци признает и обосновывает автономию науки по отношению к идеологии, тогда как Фейерабенд рассматривает науку как форму идеологии. Решающим для обоснования автономии науки по отношению к идеологии у Агацци выступает методологическое различие двух аспектов науки: науки как деятельности и науки как знания. В концепции Фейерабенда это различие проводится не всегда, он рассматривает науку преимущественно как деятельность, обусловленную внекогнитивными факторами и общим социокультурным и социально-политическим контекстом.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ; НАУКА; ИДЕОЛОГИЯ; МИРОВОЗЗРЕНИЕ; ЭПИСТЕМОЛОГИЯ; СЦИЕНТИЗМ; КОНСТРУКТИВИЗМ; НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ; ФЕЙЕРАБЕНД; АГАЦЦИ.

Проблема соотношения идеологии и науки занимает важное место в кругу вопросов социальной философии и философии науки. Эта проблема имеет множество аспектов: влияние науки на идеологию и идеологии на науку, наука как фактор формирования и трансформации идеологий, наука как способ обоснования идеологии, идеологическая «нагруженность» научного знания, роль науки в процессе манипуляции общественным сознанием и т. д. Целесообразно различать два ракурса рассмотрения этих вопросов: *социально-философский* и *эпистемологический*. В первом случае в центре внимания оказывается реальный процесс генезиса и исторического развития науки и идеологии [1], во втором – сущностные характеристики науки и идеологии как форм общественного сознания. В социальной философии на первый план выходят *социокультурные* факторы развития науки и идеологии, в эпистемологии и философии науки первостепенное значение приобретают факторы *когнитивные*. В контексте данной

статьи нас будет интересовать преимущественно *эпистемологический* аспект проблемы «идеология и наука».

Значимость проблемы соотношения идеологии и науки связана с тем, что идеология как социально-политический феномен и форма общественного сознания зарождается в контексте секулярной культуры нового времени, решающую роль в становлении которой сыграла наука и новоевропейская философия, ориентированная на научное познание. По выражению С.Г. Кара-Мурзы, наука – это «старшая сестра» идеологии [Там же. С. 26].

В современной философии науки Э. Агацци и П. Фейерабенд представляют два противоположных подхода к вопросу о соотношении идеологии и науки. Рассмотрим их концепции.

Одно из ключевых положений Фейерабенда, во многом определившее специфику и оригинальность его концепции, – *отождествление науки с идеологией*. Это отождествление становится возможным в том числе и благодаря тому,

что термин «идеология» у Фейерабенда трактуется в максимально широком смысле (вплоть до «идеологии греческого эпоса» [2, с. 244]). Примечательно, что собственную концепцию научной рациональности («эпистемологический анархизм») Фейерабенд также рассматривает как форму *идеологии* [Там же. С. 196].

Фактически под идеологией понимается любая интеллектуальная традиция, любая система взглядов и убеждений. В большинстве случаев, когда Фейерабенд использует термин «идеология», речь идет о *мировоззрении* в широком смысле слова, включая сюда религиозные, мифологические и философские представления. Такое размытое понимание идеологии существенно затрудняет анализ концепции Фейерабенда.

Пожалуй, единственное более или менее внятное определение идеологии Фейерабенд дает в работе «Наука в свободном обществе». Идеология, согласно Фейерабенду, представляет собой «пучок теорий, соединенных с определенным методом и более общей философской концепцией» [3, с. 512]. «Теория» здесь понимается не в привычном значении «научной теории», но, скорее, в попперовском смысле: всякое знание, вырабатываемое в любой сфере культуры, есть своего рода «теория» [4].

Фейерабенд отмечает *двойственный* характер всякой идеологии (как научной, так и вненаучной): она может способствовать как освобождению, так и порабощению человека. У науки в этом отношении нет никакого преимущества перед другими идеологиями: «Ни у науки, ни у любой другой идеологии нет такого прирожденного свойства, которое *всегда и всюду* делает ее освободительницей человека. Идеология может вырождаться и превратиться в бездумную веру» [5, с. 219] (курсив Фейерабенда. — *И. Д.*). Любая идеология, согласно Фейерабенду, может способствовать просвещению, но может и препятствовать ему. Отсюда следует «императив», определяющий, каким должно быть правильное отношение к идеологиям: «Все идеологии следует рассматривать со стороны. Их не следует принимать слишком всерьез. Их нужно читать, как волшебные сказки, в которых можно найти множество интересных вещей, но вместе с тем и чудовищное вранье, — или как моральные предписания, которые могут быть полезны в первом приближении, но становятся ужасными, если

следовать им буквально» [Там же. С. 218]. Идеология может выполнять «освободительную» функцию и выступать как фактор прогресса до тех пор, пока она не превращается в *господствующую* и *официальную* идеологию (именно это, согласно Фейерабенду, и произошло с наукой). «Идеология, — отмечает Фейерабенд, — прекрасная штука, пока она существует в компании других идеологий» [Там же. С. 225].

Истоки трактовки науки как идеологии следует искать в философии Франкфуртской школы, в частности в работах Г. Маркузе и Ю. Хабермаса (помимо влияния Франкфуртской школы, И.С. Нарский прослеживает влияние на концепцию Фейерабенда *неоромантизма* с характерным для него призывом «Назад к природе!» [6, с. 6]). Маркузе в работе «Одномерный человек» рассматривает науку и технику как новые формы идеологии. Новоевропейская наука и неразрывно связанная с ней машинная техника конструируют и поддерживают универсум, в котором господство над природой оказывается тесно связанным с господством над человеком. В рамках «проекта» новоевропейской науки господство над человеком реализуется посредством господства над природой [7].

Хабермас в работе «Техника и наука как „идеология“» рассматривает науку как своего рода *квазиидеологию* или *эрзац-идеологию* [8, с. 104]. Главную функцию идеологии Хабермас усматривал в *легитимации господства*. В эпоху «технократического сознания» функцию легитимации политического господства (т. е. собственно *идеологическую* функцию) берет на себя *наука*, которая превращается в непосредственную производительную силу. Современное технократическое сознание, с одной стороны, менее идеологизировано, чем общественное сознание эпохи классического капитализма, с другой стороны, идеология (или квазиидеология) науки, во власти которой пребывает технократическое сознание, оказывается более всеобъемлющей и всепроникающей, чем идеологии старого типа [Там же. С. 98–99].

Характерная для представителей Франкфуртской школы трактовка идеологии как «тотального», всеобъемлющего феномена [9, с. 137–140], несомненно, оказала влияние на Фейерабенда.

Обратимся теперь к главному вопросу: почему наука, согласно Фейерабенду, не может

считаться *идеологически нейтральным* знанием? Ответом на этот вопрос является ключевое положение «эпистемологического анархизма», согласно которому «не существует никакой „научной методологии“, которая бы позволила отделить науку от всего „ненаучного“» [5, с. 224]. Как отмечает Н.И. Кузнецова, отрицание идеи научного метода (и единой научной методологии) у Фейерабенда связано с принципом «пролиферации» («размножения») теорий [10, с. 214], согласно которому ученые должны стремиться создавать теории, *несовместимые* с существующими и признанными научными теориями.

Важным методологическим следствием отрицания идеи научного метода и принципа пролиферации становится отрицание *единства науки*. Фейерабэнд справедливо замечает, что единство научного знания обеспечивалось именно презумпцией единой научной методологии. Но коль скоро «не существует одного „научного метода“, а господствует оппортунизм» и «допустимо всё – всё, что способствует развитию познания с точки зрения конкретного исследователя или исследовательской традиции» [11, с. 49], невозможно говорить и о науке как *особой и специфической форме познания мира*. Это означает, что проблема *демаркации*, которая на протяжении всего XX в. находилась в центре философских и методологических дискуссий, утрачивает свое значение. Отрицание идеи научного метода влечет за собой отрицание эпистемологической специфики научного знания как такового. Согласно Фейерабэнду, не только *невозможно*, но и *не нужно* проводить четкую демаркацию между «наукой» и «ненаучными формами знания», так как сама наука черпает идеи из «вненаучных» источников: «Ученые черпают свои идеи из самых разных областей, их концепции часто приходят в противоречие со здравым смыслом и обоснованными доктринами, и они всегда приспособливают свои методы к текущим задачам» [Там же].

Специфика науки как идеологии, согласно Фейерабэнду, заключается в (необоснованной) *претензии* науки на *идеологическую нейтральность* и в ее тесной связи с современным государством. «В идеале современное государство является идеологически нейтральным. Идеология, религия, магия, мифы оказывают влияние только через посредство политически влиятельных партий. Идеологические принципы иногда

включаются в структуру государства, но только благодаря решению большинства населения, принятому после открытого обсуждения» [2, с. 19]. Исключение в этом отношении представляет собой только наука. Наука и изучение науки в современном обществе не являются делом *свободного выбора индивидов*, в чем Фейерабэнд усматривает нарушение либерального принципа «равноудаленности» государства от всех идеологий. Конечный «вердикт» Фейерабенда звучит так: «Наука есть одна из форм идеологии, и она должна быть отделена от государства, как это уже сделано в отношении религии» [3, с. 518].

Несмотря на несколько «скандальный» и «эпатажный» характер ключевых положений концепции Фейерабенда, проблемы, затронутые им, заслуживают самого пристального внимания. Концепция «методологического анархизма» стала своего рода «вызовом» для философии науки последних трех десятилетий. Теоретическая состоятельность той или иной конкретной версии философии науки во многом определяется ее способностью дать адекватный ответ на вызов методологического анархизма и релятивизма. Наиболее последовательно антирелятивистская установка в современной философии науки проводится итальянским философом Э. Агацци. Остановимся на его трактовке соотношения науки и идеологии.

Возражения Агацци против «идеологизации» науки и ее смешения с вненаучными формами знания в конечном счете проистекают из занимаемой им позиции «научного реализма». В статье «Наивный реализм и наивный антиреализм» Агацци отмечает, что главная опасность для «научного реализма» в настоящее время исходит не столько из области *философии науки*, сколько из области *философии языка*. Речь идет прежде всего о различных постструктуралистских версиях «лингвистической» философии. Агацци разбирает и подвергает критике с позиций научного реализма два ключевых тезиса «лингвистической философии»: о полной зависимости смысла термина от контекста (научной теории) и о несоизмеримости научных теорий [12]. Напомним, что именно тезис о *несоизмеримости* научных теорий в концепции Фейерабенда был одним из оснований отрицания единства науки и ее сближения (и даже отождествления) с идеологией.

Вопрос о соотношении идеологии и науки представляет собой частный случай более общей проблемы – проблемы «нейтральности науки». Агацци выделяет несколько основных смыслов понятия «нейтральность науки» и последовательно разбирает каждый из них. Нейтральность рассматривается как «незаинтересованность», как «свобода от предрассудков», как «неподчинение интересам», как «свобода от обусловленности» и как «индифферентность к целям».

Вопрос о нейтральности науки решается через последовательное различение двух аспектов науки: *научной деятельности* и *научного знания*. Агацци не отрицает неразрывной связи этих двух аспектов, но отмечает, что «во многих случаях признание или непризнание науки нейтральной обусловлено чрезмерным возвышением одной из ее сторон до уровня последнего слова в вопросе о природе науки» [13, с. 35]. Превратное понимание и неверное решение вопроса о нейтральности науки в большинстве случаев связаны с абсолютизацией одного из аспектов науки в ущерб другому ее аспекту.

Различение двух аспектов науки прослеживается на всех этапах рассмотрения проблемы нейтральности науки. Так, рассматривая нейтральность как «незаинтересованность», Агацци утверждает, что наука как деятельность не может быть незаинтересованной (она всегда направляется и мотивируется какими-то интересами – социальными или личными), однако познавательная ценность научного знания не должна зависеть от чьей-либо практической заинтересованности: «*Познавательная* ценность научного суждения (или теории) совершенно независима от того, отвечает ли это суждение (или теория) экзистенциальным интересам его (ее) творца или экономическим интересам бизнеса или организации» [Там же. С. 36] (курсив Агацци. – *И. Д.*). Аналогичным образом Агацци рассматривает и другие смыслы «нейтральности» науки.

В контексте рассмотрения проблемы нейтральности науки Агацци обращается к вопросу о соотношении и связи науки и идеологии. Является ли наука независимой от идеологии? «Ответ должен быть совершенно утвердительным, исходящим из того, что *наука может рассматриваться как антиидеологический образ мыслей*» [Там же. С. 47] (курсив наш. – *И. Д.*).

Заметим, что здесь мы имеем дело не с одним вопросом, но с двумя. Вопрос о зависимости/независимости науки от идеологии затрагивает аспект их *взаимодействия*, а аргумент, который приводит Агацци, ничего не говорит о *взаимодействии* науки и идеологии, но только об их *соотношении*. Сформулируем вопрос иначе: может ли наука испытывать *влияние* со стороны той или иной господствующей или оппозиционной идеологии? Да, безусловно. История науки это подтверждает. Означает ли это, что наука не является идеологически нейтральным знанием? Нет, не означает. Здесь опять-таки необходимо различать *науку как знание* и *науку как деятельность*. Наука как *деятельность* испытывает влияние со стороны идеологий и, в свою очередь, оказывает влияние на них. Если же рассматривать науку как *знание*, то необходимо признать, что наука обладает автономией по отношению к идеологии. Наука ни в каком смысле не может рассматриваться как «выражение» той или иной идеологии. Сказанное, впрочем, не исключает возможности, что отдельные научные теории могут использоваться для обоснования той или иной идеологии.

В отличие от Фейерабенда, Агацци детально проясняет смысл понятия «идеология» и контекст употребления этого термина. Он отмечает, что в наиболее общем смысле идеологию можно рассматривать как «комплекс основополагающих убеждений о структуре реальности и смысле и целях человеческой деятельности и истории, убеждений, которые служат более или менее откровенным теоретическим обоснованием деятельности индивида в социальном контексте и разделяются индивидами, принадлежащими к определенной группе или классу» [Там же. С. 48]. Фактически идеология определяется как *проекция мировоззрения* на социально-политическую плоскость.

В подходе к анализу феномена идеологии в его связи с научным познанием Агацци стремится избежать двух крайностей и двух противоположных тенденций, одна из которых связана с *преуменьшением* роли идеологии в обществе и культуре, другая – с ее *преувеличением*. Первая находит свое выражение в тезисе о «конце идеологии», широко распространенном в различных «технократических» концепциях социальной эволюции (Р. Арон, Д. Белл и др.) [14], вторая – в неомарксизме и постструктурализме. Особен-

но опасна для науки вторая тенденция. Агацци подвергает критике сложившееся в контексте неомарксизма, в частности в контексте Франкфуртской школы, представление об идеологии как *априори «ложном» сознании*, формирующем искаженное представление о социальной действительности. Логически некорректно, полагает Агацци, объявлять какую-то точку зрения *искаженным* представлением, если у нас *нет возможности* противопоставить этой точке зрения иное, *верное*, представление [13, с. 48]. Идеологии как ложной форме сознания можно было бы противопоставить науку, но последняя сама оказывается формой идеологии или квазиидеологией, легитимирующей политическое господство (Г. Маркузе, Ю. Хабермас).

Сущность феномена идеологии Агацци усматривает в обобщенной трактовке действительности, главная задача которой заключается в *обосновании необходимости социального действия* [Там же. С. 65]. Специфика идеологии как формы общественного сознания в том, что она возвышает *частное* и *частичное* до уровня *всеобщего*. К наиболее существенным характеристикам идеологии Агацци относит *некритичность* (*непонимание* того, что идеология искажает реальность), *догматизм*, *нетерпимость* и *нефальсифицируемость*. Догматизм идеологии как формы общественного сознания проявляется в том, что она принимает за целое собственную точку зрения. Из догматического характера идеологии вытекает нетерпимость по отношению к иным, альтернативным, точкам зрения и идеологиям: «Возможно лишь одно целое; все остальные точки зрения должны быть подчинены ему, инкорпорированы им (если они с ним совместимы) или отвергнуты (в случае их несовместимости)» [Там же. С. 67]. Нефальсифицируемость идеологии Агацци понимает в попперовском смысле: «идеологические принципы неуязвимы для фактов или разумных аргументов, которые могли бы опровергнуть их» [Там же. С. 68].

Выявив особенности идеологического типа сознания, Агацци замечает, что наука по своим основным характеристикам *противоположна* идеологии, наука есть *антиидеология*. Науке присуще осознание, что ее дискурс имеет четкие границы, наука заботится о верификации собственных утверждений и контроле над ними, науке свойственна терпимость в

отношении альтернативных точек зрения, и, наконец, наука есть форма *знания*, а не *веры*, а знание в принципе *фальсифицируемо* (*научное суждение* «не должно быть *a priori* защищено от попыток фальсификации» [Там же. С. 69]). *Заметим, что такая трактовка науки вполне согласуется с критическим рационализмом, одним из наиболее влиятельных направлений в современной философии науки.*

Несмотря на принципиальное отличие науки от идеологии, всегда возможна *идеологизация* или *идеологическая деформация* науки. Эта деформация может осуществляться двумя путями: через влияние на научную деятельность различных *внеаучных, внекогнитивных* (прежде всего социально-политических) факторов и через приписывания самой науке *мировоззренческих* и *идеологических функций*. Если первая угроза давно распознана научным сообществом в качестве именно *угрозы*, то вторая (возможность превращения самой науки в идеологию или квазиидеологию) куда менее очевидна и поэтому представляет куда большую опасность.

Агацци формулирует вопрос: «Не может ли наука, не будучи *выражением* господствующих идеологий, сама стать *идеологией*?» [Там же. С. 47] (курсив Агацци. — *И. Д.*). Выражением идеологических притязаний науки является *сциентизм, сциентистское мировоззрение*. Суть сциентистской «идеологии» Агацци усматривает в том, что ограниченный характер научного знания признается лишь за *отдельными дисциплинами*, а не за *наукой в целом*. В ходе рассмотрения сциентистской «идеологии» Агацци показывает, что важнейшие характеристики научного знания (противоположные основным характеристикам идеологии) имеют силу не только применительно к *отдельным научным дисциплинам*, но и применительно к *науке в целом, к науке как таковой*: «даже рассматриваемая как совокупность *всех наук*, наука остается *несовершенной совокупностью*» [Там же. С. 70] (курсив Агацци. — *И. Д.*). Тем самым обосновывается важный для философии науки тезис: сциентизм как идеология или квазиидеология не может иметь под собой никаких *научных оснований*, невозможно обосновать сциентизм *научным* путем.

Уверенность в безграничном росте познавательных возможностей науки, вера в потенциальное «всезнание» науки, полагание

научного знания в качестве «образцового» и «парадигмального» и прочие составляющие сциентистского мировоззрения выполняют *сугубо идеологические* функции и не могут претендовать на *научную* достоверность и значимость. Однако и полноценной *идеологией* сциентизм, согласно Агацци, быть не может. Сциентизм не может в полной мере выполнять главную функцию всякой идеологии — «обеспечивать остов теоретического обоснования, которое может удовлетворить потребность каждого человека в ориентации и практической поддержке, особенно на общественном уровне» [13, с. 74]. Сциентизм, если и можно рассматривать в качестве идеологии, то только в качестве идеологии *крайне слабой*. Это связано с тем, что сциентизм приписывает науке функции, несовместимые с ее сущностью. В статье «Идея общества, основанного на знаниях» Агацци показывает, что ни какая-то отдельная наука, ни вся система современной «технонауки» в целом не может служить основой для ценностных суждений, составляющих ядро всякой идеологии [15, с. 16–17].

В наиболее общем виде различие двух рассмотренных концепций сводится к следующему: Агацци признает и обосновывает автоно-

мию науки от идеологии, тогда как Фейерабенд рассматривает науку как форму идеологии. Отчасти это связано с различным пониманием феномена идеологии, но в большей мере обусловлено тем, что концепции Агацци и Фейерабенда тяготеют к двум противоположным парадигмам в философии науки — к научному реализму и к конструктивизму соответственно.

Агацци формулирует четкие критерии, отличающие науку от ненауки (в частности, науку от идеологии). Фейерабенд же полагает невозможным и ненужным институциональное различие науки и внеаучных форм знания (само это различие, согласно Фейерабенду, обусловлено скорее историческими и социокультурными, нежели когнитивными факторами [16, с. 228–229]).

Решающим для обоснования автономии науки по отношению к идеологии у Агацци выступает методологическое различие двух аспектов науки: науки как деятельности и науки как знания. В концепции же Фейерабенда это различие проводится не всегда. Фейерабенд рассматривает науку по преимуществу как деятельность, обусловленную внекогнитивными факторами и общим социокультурным и социально-политическим контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кара-Мурза С.Г.** Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
2. **Фейерабенд П.** Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2007. 413 с.
3. **Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
4. **Поппер К.** Эволюционная эпистемология // Эволюц. эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 57–75.
5. **Фейерабенд П.** Как защитить общество от науки // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3, № 1. С. 217–228.
6. **Нарский И.С.** Пол Фейерабенд и кризис «постпозитивистской» методологии // Фейерабенд П. Избр. тр. по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 5–28.
7. **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2003. 526 с.
8. **Хабермас Ю.** Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
9. **Михайлов И.А.** Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914–1939 гг. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008. 207 с.
10. **Кузнецова Н.И.** Неопознанный Фейерабенд // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 3, № 1. С. 210–216.
11. **Фейерабенд П.** Прощай, разум / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2010. 477 с.
12. **Agazzi E.** Naive realism and naive antirealism // Boston studies in the philosophy of science. 1997. Vol. 192: Issues and images in the philosophy of science. P. 13–26.
13. **Агацци Э.** Моральное измерение науки и техники. М.: Моск. филос. фонд, 1998. 344 с.

14. Хмылев В.Л. Концепт идеологии – от просвещения к постмодерну // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 299. С. 66–70.

15. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 3–19.

16. Фейерабенд П. Прогресс в философии, науке и в искусстве // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 22, № 4. С. 215–231.

I.V. Demin

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF IDEOLOGY AND SCIENCE IN CONTEMPORARY EPISTEMOLOGY

DEMIN Ilya V. – Samara State Aerospace University.

Moskovskoye sh., 34, Samara, 443086, Russia

e-mail: ilyadem83@yandex.ru

The article shows the importance of the problem of the correlation of ideology and science for contemporary epistemology and philosophy of science. Two approaches to this problem are discussed and compared which are the result of alternative philosophical paradigms: “scientific realism” (E. Agazzi) and “constructivism” (P. Feyerabend). E. Agazzi accepts and justifies the autonomy of science in relation to ideology, while Feyerabend sees science as a form of ideology. The crucial aspect for the substantiation of the autonomy of science in relation to the ideology of Agazzi is a methodological distinction between two aspects of science: science as an activity and science as knowledge. The concept of Feyerabend does not always make this distinction. As a rule, Feyerabend considers science as the activity that is caused by noncognitive factors and general socio-cultural and socio-political context.

PHILOSOPHY OF SCIENCE; SCIENCE; IDEOLOGY; WORLDVIEW; EPISTEMOLOGY; SCIENTISM; CONSTRUCTIVISM; SCIENTIFIC REALISM; FEYERABEND; AGAZZI.

REFERENCES

1. Kara-Murza S.G. *Ideologiya i mat' eyo nauka* [Ideology and science as her mother]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 256 p. (In Russ.)

2. Feyerabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Moscow, AST Publ., 2007. 413 p. (In Russ.)

3. Feyerabend P. [Selected papers on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986. 542 p. (In Russ.)

4. Popper K. [Evolutionary epistemology]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika social'nyh nauk: Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of the social sciences: Karl Popper and his critics]. Moscow, EHditorial URSS Publ., 2000. Pp. 57–75. (In Russ.)

5. Feyerabend P. [How to Defend Society Against Science]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 217–228. (In Russ.)

6. Narskij I.S. [Paul Feyerabend and the crisis of “postpositivist” methodology]. *Feyerabend P. Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected papers on the methodology of science]. Moscow, Progress Publ., 1986. Pp. 5–28. (In Russ.)

7. Marcuse G. *Eros i civilizaciya. Odnomernyj che-lovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow, AST Publ., 2003. 526 p. (In Russ.)

8. Habermas J. *Tekhnika i nauka kak “ideologiya”* [Technology and Science as Ideology]. Moscow, Praksis Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)

9. Mihajlov I.A. *Maks Horkhajmer. Stanovlenie Frankfurtskoj shkoly social'nyh issledovanij* [Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School for Social Research]. Pt. 1: 1914–1939 years. Moscow, IF RAN Publ., 2008. 207 p. (In Russ.)
10. Kuznetsova N.I. [Unidentified Feyerabend]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, vol. 3, no. 1, pp. 210–216. (In Russ.)
11. Feyerabend P. *Proshchaj, razum* [Farewell to Reason]. Moscow, AST Publ., 2000. 477 p. (In Russ.)
12. Agazzi E. [Naive realism and naive antirealism]. *Boston studies in the philosophy of science*, 1997, vol. 192, pp. 13–26.
13. Agazzi E. *Moral'noe izmerenie nauki i tekhniki* [The Ethical Dimensions of the Techno-Scientific Enterprise]. Moscow, Moskovskiy filosofskiy fond Publ., 1998. 344 p. (In Russ.)
14. Hmylev V.L. [Concept ideology – from the age of enlightenment to postmodern]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 299, pp. 66–70. (In Russ.)
15. Agazzi E. [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Problems of Philosophy*, 2012, no. 10, pp. 3–19. (In Russ.)
16. Feyerabend P. [Progress in Philosophy, Science and the Arts]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2009, vol. 22, no. 4, pp. 215–231. (In Russ.)
-
-

DOI 10.5862/JHSS.215.20
УДК 378.147. 315.7 (075.8)

Д.Г. Арсеньев, В.И. Малюгин

**ОПЫТ СПБПУ ПО СОЗДАНИЮ СОВМЕСТНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СТРУКТУР ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

АРСЕНЬЕВ Дмитрий Германович – доктор технических наук, проректор, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: imop@imop.spbstu.ru

МАЛЮГИН Виктор Иванович – кандидат физико-математических наук, менеджер проектов Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: vim@imop.spbstu.ru

Рассмотрены вопросы организации и функционирования на территории зарубежных стран совместных образовательных учреждений высшего профессионального образования на примере работы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого по реализации проекта Вьетнамо-российского технологического университета. Отмечается, что, несмотря на востребованность, создание подобных структур ограничено недостаточной разработанностью законодательно-правовой базы и что в настоящее время предполагается принятие решений на правительственном уровне по данному вопросу.

**СОВМЕСТНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА; СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ;
ВЬЕТНАМО-РОССИЙСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО.**

С учетом стратегии развития отношений со странами Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, основными представителями которых, учитывая численность населения, исторический опыт сотрудничества, устойчивое экономическое развитие и большую потребность в области образовательных услуг, являются Китай, Вьетнам, Индия и Индонезия, видится актуальной активизация российской образовательной деятельности в данном регионе [1]. Образовательное сотрудничество реализуется в виде различных организационных

форм. Наиболее распространенными образовательными структурами являются учебно-методические и научно-образовательные центры и подготовительные отделения, организация которых не предполагает создания юридического лица и выдачи документов государственного образца, а ограничивается предоставлением образовательных услуг по установленному направлению деятельности. В этом случае для создания подобных структур необходимо наличие Соглашения о сотрудничестве, Положения о функционировании структуры, преподава-

тельского коллектива и учебно-методического обеспечения.

Если рассматривать создание на территории зарубежных стран образовательных учреждений высшего образования, таких как филиал, институт, университет, то следует отметить, что их организация вызывает серьезные трудности в связи с отсутствием реальной законодательной и правовой базы [2–5]. Известны примеры создания таких структур, например Славянские университеты, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина в Ашхабаде, Российско-китайский университет в г. Шенчжэнь (открытие планируется в 2016 г.), Вьетнамо-российский технологический университет (ВРТУ) в Ханое, но во всех подобных случаях предполагается принятие решений на правительственном уровне. Так, например, создание Вьетнамо-российского технологического университета определено поручениями президентов и правительств Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам, с выделением соответствующего финансирования.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) имеет 50-летний опыт сотрудничества с вьетнамскими университетами, подготовил свыше 500 высококвалифицированных специалистов [6, 7], занимающих высокие посты в различных областях науки, промышленности и бизнеса своей страны, с 2011 г. участвует в реализации проекта ВРТУ. Рассмотрим опыт его работы в рамках данного проекта.

Организация и структура проекта ВРТУ

Целями данного проекта являются: создание ВРТУ как инновационной научно-образовательной структуры в области подготовки высококвалифицированных кадров; расширение академической мобильности и интернационализации в подготовке вьетнамских кадров; развитие научно-образовательного сотрудничества; внедрение современных образовательных методик и технологий. Проект рассчитан на 15 лет и выполняется в три этапа.

Первоначально (2011–2016 гг.) на базе Вьетнамского государственного технического университета им. Ле Куи Дона (ВГТУ) в Ханое создается Вьетнамо-российский технологический институт (ВРТИ) для разработки и апробирования форм взаимодействия и методик

преподавания. В рамках ВРТИ отрабатываются система межвузовского взаимодействия, учебно-методические технологии, вопросы, связанные с приглашением и ротацией российских преподавателей, преодолением языкового барьера и другими особенностями организации преподавания вне России. Вначале обучение ограничивается небольшим набором специальностей, что позволяет отработать методику взаимодействия и установить деловые контакты с партнерами.

В дальнейшем (2017–2020 гг.), после завершения строительства университетского комплекса, ВРТИ реорганизуется в обособленный университет – Вьетнамо-российский технологический университет, ведущий преподавание по различным направлениям и на разных уровнях подготовки студентов и аспирантов (докторантов).

Заключительный, третий, этап развития ВРТУ (2021–2025 гг.) планируется как совершенствование инфраструктуры.

Участниками проекта создания ВРТУ являются:

- с вьетнамской стороны – Вьетнамский государственный технический университет им. Ле Куи Дона (ВГТУ),
 - с российской стороны – консорциум технических и социально-экономических вузов, имеющих опыт работы в области международных образовательных проектов (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский авиационный институт, Московский государственный горный университет, Московский государственный строительный университет, Оренбургский государственный институт менеджмента и др.).
- Критерии участия российских вузов в данном консорциуме разрабатывало Министерство образования и науки Российской Федерации с учетом пожеланий вьетнамской стороны. Проект ВРТУ является общественно значимым государственным мероприятием в сфере образования и науки.

По каждому направлению подготовки решением Министерства образования и науки Российской Федерации определяется головной вуз, который обеспечивает преподавание данной специальности. Вместе с этим наличие базового вуза по специальности не исключает привлечения других российских вузов к под-

готовке по данной специальности или по отдельным дисциплинам (модулям) подготовки. Между российскими участниками консорциума подписан меморандум, определяющий основные задачи, принципы и формы деятельности в рамках создания и обеспечения функционирования ВРТУ. Базовым вузом по направлению подготовки «Управление и информатика в технических системах» является СПбПУ.

Работа СПбПУ в рамках проекта ВРТУ

Подготовительная работа. Для обеспечения работы по проекту в Политехническом университете была создана рабочая группа и подписаны базовые документы:

- Договор о сотрудничестве в области образования между СПбПУ и ВГТУ,
- Договор об учебном и научном сотрудничестве между СПбПУ и ВГТУ,
- Приказ об открытии совместной международной образовательной программы.

Подготовлены учебно-методические материалы и документы для обеспечения внешнеэкономической деятельности:

- разработан и передан вьетнамской стороне учебно-методический комплекс по специальности «Управление и информатика в технических системах»;
- получена разрешительная документация Федеральной службы по техническому и экспортному контролю на передачу учебно-методического комплекса (следует отметить, что подготовка и рассмотрение документов занимает значительный период времени);
- получены заключение экспертизы и сопроводительные письма в таможенные органы для обеспечения перевоза через границу учебно-методических материалов и аппаратного комплекса.

Оказано содействие в обеспечении учебной литературой.

Между администрацией и подразделениями университетов были установлены прямые контакты. Генеральное консульство Вьетнама в РФ, со своей стороны, координировало работу по проекту и оказывало помощь по вопросам взаимодействия.

Работа преподавателей СПбПУ во Вьетнаме. Непосредственная работа преподавателей Политехнического университета во Вьетнамском государственном техническом университете

им. Ле Куи Дона началась в ноябре 2011 г. Финансирование работ по подготовке учебно-методических материалов и документов на командирование преподавателей СПбПУ во Вьетнам осуществлялось за счет бюджетных средств. Всего за период с 2011 по 2014 г. в ВГТУ было направлено 17 преподавателей СПбПУ, со сроком пребывания 1 месяц.

Расписание работы и содержание занятий были согласованы с учебным отделом ВГТУ. Занятия проводились на русском языке, каких-либо нареканий с вьетнамской стороны не было. Все преподаваемые дисциплины были обеспечены русскоязычной учебно-методической литературой. Занятия проводились в группах численностью 21 человек, с использованием современных аудиовизуальных материалов. Следует отметить, что вьетнамские студенты продемонстрировали серьезное отношение к занятиям, четкую направленность на получение знаний, высокое трудолюбие, отличную дисциплину. С этой точки зрения с ними было довольно легко и приятно работать. Между преподавателями и студентами происходило постоянное неформальное общение, в том числе и с использованием Интернета.

Преподавателями института информационных технологий и управления и института международных образовательных программ СПбПУ были прочитаны циклы лекций, проведены лабораторные и практические занятия по базовым и специальным дисциплинам учебного плана. Состоялся обмен мнениями по проведению и организации образовательного процесса, модернизации лабораторной базы. Отмечена необходимость дальнейшего развития лабораторной базы ВГТУ, что является обязательным условием обучения студентов на старших курсах. В настоящее время, по согласованию с ВГТУ, передан Политехническим университетом и используется в учебном процессе только один лабораторный комплекс по курсу «Микроконтроллеры и микропроцессоры в системах управления», что, безусловно, является недостаточным для проведения учебного процесса. Руководство ВГТУ делает серьезные шаги для изменения существующей ситуации.

Уделялось внимание вопросам совместного научного сотрудничества. Проведен ряд научных семинаров. Вьетнамская сторона высту-

пила с предложениями по развитию научного сотрудничества и проведению работ по международным грантам. В результате обсуждения была подготовлена совместная заявка, которая в настоящее время проходит экспертизу. Принято решение о совместном руководстве двумя аспирантами, утверждены темы и руководители диссертационных работ.

Во время встреч преподавателей СПбПУ с руководством ВГТУ представителями кафедры русского языка и международного отдела вьетнамского университета были высказаны пожелания по совершенствованию учебного процесса, даны рекомендации по формированию групп и корректировке учебных планов. Следует отметить, что руководство ВГТУ с вниманием относится к пожеланиям и учитывает мнения, высказанные российскими преподавателями по результатам работы. Работа преподавателей СПбПУ получила высокую оценку, а доцент А.Е. Васильев был награжден медалью Почета – «за большой вклад в развитие Военно-технической академии им. Ле Куи Дона».

Подготовка вьетнамских студентов в области русского языка. Основной проблемой, с которой столкнулись преподаватели и которая существенно осложняла проведение занятий по точным и естественно-научным дисциплинам, явилось слабое знание студентами разговорного русского языка. Это связано, на наш взгляд, с тем, что преподавание основных дисциплин на русском языке осуществляется лишь в периоды пребывания во Вьетнаме российских преподавателей, а промежутки между этими периодами весьма велики. Подготовительный период (перед началом занятий на первом курсе), предусмотренный для обучения будущих студентов русскому языку, оказался не очень эффективным. Отчасти это может быть связано с естественным отсутствием во Вьетнаме возможности погружения обучающихся в русскоязычную разговорную среду. Кроме того, численность учебных групп (21 человек) оказалась слишком большой с учетом того, что занятия (особенно практические), независимо от их профессиональной направленности, часто наполовину превращались в уроки русского языка и требовали индивидуального подхода к каждому студенту.

В связи с этим большое внимание уделялось учебно-методической работе и стратегии обучения. Общая продолжительность прове-

денных занятий составила 250 академических часов. Важной составляющей оптимизации учебного процесса было регулярное обсуждение занятий с вьетнамскими преподавателями русского языка, проведение мастер-классов, что позволило скорректировать учебные планы, выбрать учебные пособия, увеличить количество аудиторных часов, использовать эффективные формы внеаудиторной работы по русскому языку [8–10]. Принято решение направлять преподавателей ВРТУ на стажировку для совершенствования профессиональных навыков и языковой практики в Россию, в частности в СПбПУ, на кафедру русского языка как иностранного. Разработана и согласована программа стажировки преподавателей.

Учитывая уровень подготовки вьетнамских студентов, направляемых на обучение в российские вузы, и имеющийся опыт работы в данном направлении в Китайской Народной Республике [11], Политехнический университет выступил с предложением о создании Центра русского языка на базе ВГТУ, что особенно актуально в связи с возрастающим числом студентов, обучающихся по программе ВРТУ, и стремлением вьетнамской стороны исключить обучение студентов на подготовительном отделении российских университетов. Центр русского языка, являясь совместной образовательной структурой, предоставит дополнительные возможности для улучшения качества подготовки вьетнамских студентов к обучению в российских вузах, профессионально-ориентированной подготовки и тестирования на уровень знания русского языка. В настоящее время проект находится на рассмотрении в министерстве образования и подготовки кадров Вьетнама.

Стажировка преподавателей ВГТУ в России. Учитывая информацию о состоянии лабораторной базы и готовности преподавателей ВГТУ к проведению занятий по специальности, полученную во время обмена визитами и работы преподавателей СПбПУ, а также пожелания вьетнамской стороны, была разработана специальная программа повышения квалификации. Стажировку прошли две группы преподавателей ВГТУ (10 человек).

Первая группа преподавателей (8 человек) в 2012 г. в течение месяца проходила стажировку в институте информационных технологий и управления и в институте международных об-

разовательных программ СПбПУ. Были прочитаны 8 лекционных курсов в рамках направления подготовки «Управление и информатика в технических системах». Преподаватели ВГТУ присутствовали на защите дипломных проектов, посетили ряд лабораторий СПбПУ, участвовали в работе конференции «Международное сотрудничество в инженерном образовании».

Вторая группа преподавателей ВГТУ (2 человека) проходила стажировку в 2013–2014 гг. в течение 3 месяцев и была ориентирована на более глубокое знакомство с работой кафедры «Системы и технологии управления», а также на систему подготовки бакалавров и магистров по направлениям «Информатика и вычислительная техника» и «Управление в технических системах». Детально рассматривались методика преподавания, выбор учебных и вспомогательных пособий по курсам специальных дисциплин. Слушателями были подготовлены и прочитаны лекции студентам третьего и четвертого курсов кафедры «Системы и технологии управления» в объеме 4 часов по курсу «Электронные устройства систем автоматизации». С большим интересом рассматривались методика и практика проведения научно-исследовательской работы студентов. Вьетнамские преподаватели познакомились с работой научно-практической конференции «Неделя науки СПбПУ» и докладами студентов, а также приняли участие в Международной конференции молодых ученых «Automation & Control».

Результаты стажировки нашли практическое применение в учебном процессе и организации научно-исследовательской работы студентов ВГТУ.

Подводя итоги, следует сказать, что работа по проекту ВРТУ вошла в рабочую стадию, проводится плановая работа в соответствии с требованиями первого этапа. Установлено деловое сотрудничество между университетами-партнерами, наблюдаются практическая направленность и стремление вьетнамской стороны к реализации совместной образовательной программы.

Важно также отметить, что сотрудничество с университетами и научными центрами Вьетнама находит серьезную поддержку со стороны правительств Вьетнама и России и может опираться на большую армию специалистов и руководящих работников, получивших образование в России. Имеющийся опыт работы и развитие отношений с Вьетнамом и другими странами в области образовательной и научной деятельности дают основание считать это направление деятельности востребованным и перспективным. Несмотря на то что мы рассмотрели опыт работы лишь по одному из международных образовательных проектов, безусловно, имеющему свои особенности, общая стратегия и проблемы, связанные с организацией и функционированием подобных образовательных структур, являются достаточно общими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ключанская С.А.** Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 2. С. 55–85.
2. **Об образовании** в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: <http://www.base.garant.ru>.
3. **Никончук Е.Г., Шевченко Е.В., Шендеров С.В.** Организация и реализация сетевых форм обучения. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 100 с.
4. **Минзов А.С., Черемисина Е.Н.** Корпоративные университеты: проблемы создания и тенденции развития // Minzov.ru. URL: <http://www.minzov.ru/analitic/30.pdf> (дата обращения: 19.10.2013).
5. **Краснова Г.А., Малышева М.М., Сюлькова Н.В.** Практическое руководство по созданию и сопровождению совместных образовательных программ. М.: Изд-во РУДН, 2011. 118 с.
6. **Арсеньев Д.Г., Малюгин В.И.** Политехнический готовит кадры для энергетиков Вьетнама // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. 2013. № 1 (166). С. 27–31.
7. **Арсеньев Д.Г., Малюгин В.И., Сергеев В.В., Стрелец К.И.** Подготовка кадров в области строительства атомных электростанций в Республике Вьетнам // Строительство уникальных зданий и сооружений. 2013. № 2. С. 21–28.
8. **Гладких И.А., Стародуб В.В., Чуваева К.М.** Русский язык как иностранный. Научный стиль речи. СПб.: Нестор, 2009. 106 с.

9. Капитонова Т.И., Баранова И.И., Никитина О.М. Тесты, тесты, тесты... II сертификационный уровень: пособ. для подготовки к сертификационному экзамену по лексике и грамматике. СПб.: Златоуст, 2010. 151 с.

10. Баранова И.И. Стратегии оптимизации языковой подготовки студентов из стран АТР в техни-

ческих вузах РФ // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2011. № 3 (131). С. 50–60.

11. Долгополов В.А., Малиюгин В.И. Опыт работы по совместным образовательным программам с Университетом науки и технологии (г. Чангша, КНР) // Науч. вестн. Моск. гос. техн. ун-та гражд. авиации. 2005. № 94. С. 165–166.

D.G. Arseniev, V.I. Malyugin

EXPERIENCE OF THE PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY TO CREATE JOINT EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION IN THE SOUTH-EASTERN ASIA

ARSENIEV Dmitriy G. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: imop@imop.spbstu.ru

MALYUGIN Viktor I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: vim@imop.spbstu.ru

Organizational and functioning issue of joint educational institutions of the higher professional education on the territory of foreign countries are discussed. As an example, are considered the work of the St. Petersburg Polytechnic University in the project Vietnamese-Russian technological University. The article pay attention to the fact that, despite the demand, the creation of such structures is limited by insufficient development of the legislative act and, at present, involves decision making at the government level. Examines the structure, organizational steps and management of the educational process in the framework of the project a Vietnamese-Russian technological University. The work experience and the development of relations with Vietnam and South East region in the field of educational and scientific activities give reason to consider this activity is relevant and promising.

JOINT EDUCATIONAL INSTITUTIONS; PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY; VIETNAMESE-RUSSIAN TECHNOLOGICAL UNIVERSITY; SOUTH-EAST ASIA.

REFERENCES

1. Klyuchanskaya S.A. [Prospects of cooperation of Russia and the countries of South-East Asia in strategic areas]. *Safety Index*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 55–85. (In Russ.)

2. *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii* [About education the Russian Federation: the Federal law of the Russian Federation] from 29.12.2012. No. 273-FZ. Available at: <http://www.base.garant.ru>.

3. Nikonchuk E.G., Shevchenko E.B., Shenderova S.B. *Organizatsiya i realizatsiya setevykh form obucheniya* [The Organization and realisation of network forms of training]. St. Petersburg, Publishing house Polytechnical University, 2014. 100 p. (In Russ.)

4. Minzov A.S., Cheremisina E.N. [Corporate universities: problems of creation and the development tendency]. *Minzov.ru*. Available at: <http://www.minzov.ru/analytic/30.pdf> (accessed 19.10.2013).

5. Krasnov G.A., Malysheva M.M., Sulkova N.V. *Prakticheskoe rukovodstvo po sozdaniyu i soprovozhdeniyu sovmestnykh obrazovatel'nykh programm* [Practical guidance on creation and support joint educational programm]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2011. 118 p. (In Russ.)
6. Arseniev D.G., Malyugin V.I. [St. Petersburg Polytechnical training personnel for energy Vietnam]. *St. Petersburg State Polytechnical Univ. J.*, 2013, no. 1 (166), pp. 27–31. (In Russ.)
7. Arseniev D.G., Malyugin V.I., Sergeev V.V., Strelts K.I. [Training in the field of construction of nuclear power plants in the Republic of Vietnam]. *Construction of unique buildings and structures*, 2013, no. 2, pp. 21–28. (In Russ.)
8. Gladkih I.A., Starodub V.V., Chuvaeva K.M. *Russkiy yazyk kak inostrannyi. Nauchnyy stil' rechi* [Russian as a foreign language.] Scientific style of speech. St. Petersburg, Nestor Publ., 2009. 106 p. (In Russ.)
9. Kapitonova T.I., Baranova I.I., Nikitina O.M. [Tests, tests, tests... II certified level]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2010. 151 p. (In Russ.)
10. Baranova I.I. [Strategy of optimisation of language preparation of students from the countries ATR in technical university of the Russian Federation]. *St. Petersburg State Polytechnical Univ. J. Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 3 (131), pp. 50–60. (In Russ.)
11. Dolgopolov V.A., Malyugin V.I. [Experience under joint educational programs with University of science and technology of Chagsha city (Peoples Republic of China)]. *The Scientific bulletin of the Moscow State Technical Univ. of Civil Aircraft*, 2005, no. 94, pp. 165–166. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.21

УДК 338.2:37(470+571)

*Н.Д. Гуськова, Е.А. Неретина, Т.А. Салимова***ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

ГУСЬКОВА Надежда Дмитриевна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Россия, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

e-mail: econauka@yandex.ru

НЕРЕТИНА Евгения Алексеевна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Россия, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

e-mail: econauka@yandex.ru

САЛИМОВА Татьяна Анатольевна – доктор экономических наук, заведующий кафедрой управления качеством, декан экономического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

Россия, 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

e-mail: tasalimova@yandex.ru

Концепция устойчивого развития в современном мире является интегрирующей платформой для различных областей знаний, исследований и практической деятельности. Цель устойчивого развития – обеспечение достойного качества и уровня жизни нынешних и будущих поколений. В достижении этой цели важную роль играет образование. В статье рассмотрены результаты прикладного исследования состояния образования для устойчивого развития, проведенного на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. В исследовании решались задачи, связанные с изучением современного состояния проблемы устойчивого развития в мире, определением вызовов на пути к нему и оценкой степени зрелости социальных групп населения России в осознании и понимании этих проблем. Основой для исследования послужили теория ноосферы, теория роста, теория «пределов роста», а также программные документы международных организаций и мирового научного сообщества. Использовались методы анализа и синтеза, анкетирования, экономико-статистические методы (группировок, сравнения) и др.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ; ОБРАЗОВАНИЕ; ТЕОРИИ; МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ; ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ.

В конце XX в. человечество обнаружило, что в окружающей среде происходит ряд негативных изменений глобального характера:

- истощение озонового слоя с возрастающим отрицательным воздействием на живые организмы ультрафиолетового излучения;
- возрастание в атмосфере концентрации углекислого газа и других «тепличных» газов, ведущее, по мнению многих экспертов, к угрозе глобального потепления климата;

- крупномасштабная вырубка лесов, способствующая снижению поглощения углекислого газа из атмосферы;

- идущая быстрыми темпами деградация земель, служащих основной базой производства продуктов питания;

- значительное снижение биоразнообразия планеты.

Э. Теппер в своей книге «Why Things Bite Back: Technology and the Revenge of Unintended

Consequences» («Бумеранг возвращается: современные технологии и непредвиденные последствия их применения») рассказывает о множестве феноменальных глупостей, которые совершило человечество, ослепленное технократической гордыней. Он пишет, что человечество всякий раз вновь попадает «под бумеранг», стремясь подчинить себе Природу, вместо того чтобы жить с ней в согласии. А Природа, как правило, в долгу не остается, и все наши хитрости и уловки в конце концов оборачиваются очередным бедствием для нас же самих. Поэтому люди должны изменить характер потребления, чтобы не войти в прямой острый конфликт с Природой и интересами будущих поколений. Сложившаяся ситуация обусловлена господством в течение длительного времени антропоцентрического мировоззрения, которое базировалось на тезисе: биосфера для человека. Это привело к потребительскому характеру взаимоотношений человека с Природой. Потребительское отношение к Природе вызвало резкое обострение противоречий в глобальной системе «Природа – Общество».

Современный человек как биологический и социальный вид живет в трех взаимосвязанных «мирах»: Космоса, Природы и Общества.

Сохранение и устойчивое развитие этих «миров» могут быть обеспечены лишь через их управляемое саморазвитие (двойной морфогенез), что требует принципиально новых концептуальных и методологических подходов. Многие ученые отказались от одномерного линейного мышления, базировавшегося на причинно-следственных связях, и приняли на вооружение целостный (холистический) подход. Это позволило по-новому взглянуть на процессы функционирования и развития социальных и социоприродных систем.

Биоцентрическое мировоззрение, которое все более широко стало признаваться в мире в начале XX в., основывалось на тезисе: человек для биосферы, т. е. человек как разумное существо должен обеспечить сохранение природных систем, что нашло отражение в становлении теории ноосферы (ноо – разум, сфера – оболочка Земли).

Основоположники ноосферного учения вкладывали различный смысл в понятие «ноосфера». Так, Э. Леруа [9] и П.Т. Шарден считали, что это «мыслящая оболочка, формирующаяся

человеческим сознанием» (1927). По мнению В.И. Вернадского [3], ноосфера – материальная оболочка Земли, меняющаяся под воздействием людей, которые своей деятельностью так преобразуют планету, что могут быть признаны «мощной геологической силой». Эта сила своей мыслью и трудом перестраивает биосферу «в интересах свободно мыслящего человека как единого целого» (1944).

Несмотря на разную трактовку понятия «ноосфера», все эти ученые связывали влияние деятельности человека на Природу с его разумом. Большинство сторонников ноосферной теории считали, что для выживания человечества есть только один способ – восхождение к ноосфере, переход к ноосферному способу производства, важнейшей составляющей которого будет одухотворенная разумная человеческая деятельность (В.И. Данилов-Данильян [4], В.А. Кобылянский [7], Г.А. Кузнецов [8], Н.Н. Моисеев [12, 13], А.Д. Урсул [29] и др.), а ноосфера в их работах – это сфера гармонизации социоприродного взаимодействия, как развитое состояние очеловеченной природы, коэволюционная сфера природы и общества.

Идея необходимости устойчивого развития возникла на основе теории ноосферы. Концепция устойчивого развития общества стала формироваться в 1970-х гг. – как вызов на проблему, остро обозначившиеся в окружающей среде во всех странах современного мира. Она нашла отражение в научных трудах членов Римского клуба – неправительственной организации, созданной в 1968 г. под руководством А. Печчи [20]. Идеи Римского клуба нашли отражение в 13 возможных сценариях положения населения Земли на основе разработанных компьютерных моделей, демонстрирующих зависимость таких показателей, как продолжительность жизни, объемы производства на душу населения товаров, услуг, продуктов питания, от объемов используемых ресурсов, уровня промышленного производства, загрязненности окружающей среды, численности населения Земли.

Концепция устойчивого развития базировалась также на теории роста Я. Тинбергена, в которой в качестве внутренних пределов развития рассматривались рациональные потребности человека, а внешние пределы определялись емкостью биосферы. По мнению Тинбергена [28], переход от внутренних пределов к внешним

предполагает пересмотр целей и приоритетов и выход на системное решение задач, описанных рамками эколого-экономической системы.

Определяющее значение при раскрытии сущности экологической подсистемы имеет понятие «биогеоценоз» (от греч. bio – жизнь, geo – земля, coenos – общий), которое используется в отечественной и зарубежной литературе и соответствует американскому понятию «экологическая система». Понятие «биогеоценоз» было введено в науку в 1944 г. советским ученым В.Н. Сукачевым. Он рассматривал биогеоценоз как совокупность живых организмов, взаимодействующих между собой и средой их обитания на определенном пространстве с определенными ландшафтными, климатическими и почвенными условиями [26, 27].

Началом активного формирования концепции устойчивого развития послужила выдвинутая американскими учеными во главе с Д. Форрестером и Д.Л. Медоузом теория «пределов роста», предполагающая, что при сохранении существующих тенденций роста мирового населения, возрастания послевоенного промышленного производства и, как следствие, резкого увеличения загрязнения окружающей среды и истощения природного потенциала планеты наступит «глобальная катастрофа» [18]. В 1970-х гг. Форрестер разработал модели «Мир-1» и «Мир-2», нацеленные на разработку сценариев развития всего человечества в его взаимоотношении с биосферой. Разработка модели «Мир-3» была поручена Форрестером его ученику Д.Л. Медоузу. На основе этих разработок Д. Форрестер опубликовал книгу «Мировая динамика» [31], в которой обобщил свой вклад в создание первых машинных моделей, предназначенных для анализа глобальной системы.

Идея устойчивого развития и сам термин «sustainable development» получили широкое распространение с 1987 г. после опубликования доклада Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [33]. В докладе отмечалось, что устойчивое развитие должно составлять основополагающий элемент в глобальной стратегии изменений. Оно было определено как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Несмотря на безальтернативность модели устойчивого развития, «разные ученые» видят «наше общее будущее по-разному» [11, с. 12]. Сложно не заметить «значительную дистанцию между теоретическими разными мнениями об устойчивом развитии и конкретной практикой, между провозглашенными намерениями и стремлением непременно отстоять свою выгоду» [32, с. 329]. Для того чтобы человечество двигалось в одном направлении – направлении к устойчивому развитию, необходимо преодолеть стереотипы поведения в странах, сформировать единые ценностные установки, обеспечить гармоничное развитие Природы – Человека – Общества. Научные идеи в области устойчивого развития нашли отражение в программных документах ООН, Международного союза охраны природы (МСОП), Всемирного фонда дикой природы (WWF) и др.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Всемирная конференция ООН по окружающей среде и развитию, проблематика обсуждаемых вопросов на которой была расширена по сравнению со Стокгольмской Всемирной конференцией по окружающей среде (1972). На конференции в Рио-де-Жанейро речь шла не только о состоянии и перспективах окружающей среды, но и о развитии современности и общества. Важнейшей составляющей концепции устойчивого развития, объединяющей разные интересы мирового сообщества, стали принципы, представленные в Декларации по окружающей среде и развитию [21]. Конкретизация положений, сформулированных в докладе «Наше общее будущее», нашла отражение в Повестке дня на XXI век [17]. На конференции были также приняты две международные конвенции: Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Конвенция по сохранению биологического разнообразия.

В 2000 г. в Нью-Йорке состоялся форум тысячелетия ООН, на котором была принята Декларация тысячелетия ООН. В ней определены основные ценности и принципы, а также приоритетные направления действий государств и ООН в XXI в. Состоявшийся в 2002 г. в Йоханнесбурге саммит по устойчивому развитию принял Декларацию по устойчивому развитию и План выполнения решений [16] – многостороннюю программу действий международного сообщества по выполнению обя-

зательств, принятых за предшествующие ему годы в области устойчивого развития. Страны – участницы саммита взяли на себя обязательства свести к минимуму угрозы устойчивому развитию: бедность, неустойчивые модели производства, деградацию окружающей среды, хронический голод, иностранная оккупация, терроризм, нетерпимость, инфекционные, хронические болезни, в особенности ВИЧ/СПИД, малярия, туберкулез [1, 2, 16, 17].

В рамках концепции устойчивого развития были разработаны национальные стратегии устойчивого развития, реализация которых позволила решить ряд задач в данной области. Вызовы мировому сообществу потребовали разработки новой парадигмы и программы устойчивого развития. Их формирование нашло отражение в отчете Группы видных деятелей высокого уровня по разработке повестки дня в области развития на период после 2015 г. [15]. Общемировая повестка дня предусматривает пять крупных трансформационных преобразований:

- обеспечение каждому человеку на Земле минимального уровня благополучия;
- интеграция социальных, экономических и экологических аспектов устойчивого развития;
- преобразование экономик для создания новых рабочих мест и содействия всеобщему экономическому росту;
- создание мирных условий и эффективных, открытых и ответственных институтов для всех;
- формирование нового глобально партнерства.

Осуществление этих преобразований в значительной мере зависит от развития системы образования. Еще в 1992 г. на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро руководители более 100 государств и правительств пришли к согласию, что образование является решающим фактором перемен. Совершенствование и переориентация образования входят в перечень целей Повестки дня на XXI век, принятой на этой конференции (глава 36 данного документа посвящена содействию просвещению, информированию населения и подготовке кадров).

На саммите в Йоханнесбурге в 2002 г. также было предложено рассматривать образование в области устойчивого развития в качестве одного из основных приоритетов деятельности мирового сообщества. Организация Объединенных

Наций объявила Декаду ООН по образованию в интересах устойчивого развития (2005–2014). А в 2005 г. в Вильнюсе была принята Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития, объединяющей 55 государств Европы, Центральной Азии и Северной Евразии. В 2012 г. на конференции ООН в Рио-де-Жанейро был принят итоговый документ «Будущее, которого мы хотим» [1].

Образование способствует изменению взглядов людей, давая им возможность делать мир более безопасным, здоровым и процветающим, тем самым повышая качество жизни [25]. Многие европейские страны активно включились в деятельность по реализации Стратегии для образования в интересах устойчивого развития, в том числе в рамках Болонского процесса. Крупный международный проект в области образования для устойчивого развития реализуется в рамках Программы Балтийского университета, которая координируется Уппсальским университетом (Швеция). В этом международном проекте участвует около 150 университетов из 14 государств. Именно в рамках этой программы в 1997 г. на английском языке была опубликована серия из 10 учебных пособий по вопросам устойчивого развития [24, с. 61]. В 2005 г. в Бергенском коммюнике была подчеркнута необходимость развивать систему высшего образования в Европе на принципах устойчивого развития [34]. Реализация положений, приведенных в вышеперечисленных документах, проходила параллельно с созданием и развитием общеевропейской сети университетов Sorernicus Alliance с целью продвижения идей образования для устойчивого развития (ОУР). Свою приверженность принципам устойчивого развития за период с 1994 по 2005 г. подтвердили 326 европейских университетов, подписавшие хартию Sorernicus.

Активизировались фундаментальные и прикладные исследования российских ученых в этой области по следующим направлениям [2, 6, 19, 22]:

- осмысление зарубежного опыта становления ОУР и близких образовательных парадигм;
- исследование основных путей экологизации, гуманизации и социализации образования – формального и неформального, от дошкольного до послевузовского;

- разработка инновационных моделей ОУР в форме учебных программ, образовательных дисциплин, учебно-методических разработок;

- адаптация потенциала ОУР к вызовам времени и образовательной специфике.

В реальной действительности идея ОУР в России находится преимущественно на стадиях осознания и понимания. В 2005 г. была разработана Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации [14]. Она предусматривает совершенствование дошкольного, начального, среднего, высшего и постдипломного образования, переориентацию образования в направлении устойчивого развития. Подобное положение встречается и в статье 71 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ, где отмечено, что «в целях формирования экологической культуры... устанавливается система всеобщего и комплексного экологического образования, включающая в себя дошкольное и общее школьное образование, среднее и высшее профессиональное образование, послевузовское образование... а также распространение экологических знаний, в том числе через средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения культуры, природоохранные учреждения и т. д.» [30].

Однако до сих пор наблюдается достаточно низкая осведомленность основной части населения Российской Федерации о состоянии окружающей природной среды, низкая экологическая культура, а это означает, что в современных условиях базовые социальные институты не способны в полной мере сформировать уровень экологической грамотности, необходимой для перехода к коэволюционному (устойчивому) развитию.

Императив устойчивого развития подтверждает также взаимосвязь разума с нравственностью. Необходимы нормы морали, права, культуры в целом, ограничивающие спонтанное развитие человеческого общества. Понятно, что все это немислимо без соответствующей трансформации общественного сознания, понимания каждым индивидом смысла и значения предстоящих перемен, поэтому на передний план выходят вопросы социализации подрастающего поколения, изменения ориентации и содержания образовательных систем как в национальных, так и в

глобальных масштабах с позиций устойчивого развития [10].

Изначально идея ОУР воспринималась крайне настороженно или негативно. Абсолютное большинство специалистов не видело в ней реальной перспективы для отечественной образовательной системы. Профессионалы воспринимали ОУР как нечто случайное, возможно, даже спекулятивное или насильно внедряемое со стороны [5, с. 41].

В настоящее время наметилась тенденция активизации действий в области ОУР во всех звеньях системы образования России, особенно в средней школе и в вузах. В ряде отечественных университетов (Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Российском химико-технологическом университете им. Д.И. Менделеева и др.) осуществляется преподавание основ устойчивого развития в рамках бакалаврских и магистерских программ.

В образовательные программы российских вузов включены дисциплины, отражающие различные аспекты устойчивого развития.

В процессе подготовки к проведению Международной конференции «Образование через всю жизнь для устойчивого развития» при поддержке Фонда Жана Моне на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (далее – Мордовский университет) было проведено прикладное исследование состояния ОУР.

Анализ содержания образовательных программ бакалавриата и магистратуры, реализуемых Мордовским университетом, показал, что в 45 из них рассматриваются различные аспекты устойчивого развития [23, с. 14] (см. табл. 1).

Из данных табл. 1 видно, что в настоящее время в вузе преподается 73 курса, в которых рассматриваются различные составляющие устойчивого развития: экологическая, экономическая и социальная.

При этом значительная часть их связана с реализацией программ бакалавриата. По магистерским программам преподается 17 курсов (по направлениям: «Строительство», «Биология», «Биотехнология», «Экология и природопользование», «Агроинженерия», «Теплоэнергетика и теплотехника», «Химия», «Социальная работа», «Социология», «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление»).

Однако большая часть преподаваемых курсов (53 из 73 дисциплин) отражает лишь одну составляющую устойчивого развития – экологическую. Программы бакалавриата и магистратуры по направлениям «Социальная работа», «Социология», «Менеджмент», «Торговое дело» содержат курсы, раскрывающие социальную составляющую. К ним можно отнести дисциплины «Корпоративная социальная ответственность», «Социальная ответственность и социальная отчетность», «Современные теории социального благополучия» и др.

Экономические проблемы устойчивого развития находят отражение лишь в курсе «Экономика природопользования». Всего 4 курса, преподаваемые в вузе, исходя из их названия, предполагают реализацию комплексного подхода к изучению всех аспектов устойчивого развития. Среди них: дисциплина «Зеленая химия и устойчивое развитие» направления бакалавриата «Химия, физика и механика материалов»; курсы «Устойчивое развитие», «Устойчивое развитие территории», «Менеджмент устойчивого развития» направлений магистратуры «Экология и природопользование», «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» соответственно. Проведенный анализ свидетельствует о том, что, несмотря на включение экологической проблематики, реализуемые в университете программы бакалавриата и магистратуры, осознание и понимание идеи устойчивого развития находятся на относительно невысоком уровне в сравнении с передовыми странами. Об этом свидетельствуют и данные, полученные в процессе проведенного учеными Мордовского университета опроса представителей разных групп населения регионов РФ (Республика Мордовия, Новосибирская, Тамбовская, Московская, Пензенская, Ульяновская области). В группу респондентов входили: школьники, студенты, преподаватели, работодатели, представители органов власти. Совокупная выборка составила 286 человек, среди них школьники, представители органов власти, студенты, преподаватели и работодатели (см. рис. 1).

Распределение респондентов по гендерной принадлежности представлено в табл. 2.

Более высокая доля респондентов-женщин в общей совокупности обусловлена их более высоким откликом на предложение поучаствовать в опросе.

Таблица 1

Включение аспектов устойчивого развития в основные образовательные программы бакалавриата и магистратуры, реализуемые в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва по ФГОС третьего поколения

Показатель	Бакалавриат	Магистратура	Итого
Программы, включающие курсы, ориентированные на рассмотрение различных аспектов устойчивого развития	34	11	45
Курсы, ориентированные на различные аспекты устойчивого развития	56	17*	73
В том числе курсы, рассматривающие экологическую составляющую устойчивого развития	46	7*	53

* Данные приведены без учета дисциплин, реализуемых в рамках магистерской программы «Экология и природопользование».

Рис. 1. Структура социальной принадлежности респондентов

Таблица 2

Гендерная принадлежность респондентов, %

Целевые группы	Мужчины	Женщины
Студенты	33,3	66,7
Преподаватели	34,2	65,8
Работодатели	45,8	54,2
Представители органов власти	59,1	40,9
Школьники	19,1	80,9
<i>Среднее значение по группам</i>	<i>38,3</i>	<i>61,7</i>

Возрастная структура респондентов характеризовалась высокой долей лиц в возрасте от 18 до 30 лет (30,1 %) и лиц среднего возраста – от 31 до 40 лет (33 %).

По уровню образования респонденты распределились следующим образом: лица с высшим гуманитарным образованием – 26,2 %, высшим техническим – 15,7 %, имеющие ученую степень – 25,6 %.

Опросный лист включал в себя 32 вопроса, касающиеся различных аспектов организации, содержания и качества образования в России. Опрос респондентов был направлен на оценку уровня зрелости целевых аудиторий в области устойчивого развития.

В табл. 3 представлены результаты ответа респондентов на вопрос о понятии «устойчивое развитие».

Анализ данных, представленных в табл. 3, свидетельствует о том, что лучше знакомы с понятием «устойчивое развитие» преподаватели (30,4 %), представители органов власти (27,3 %)

и работодатели (25,4 %). Некоторое представление об этом понятии имеют 62 % школьников, 54,5 % представителей органов власти и 50,5 % студентов. В то же время никогда не слышали об этом понятии 5,7 % студентов, 5,1 % работодателей и 4,5 % представителей органов власти.

Результаты ответа респондентов на вопрос о важнейшей задаче устойчивого развития экономики представлены в табл. 4.

По мнению большинства респондентов, важнейшей задачей устойчивого развития является «обеспечение сбалансированного развития экономики, социальной сферы и экологической безопасности». Данной точки зрения придерживается 79 % студентов и 77,3 % представителей органов власти. На втором месте по количеству ответов стоят «улучшение качества жизни, искоренение бедности и нищеты, сглаживание социального неравенства». Этому мнения придерживаются 72,2 % преподавателей, 72,9 % работодателей и 61,9 % школьников.

В то же время понимание необходимости «обеспечения баланса интересов нынешнего и будущих поколений» самое высокое у представителей органов власти (36,4 %) и у преподавателей (32,9 %). Среднее значение данного показателя по всем целевым группам (25,7 %) является одним из наиболее низких из семи отмеченных задач. Самое низкое среднее значение (11,6 %) имеют «экологизация сознания и мировоззрения, предупреждение ухудшения состояния окружающей среды».

При ответе на вопрос «Как Вы оцениваете проблемы устойчивого развития экономики России?» респонденты должны были проранжировать обозначенные в анкете проблемы от

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос «Знакомо ли Вам понятие „устойчивое развитие экономики“?», %

Целевые группы	«Никогда не слышал»	«Что-то слышал»	«Имею некоторое представление»	«Я хорошо знаком с содержанием данного понятия»
Студенты	5,7	37,1	50,5	6,7
Преподаватели	2,5	21,5	45,6	30,4
Работодатели	5,1	20,3	49,2	25,4
Представители органов власти	4,5	13,7	54,5	27,3
Школьники	0	19	62	19
<i>Среднее значение по группам</i>	<i>3,6</i>	<i>22,3</i>	<i>52,4</i>	<i>21,7</i>

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос «Что является важнейшей задачей устойчивого развития экономики?»

Целевые группы	Улучшение качества жизни, искоренение бедности и нищеты, сглаживание социального неравенства	Экологизация сознания и мировоззрения, предупреждение ухудшения состояния окружающей среды	Обеспечение сбалансированного развития экономики, социальной сферы и экологической безопасности	Развитие правового государства, рыночного хозяйства и гражданского общества	Развитие международного сотрудничества и глобального партнерства	Обеспечение баланса интересов нынешнего и будущих поколений	Сохранение малых народов, этносов
Студенты	61,9	7,6	79,0	44,8	45,7	19,0	0,0
Преподаватели	72,2	16,5	70,9	40,5	27,8	32,9	3,8
Работодатели	72,9	5,1	66,1	61,0	22,0	20,3	0,0
Представители органов власти	63,6	13,6	77,3	31,8	36,4	36,4	0,0
Школьники	61,9	19	52,4	38,1	33,3	14,3	4,8
<i>Среднее значение по группам</i>	<i>67,0</i>	<i>11,6</i>	<i>71,0</i>	<i>43,8</i>	<i>33,0</i>	<i>25,7</i>	<i>1,4</i>

Примечание. Респондент должен был выбрать три наиболее значимые, с его точки зрения, задачи.

1 до 7 (1 – очень важно; 7 – совсем не важно). По результатам ответов, полученных в процессе опросов, выяснилось, что большинство респондентов в качестве основных проблем устойчивого развития считают «чрезмерное расслоение общества, низкий уровень жизни большей части населения» (среднее значение 2,9) и «необходимость технического перевооружения, замена действующего оборудования и технологий средствами производства новых поколений» (среднее значение 3,2). Меньшие ранги респондентами установлены по проблемам: «недостаточное внимание к защите окружающей среды, к сохранению среды обитания для будущих поколений», а также

«социальная ответственность бизнеса» (среднее значение соответственно 4,9 и 5,1).

Таким образом, проведенное исследование проблем образования для устойчивого развития показало, что в России их решение не в полной мере соответствует мировым тенденциям. Образование и воспитание подрастающего поколения для устойчивого развития общества скорее декларируются, чем реализуются.

Изменение сложившейся ситуации возможно при условии глубокого осознания потребности в устойчивом развитии всеми слоями общества, государственными органами власти и бизнесом в их тесном взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Будущее**, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН. Рио-де-Жанейро. 19 июня 2012 г. URL: <http://www.uncsd2012.org>.
2. **Вдовин С.М., Гуськова Н.Д., Неретина Е.А.** Концептуальные подходы к устойчивому развитию социально-экономических систем // Регионология. 2011. № 3. С. 32–39.
3. **Вернадский В.И.** Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
4. **Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е.** Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М.: Инфра-М, 2005. 224 с.
5. **Доклад** о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: РА Ильф, 2013. 202 с.
6. **Доронина О.Д., Кузнецов О.А., Рахманин Ю.А.** Стратегия ООН для устойчивого развития в условиях глобализации. М.: Изд-во РАЕН, 2005. 248 с.
7. **Кобылянский В.А.** Биосфера как объект научного исследования // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003. С. 85–95.
8. **Кобылянский В.А., Кузнецов Г.А.** О социальных аспектах экологических проблем // Природа. 1978. № 8. С. 153–155.

9. **Le Roy E.** L'exigence id'éaliste et le fait l'évolution. Paris: Alcan, 1927.
10. **Мамедов Н.М.** Исторический процесс и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2010. Вып. № 2 (6).
11. **Миркин Б.М., Наумова Л.Г.** Устойчивое развитие: вводный курс: учеб. пособие. М.: Университетская кн., 2006. 312 с.
12. **Моисеев Н.Н.** Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
13. **Моисеев Н.Н.** Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
14. **Национальная стратегия образования для устойчивого развития в Российской Федерации.** URL: <http://www.unecse.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf>.
15. **Отчет** Группы видных деятелей высокого уровня по разработке повестки дня в области развития на период после 2015 года. Нью-Йорк, 2013.
16. **Официальный сервер ЮНЕПКОМ.** URL: <http://www.unepcom.ru/?cid=40&go=razdel&level=3>.
17. **Повестка** дня на XXI век. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/adenda21/>.
18. **Пределы** роста: доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества» / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рэндерс [и др.]. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1991.
19. **Развивая** устойчивость. Опрос ВДО: устойчивое развитие российских компаний. М.: БДО Менеджмент, 2012. 14 с.
20. **Римский** клуб. Декларация. Миссия // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 65–72.
21. **Рио-де-Жанейрская** декларация по окружающей среде и развитию. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/riodecl.htm>.
22. **Родина Е.М.** Устойчивое развитие эколого-экономических систем. М.: Логос, 2003. 310 с.
23. **Салимова Т.А.** Образование в интересах устойчивого развития: тенденции и перспективы // Образование через всю жизнь для устойчивого развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 10–14.
24. **Совместный** проект Европейского союза и программы развития ООН «Устойчивое развитие на местном уровне»: методические материалы для учителей по вопросам устойчивого развития. Мн., 2010. 248 с.
25. **Стратегия** ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития. URL: <http://www.unecse.org/env/documents/2005/sep/ac.13/sep.ac.13.2005.3.rev.1.r.pdf>.
26. **Сукачев В.Н.** Биогеоценоз как выражение взаимодействия живой и неживой природы на поверхности земли: соотношение понятий «биогеоценоз», «экосистема», «географический ландшафт» и «фация» // Основы лесной биогеоценологии / под ред. В.Н. Сукачева, Н.В. Дылиса. М.: Наука, 1964. С. 5–49.
27. **Сукачев В.Н.** Избранные труды. В 3 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972. 415 с.
28. **Тинберген Я., Босс Х.** Математические модели экономического роста. М.: Прогресс, 1967. 176 с.
29. **Урсул А.Д.** Переход России к устойчивому развитию: ноосферная стратегия. М.: Ноосфера, 1998. 500 с.
30. **Федеральный закон** № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды». URL: <http://www.referent.ru/1/78524>.
31. **Форрестер Дж.** Мировая динамика. М.: АСТ, 2006. 384 с.
32. **Чумаков А.Н.** Глобализация. Контуры целостного мира: моногр. М.: Проспект, 2009. 432 с.
33. **Report** of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. World Commission on Environment and Development, 1987.
34. **The European** Higher Education Area – Achieving the Goals. Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education. Bergen, 19–20 May 2005.

N.D. Gus'kova, E.A. Neretina, T.A. Salimova

EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF A SUSTAINABLE DEVELOPMENT

GUS'KOVA Nadezhda D. – *Ogarev Mordovia State University.*

Ul. Bol'shevistskaya, 68, Saransk, Respublika Mordoviya, 430000, Russia

e-mail: econauka@yandex.ru

NERETINA Evgeniya A. — *Ogarev Mordovia State University.*

Ul. Bol'shevistskaya, 68, Saransk, Respublika Mordoviya, 430000, Russia
e-mail: econauka@yandex.ru

SALIMOVA Tatyana A. — *Ogarev Mordovia State University.*

Ul. Bol'shevistskaya, 68, Saransk, Respublika Mordoviya, 430000, Russia
e-mail: tasalimova@yandex.ru

The concept of a sustainable development in the modern world is the integrating platform for various fields of knowledge, researches and practical activities. The purpose of a sustainable development is ensuring worthy quality and a standard of living of present and future generations. In achievement of this purpose an important role is played by the education urged to bring home of people idea of a sustainable development by means of their education and motivation to actions. In the conducted applied research the problems connected with studying of a current state of a problem of a sustainable development in the world, definition of calls on the way to a sustainable development and an assessment of degree of a maturity of social groups of the population of Russia in understanding and understanding of these problems were solved. The theory of a noosphere, the theory of growth, the theory of "growth limits", and also program documents of the international organizations and the world scientific community formed a methodological basis of research. As methodical tools methods of the analysis and synthesis, questioning, economical and statistical methods (groups, comparison), etc. were used.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT; EDUCATION; THEORIES; MODELS OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT; EDUCATIONAL PROGRAMS.

REFERENCES

1. [The future we want]. The result document of the UN Conference in Rio. 19.06.2012. Available at: <http://www.uncsd2012.org>.
2. Vdovin S.M., Guskova N.D., Neretina E.A. [The conceptual approaches to sustainable development]. *Regionology*, 2011, no. 3, pp. 32–39. (In Russ.)
3. Vernadsky V.I. *Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i eyo okruzheniya*. Moscow, 1965. (In Russ.)
4. Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S., Reyf I.E. *Pered glavnym vyzovom tsivilizatsii. Vzglyad iz Rossii*. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)
5. The report on human development in the Russian Federation for 2013. Moscow, RA ILF Publ., 2013. 202 p. (In Russ.)
6. Doronina O.D., Kuznetsov O.A., Rakhmanin Yu.A. [The strategy of the UN for sustainable development in the globalization]. Moscow, RAEN Publ., 2005. 248 p. (In Russ.)
7. Kobylyansky V.A. *Biosfera kak obyekt nauchnogo issledovaniya. Realii noosfernogo razvitiya*. Moscow, Noosfera Publ., 2003. P. 85–95. (In Russ.)
8. Kobylyansky V.A., Kuznetsov G.A. [About social aspects of environmental problems]. *Priroda*, 1978, no. 8, pp. 153–155. (In Russ.)
9. Le Roy E. *L'exigence id'ealiste et le fait l'evolution*. Paris: Alcan, 1927.
10. Mamedov N.M. [Istorichesky process and concept of a sustainable development]. *Century of globalization*, 2010, vol. 2, no. 2 (6). (In Russ.)
11. Mirkin B.M., Naumova L.G. *Ustoychivoye razvitiye: vvodnyy kurs* [Sustainable development: introductory course]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2006. 312 p. (In Russ.)
12. Moiseev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [Sudba of a civilization. Way of reason]. Moscow, Publ. house of MNEPU, 1998. 228 p. (In Russ.)
13. Moiseev N.N. *Chelovek i noosfera*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 351 p. (In Russ.)
14. *Natsional'naya strategiya obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii*. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/esd/Implementation/NAP/RussianFederationNS.r.pdf>.
15. The Report of the High Level Panel of Eminent Persons about The development of The Post-2015 Development Agenda (2013). United Nations Publications. New York, 2013.
16. YuNEPKOM official server. Available at: <http://www.unepcom.ru/?cid=40&go=razdel&level=3>.
17. Agenda 21 (1992). United Nations Conference on Environment & Development Rio de Janeiro, Brazil, 3 to 14 June. Available at: <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/adenda21/>.
18. *The Limits to Growth: report of the Club of Rome*. D.H. Meadows, D.L. Meadows et al. Moscow, MGU Publ., 1991. (In Russ.)
19. *Razvivaya ustoychivost'* [To develop sustainability]. The survey: sustainable development of Russian companies. Moscow, BDO Management Publ., 2012. 14 p. (In Russ.)

20. [The Club of Rome. Declaration. Mission]. *Vo-prosy filosofii*, 1995, no. 3, pp. 65–72. (In Russ.)
21. Rio Declaration on Environment and Development. Available at: <http://www.un.org/russian/document/declarat/riodecl.htm>.
22. Rodina E.M. *Ustoychivoe razvitie ekologo-ekonomicheskikh sistem* [Sustainable development of the ecology-economic system]. Moscow, Logos Publ., 2003. 310 p. (In Russ.)
23. Salimova T.A. [Education for sustainable development: tendencies and perspective]. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn'*: the materials of the Conference [Lifelong Education for Sustainable Development]. Saransk, Ogarev Mordovia State University Publ., 2014. Pp. 10–14. (In Russ.)
24. [The joint project of the European Union and the program of development of the UN “A sustainable development at the local level”. Methodical materials for teachers of questions of a sustainable development]. Minsk, 2010. 248 p. (In Russ.)
25. [Strategy for Education for Sustainable Development]. Available at: <http://www.unece.org/env/documents/2005/cep/ac.13/cep.ac.13.2005.3.rev.1.r.pdf>.
26. Sukachyov V.N. [Biogeotsenoz as expression of interaction of live and inanimate nature on an earth surface: a ratio of the concepts “biogeocenosis”, “ecosystem”, “geographical landscape” and “facies”]. *Osnovy lesnoy biogeotsenologii* [Bases of a forest biogeocenology]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Pp. 5–49. (In Russ.)
27. Suckachev V.N. Selected papers. In 3 vol. Of vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 415 p. (In Russ.)
28. Tinbergen Ya., Boss H. *Matematicheskie modeli ekonomicheskogo rosta*. Moscow, Progress Publ., 1967. 176 p. (In Russ.)
29. Ursul A.D. *Perekhod Rossii k ustoychivomu razvitiyu: noosfernaya strategiya*. Moscow, Noosfera Publ., 1998. 500 p. (In Russ.)
30. *Ob okhrane okruzhayushchey sredy*. Federal'nyy zakon no. 7 ot 10.01.2002. Available at: <http://www.referent.ru/1/78524>.
31. Forrester D. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. Moscow, AST Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
32. Chumakov A.N. *Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira* [Globalization. The shape of the whole world]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)
33. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future (1987). World Commission on Environment and Development.
34. The European Higher Education Area – Achieving the Goals. Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education. (1995). Bergen, 19-20 May.

DOI 10.5862/JHSS.215.22
УДК 159.923.2

В.В. Хороших

ВАРИАТИВНОСТЬ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ХОРОШИХ Валерия Викторовна – кандидат психологических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
e-mail: VKhoroshikh@gmail.com

В статье представлен обзор исследований вариативности самопрезентации. Раскрыто содержание понятия «вариативность самопрезентационного поведения». Систематизированы представления об основных факторах, определяющих вариативность самопрезентации личности. Установлено, что вариативность самопрезентационного поведения подростков 12–13 лет опосредуется спецификой целевой аудитории, а также половой принадлежностью подростков. Выявлено влияние фактора стажа педагогической деятельности на степень вариативности самопрезентации учителей (с увеличением стажа профессиональной деятельности вариативность самопрезентации уменьшается).

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ; ВАРИАТИВНОСТЬ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ; САМОМОНИТОРИНГ; ПОДРОСТКИ; УЧИТЕЛЯ.

Феномен самопрезентации вызывает пристальный интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей. Значительный вклад в разработку теории самопрезентации личности внесли: И. Гоффман, Р. Аркин, Э. Джонс, М. Вейголд, Р. Баумейстер, Б. Шленкер, Н.В. Амяга, Е.В. Зинченко, О.А. Пикулева, Е.А. Петрова, И.С. Шевченко, И.П. Шкуратова.

Устойчивость исследовательского интереса к феномену самопрезентации (первая работа на эту тему написана И. Гоффманом и вышла в свет в 1953 году) свидетельствует о значимости данной проблематики для решения широкого круга практических задач. Информация об основных закономерностях процесса самопрезентации, формирования впечатления о себе, представление об основных факторах успешности самопрезентации, знание и учет индивидуальных особенностей самопрезентационного поведения человека необходимы при решении задач повышения эффективности межличностной коммуникации, социальной адаптации, формирования и развития профессионально важных качеств современных специалистов и ряда других задач.

При этом можно отметить, что вариативность самопрезентации, понимаемая как способность личности модифицировать собственное самопрезентационное поведение, выступает в качестве ключевой характеристики, определяющей успешность непосредственной самопрезентации личности [1]. Повышение гибкости, вариативности самопрезентации выступает в качестве необходимого предмета формирующего воздействия тренинговых технологий, направленных на развитие самопрезентационной компетентности.

В то же время приходится констатировать факт, что работ, посвященных изучению вариативности самопрезентации, крайне мало. Это делает задачу систематизации имеющихся представлений о вариативности самопрезентации и дальнейшего изучения гибкости самопрезентационного поведения человека актуальной.

Понятие «самопрезентация» не имеет однозначного толкования. Анализ различных подходов к определению его содержания посвящено значительное количество работ [2–5].

Несмотря на различия в толковании психологической сущности самопрезентации,

большинство исследователей едины в том, что самопрезентация является поведенческим выражением «образа Я», в котором находят отражение его когнитивный и аффективный компоненты, и способом регулирования взаимодействий субъекта с социальной средой.

В своих работах мы придерживаемся следующего определения: «самопрезентация – это процесс регуляции производимого субъектом впечатления, с учетом специфики социальных ситуаций, и (или) выражения системы представлений о самом себе» [1, с. 33].

К основным компонентам, на основании которых можно описать индивидуально-психологические особенности самопрезентации человека, можно отнести: 1) характеристики, раскрывающие *содержание* самопрезентации; 2) *мотивацию* самопрезентации и 3) характеристики, раскрывающие «*поведенческий рисунок*», особенности проявления самопрезентации.

Основными характеристиками, раскрывающими содержание самопрезентации, являются: широта самораскрытия, глубина самораскрытия, валентность самопрезентации.

Под *широтой* самораскрытия понимают сферы жизни человека, о которых сообщается информация субъектом самопрезентации (С. Джурард, Н.В. Амяга).

Под *глубиной* самораскрытия понимают степень интимности, сокровенности сообщаемой другим информации. Каждый человек в зависимости от коммуникативной ситуации, внутриличностных установок определяет для себя меру глубины самораскрытия.

Валентность самопрезентации понимается как аффективная окраска информации – соотношение позитивных и негативных характеристик в самоописании, эпитеты, метафоры в процессе описания человеком самого себя.

Мотивация самопрезентации характеризуется через доминирующие в самопрезентационном поведении мотивы.

К характеристикам, раскрывающим особенности проявления, выражения самопрезентации, относят: гибкость, вариативность самопрезентационного поведения, а также тактические особенности самопрезентации.

Тактика самопрезентации понимается как краткосрочный поведенческий акт, включающий в себя совокупность приемов вербального и невербального поведения и направленный на

формирование благоприятного или желаемого впечатления в данной конкретной ситуации (О.А. Пикулева, У. Бенойт).

М. Снайдер – первый исследователь, обративший внимание на гибкость самопрезентационного поведения человека. В своих работах он использует термин «самомониторинг», под которым понимает тенденцию отслеживать и изменять собственное поведение с целью произвести желаемое впечатление в ответ на «презентационные требования» ситуации, реакции других людей [6, 7]. Согласно концепции Снайдера, человек стремится создать модель социального поведения, соответствующую данному особому контексту взаимодействия. При решении этой задачи учитываются, во-первых, характеристики ситуации и, во-вторых, информация о внутренних состояниях, персональных диспозициях субъекта самопрезентации.

При этом гибкость самопрезентационного поведения, раскрываемая в работах М. Снайдера через характеристику уровня самомониторинга, отражает способность человека контролировать свое экспрессивное поведение, изучать социальное окружение и его характеристики, а также прогнозировать «ожидаемое» от него в конкретной социальной ситуации поведение.

Снайдер отмечал, что лица с высоким уровнем самомониторинга стремятся регулировать свое поведение на основе информации, поступающей из социальной среды, на основе внешних событий, а лица с низким уровнем самомониторинга предпочитают выстраивать свое поведение, исходя преимущественно из внутренних факторов (своих убеждений, интересов), что приводит к более последовательному и менее вариативному поведению в различных ситуациях.

Работы М. Снайдера вдохновили большое количество исследователей на изучение феномена самомониторинга, в частности в трудах Хойл и Совардс, Дэнхейзер и Грациано [8] изучались индивидуально-психологические особенности лиц с разным уровнем самомониторинга.

Исследование И.С. Шевченко является первой работой в отечественной психологии, в которой предметом исследования выступает вариативность самопрезентации личности в Интернет.

Вариативность самопрезентации Шевченко определяет как разнообразие, множественность стратегий самопрезентации в различных коммуникативных ситуациях [9, с. 8]

Таким образом, можно отметить, что понятия «гибкость самопрезентационного поведения», «вариативность самопрезентации» выступают в качестве взаимозаменяемых понятий и трактуются как способность личности изменять самопрезентационное поведение с учетом ситуационного контекста взаимодействия.

В литературе выделяют две основные группы факторов, обуславливающих степень вариативности самопрезентации: внутренние и внешние факторы (Н.В. Амяга, И.С. Шевченко, Б. Шленкер и др.).

В результате изучения вариативности самопрезентации личности в интернет-общении И.С. Шевченко приходит к выводу о том, что степень устойчивости-изменчивости самопрезентации в данном случае опосредована такими внутриличностными факторами, как пластичность, идентичность, доминантность, аутосимпатия [9].

Среди внешних факторов, влияющих на степень вариативности самопрезентации, выделяют ситуацию конкретного акта общения (обстановку, в которой происходит взаимодействие, а также аудиторию, объект самопрезентации) и социально-культурную среду данного общества и эпохи в целом.

Так, изучая влияние различной аудитории на особенности самопрезентации, Д. Тайс, Дж. Батлер, М. Маравен и А. Стилвелл [10] выявили, что самопрезентация в присутствии друзей отличается большей скромностью, реалистичностью, по сравнению с самопрезентацией для незнакомцев.

В ряде исследований, проведенных под нашим руководством Л.А. Самуйловой [11], Е.А. Даниловой [12], была предпринята попытка изучить возрастные закономерности вариативности самопрезентационного поведения личности, а также выявить влияние фактора стажа педагогической деятельности на степень вариативности самопрезентации учителей.

В исследовании вариативности самопрезентации подростков приняли участие 30 человек (15 девочек и 15 мальчиков).

В ходе исследования было установлено, что вариативность самопрезентационного пове-

дения подростков 12-13 лет опосредуется спецификой целевой аудитории, а также половой принадлежностью подростков. Для изучения вариативности самопрезентации был использован рисуночный метод (испытуемым было предложено нарисовать себя такими, какими они бывают, когда хотят понравиться учителю, сверстнику, сверстнице, родителям), а также беседа.

Выявлено, что подростки в зависимости от целевой аудитории прибегают к разным способам привлечения внимания, формирования благоприятного впечатления о себе. Зачастую в этих способах отражены представления о системе требований, предъявляемых к подросткам со стороны взрослых, а также актуальные для юношей и девушек данного возраста потребности. Так, в представлении подростков, для того чтобы сформировать благоприятное впечатление о себе у учителя, важно демонстрировать желание учиться, иметь высокую учебно-познавательную мотивацию, а также обладать высоким уровнем саморегуляции. Чтобы сформировать благоприятное впечатление о себе у родителей, девочки в большей степени ориентированы на оказание им помощи по хозяйству, а мальчики – на демонстрацию спортивных и учебных достижений. В процессе реализации задачи формирования благоприятного впечатления о себе у сверстников мальчики ориентированы на демонстрацию своей силы, физической зрелости, независимости, в то время как девочки акцентируют внимание на внешней привлекательности.

В отношении способов привлечения внимания основное отличие девочек состоит в том, что они более «внимательны» к своей внешности, ее оформлению, чаще используют тактику акцентирования внимания окружающих на внешней привлекательности. Это в значительной степени может быть объяснено гендерными стереотипами, существующими в современном обществе.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о расхождении значимости тактик формирования благоприятного впечатления, которые используют подростки в процессе собственного поведения, с оценкой привлекательности тактик формирования благоприятного впечатления, используемых сверстниками.

Так, девочки 12–13 лет, выступающие в качестве субъекта самопрезентации, более ориентированы на привлекательность собствен-

ной внешности, в качестве объекта самопрезентации – на внутриличностные особенности ровесников. Мальчики данного возраста, выступая в качестве субъекта самопрезентации, стремятся к демонстрации собственной маскулинности и автономии, а в качестве объекта самопрезентации также в большей степени ориентированы на внутриличностные особенности ровесников

Таким образом, и для мальчиков, и для девочек этого возраста в процессе формирования благоприятного впечатления о ровеснике характерно смещение акцентов с характеристик внешности на внутриличностные качества.

При сравнении структур взаимосвязей между показателями, характеризующими личностные особенности и вариативность самопрезентации, в группах мальчиков и девочек выявлено, что уровень интегрированности этих показателей выше у девочек. Таким образом, можно говорить о том, что самопрезентационное поведение мальчиков более гибкое и в большей степени обусловлено особенностями ситуации, тогда как самопрезентационное поведение девочек определяется преимущественно особенностями личности.

В исследовании, посвященном изучению вариативности самопрезентации учителей в зависимости от стажа работы, приняли участие 35 учителей общеобразовательной школы в возрасте от 19 до 72 лет (средний возраст обследованных 42 года).

В результате исследования было установлено, что молодые учителя значимо чаще используют тактику утверждения своих полномочий ($p \leq 0.01$), тактику инграции ($p \leq 0.05$), тактику признания собственной вины ($p \leq 0.05$), защитную стратегию самопрезентации ($p \leq 0.05$) по сравнению с более опытными коллегами (по методике «Шкала измерения тактик самопрезентации», С. Ли, Б. Куигли, М. Неслер, А. Корбетт, Дж. Тедеша). Таким образом, менее опытные учителя в большей степени стремятся избегать значимых потерь в социальном одобрении, а также стараются смягчать последствия негативных оценок. Они готовы признавать ответственность за любой вред, причиненный другим, а также активно отстаивать свои права.

Молодые учителя в большей степени стремятся направить свои самопрезентационные действия на формирование благосклонности

со стороны окружающих, чаще демонстрируют собственную привлекательность, высказывают благоприятные, комплиментарные суждения об адресате высказывания, оказывая ему услуги.

Достоверных различий между группами педагогов с разным стажем педагогической деятельности по шкале самомониторинга М. Снайдера не выявлено (что отчасти можно объяснить небольшим объемом выборки молодых преподавателей). Однако было обнаружено, что на уровне тенденций преподаватели с меньшим стажем работы обладают более высокой чувствительностью к сигналам о ситуационном соответствии социального поведения человека (среднегрупповое значение для группы молодых педагогов по шкале самомониторинга М. Снайдера составило 8,7, для группы более опытных педагогов – 7,4). То есть педагоги с меньшим стажем работы чаще способны модифицировать свое поведение, демонстрируя большую его вариативность, используя большее количество поведенческих стратегий для того, чтобы получить положительные результаты в любом социальном взаимодействии. Их отличает большая адаптивность, гибкость и прагматичность.

Было установлено также, что вариативность самопрезентации учителей в процессе взаимодействия с различной целевой аудиторией определяется социальным статусом, особенностями социальной роли, характерной для целевой аудитории, и особенностями ситуации взаимодействия. При этом в процессе профессионального взаимодействия педагоги стремятся продемонстрировать свою профессиональную компетентность, уважительное отношение к коллегам и начальству, родителям и ученикам, готовность соблюдать дистанцию, в ситуациях неформального общения – сформировать благоприятное впечатление о себе, демонстрируя установку на сотрудничество, в ситуации общения с друзьями – быть естественными.

В результате корреляционного анализа выявлена значимая взаимосвязь между показателями вариативности самопрезентации и стажем профессиональной деятельности педагогов ($r = -0.34$, $p \leq 0.05$). С увеличением стажа профессиональной деятельности отмечаются снижение уровня самомониторинга, меньшая вариативность самопрезентационного поведения у педагогов.

Представленный обзор позволяет определить вектор возможных исследований вариативности самопрезентационного поведения человека. К перспективным направлениям в исследованиях можно отнести дальнейшую детализацию

возрастных закономерностей вариативности самопрезентации, выявление основных факторов, определяющих вариативность самопрезентационного поведения в ситуациях непосредственного и опосредованного общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Хороших В.В.** Психологические факторы успешности самопрезентации: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 250 с.
2. **Хороших В.В.** Методы изучения самопрезентации: метод. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. 43 с.
3. **Пикулева О.А.** Социальная психология самопрезентации личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2014. 45 с.
4. **Михайлова Е.В.** Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 224 с.
5. **Schlenker B., Weigold M.** Interpersonal processes involving regulation and management // *Annual rev. of Psychology*. 1992. No. 43. P. 133–169.
6. **Snyder M.** Self-monitoring of expressive behavior // *J. of personality and social psychology*. 1974. No. 30. P. 526–537.
7. **Snyder M., De Bono K.** Appeals to image & claims about quality: understanding the psychology of advertising // *J. of personality and social*. 1985. No. 49. P. 586–597.
8. **Danheiser L., Graziano W.** Self-monitoring and cooperation as a self-presentational strategy // *J. of personality and social psychology*. 1982. No. 42. P. 497–505.
9. **Шевченко И.С.** Вариативность самопрезентации в интернет-общении: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2002. 23 с.
10. **Tice D.M., Butler J.L., Muraven M.B., Stillwell A.M.** When modesty prevails: differential favorability of self-presentation to friends and strangers // *J. of personality and social psychology*. 1995. Vol. 69, no. 6. P. 1120–1138.
11. **Хороших В.В., Самуйлова Л.А.** Вариативность самопрезентации подростков 12–13 лет // *Смысловые пространства современного человека / под ред. В.Х. Манерова, Н.Н. Королевой*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. С. 289–296.
12. **Данилова Е.А., Хороших В.В.** Вариативность самопрезентации учителей в зависимости от стажа работы // *Неделя науки СПбГПУ: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием / Ин-т гуманитар. образования СПбГПУ*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 266–268.

V.V. Khoroshikh

THE VARIABILITY OF SELF-PRESENTATION AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

KHOROSHIKH Valeriya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: VKhoroshikh@gmail.com

This article presents a review of studies of the variability of self-presentation. The contents of the concept of variability of self-presentation are revealed in this study. The basic factors determining the variability of the self-presentation of personality are systematized in this article. It is established that the variability of self-presentational behavior of adolescents 12-13 years is mediated by a specific of target audience, as well as gender of adolescents. Revealed the influence of the factor of teaching experience at the degree of variability of self-presentation in the teachers sample (with increasing experience of professional activity variability of representation is reduced).

SELF-PRESENTATION; VARIABILITY OF SELF-PRESENTATION; SELF-MONITORING; ADOLESCENTS; SCHOOLTEACHERS.

REFERENCES

1. Khoroshikh V.V. *Psikhologicheskiye faktory uspehnosti samoprezentatsii*. Dokt. dis. [Psychological factors of the success of self-presentation. Doct. diss.]. St. Petersburg, 2001. 250 p. (In Russ.)
2. Khoroshikh V.V. *Metody izucheniya samoprezentatsii* [Methods of study of self-presentation: a methods manual]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2009. 43 p. (In Russ.)
3. Pikuleva O.A. *Sotsialnaya psikhologiya samoprezentatsii lichnosti*. Avtoref. dokt. dis. [Social psychology of self-presentation of personality. Abstr. doct. diss.]. St. Petersburg, 2014. 45 p. (In Russ.)
4. Mikhaylova Ye.V. *Samoprezentatsiya: teorii, issledovaniya, trening* [Self-presentation: theory, research, training]. St. Petersburg, Rech Publ., 2007. 224 p. (In Russ.)
5. Schlenker B., Weigold M. Interpersonal processes involving regulation and management. *Annual rev. of Psychology*, 1992, no. 43, pp. 133–169.
6. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior. *J. of personality and social psychology*, 1974, no. 30, pp. 526–537.
7. Snyder M., De Bono K. Appeals to image & claims about quality: understanding the psychology of advertising. *J. of personality and social*, 1985, no. 49, pp. 586–597.
8. Danheiser L., Graziano W. Self-monitoring and cooperation as a self-presentational strategy. *J. of personality and social psychology*, 1982, no. 42, pp. 497–505.
9. Shevchenko I.S. *Variativnost' samoprezentatsii v internet-obshchenii*. Avtoref. dokt. dis. [The variability of self-presentation in online communication. Abstr. doct. diss.]. Kazan, 2002. 23 p. (In Russ.)
10. Tice D.M., Butler J.L., Muraven M.B., Stillwell A.M. When modesty prevails: differential favorability of self-presentation to friends and strangers. *J. of personality and social psychology*, 1995, vol. 69, no. 6, pp. 1120–1138.
11. Khoroshikh V.V., Samuylova L.A. [The variability of the selfpresentation of teenagers 12–13 years]. *Smyslovyye prostranstva sovremennogo cheloveka* [The semantic space of modern man]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2005. Pp. 289–296. (In Russ.)
12. Danilova Ye.A., Khoroshikh V.V. [The variability of the selfpresentation of teachers depending on experience]. *Nedelya nauki SPbGPU: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Institut gumanitarnogo obrazovaniya SPbGPU [Science week SPbGPU: materials of scientific-practical conference with international participation. The Institute for the Humanities SPbGPU]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Politekhnikeskogo Univ., 2014. Pp. 266–268. (In Russ.)

DOI 10.5862/JHSS.215.23
УДК 372.881.111.22

О.П. Ни, Л.М. Филиппова

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ДИДАКТИЧЕСКОЙ ТРИГЛОССИИ (на примере английского и немецкого языков)

НИ Ольга Петровна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: ni-olgaspb@yandex.ru

ФИЛИППОВА Любовь Михайловна – магистрант 2-го курса гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: ljuzha@mail.ru

Обучение переводу профессиональной лексики студентов технических специальностей имеет в настоящее время большое значение, так как выпускники российских вузов представляют результаты своих исследований на международном уровне. Языком профессионального и научного общения чаще всего является английский, но для работы на предприятии и участия в международных совместных проектных работах специалистам инженерного профиля необходимо знание терминологии и профессиональной лексики на языке страны (в нашем случае – на немецком языке). В связи с этим обучение переводу необходимо строить в условиях дидактической триглоссии, используя знания родного языка и первого иностранного. При сравнении в учебном процессе языков, составляющих дидактическую триглоссию, следует учитывать трансференцию и интерференцию и сознательно выбирать собственный маршрут изучения языка. При переводе технической лексики чаще других используются методы калькирования, транскрибирования и транслитерации. Для того чтобы студенты быстрее и лучше запомнили профессиональную лексику, преподаватель должен строить процесс семантизации с опорой на первый иностранный язык или родной, что иллюстрирует мини-словарь.

БИЛИНГВИЗМ; МНОГОЯЗЫЧИЕ; ДИДАКТИЧЕСКАЯ ТРИГЛОССИЯ; КОНТРАСТИВНЫЙ ПОДХОД; ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ; ТРАНСФЕРЕНЦИЯ; ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ; ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ; КАЛЬКИРОВАНИЕ; ПРЯМОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ; ТРАНСКРИБИРОВАНИЕ.

Владение иностранным языком (ИЯ) на уровне, позволяющем устанавливать профессиональные контакты, вести переговоры, продвигать продукт, является сегодня одним из квалификационных требований, предъявляемых к специалистам любой сферы деятельности. В системе высшего профессионального образования дисциплина «иностранное языковое образование» всегда являлась обязательной и относилась к федеральному компоненту. В настоящий момент в измененных стандартах большое внимание

уделяется формированию языковой (иноязычной) компетенции выпускника, в связи с чем на многих факультетах технического профиля дополнительно вводятся такие предметы, как «Деловое иностранное языковое образование», «Техническое иностранное языковое образование», «Технический перевод».

Несмотря на то что объективными трудностями на пути достижения результатов являются ограниченное количество учебных часов и перерыв в изучении иностранного языка (как правило, студенты изучают данную дисциплину

в 1–2 и в 9, 10 или 11-м семестрах), в последнее время наблюдается увеличение числа студентов, осознающих роль ИЯ в будущей профессиональной карьере.

Ориентация Российской Федерации на мировые тенденции развития и вхождение нашего государства в мировое образовательное пространство повлекли за собой изменения в области языкового образования. В настоящее время языковое образование в России развивается в двух направлениях: с одной стороны, всё большее количество учащихся выбирает английский язык в качестве ИЯ1, с другой – растёт стремление учить второй ИЯ. За последние десять лет изучение нескольких ИЯ стало распространённым явлением в современной школе. В качестве второго ИЯ чаще всего выступают немецкий, французский и испанский.

Происходят аналогичные изменения и в образовательной среде высшей школы. Изучение второго ИЯ в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на факультетах технического профиля становится все более востребованным, что обусловлено современными образовательными тенденциями: подготовка специалистов, способных представлять и защищать результаты инновационной инженерной деятельности на ИЯ; повышение академической мобильности; интернационализация российского высшего образования в целом. Обширные международные партнерские связи Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого позволяют студентам участвовать в программах обмена, научных конференциях, производственной практике на зарубежном предприятии, защищать магистерские диссертации в партнерских вузах. Все эти перспективные возможности являются мотивационным фактором для изучения в короткие сроки второго ИЯ.

Несмотря на процессы глобализации и доминирующую роль английского языка в качестве языка международного общения, мультилингвизм и в зарубежных странах рассматривается как необходимый элемент развития мирового сообщества и каждого индивида.

На уровне системы образования Европейского союза введение обязательного изучения двух ИЯ воспринимается как долгосрочная цель: одна из главных образовательных задач в Европе – добиться, чтобы все европейские

юноши и девушки по окончании средней школы владели как минимум двумя ИЯ.

Поскольку обучение второму ИЯ происходит в условиях организованного учебного процесса, в качестве основной характеристики рассматриваемого триязычия мы выделяем его дидактическую составляющую, обозначив ее терминологическим словосочетанием «дидактическая триглоссия» (ДТ) [3].

Под ДТ мы понимаем сосуществование трех языков (родного и двух иностранных) в речемыслительной сфере индивида, который усваивает данные языки последовательно и (за исключением родного) в учебных условиях, использует их в разных коммуникативных ситуациях.

В ситуации ДТ характер взаимовлияния трех языков определяется в первую очередь генетическим родством двух иностранных, в качестве второго ИЯ выступает немецкий, изучение которого начинается на этапе, когда учащиеся уже на среднем уровне владеют ИЯ1 – английским. Поскольку английский и немецкий языки относятся к германской группе, сходство между ними гораздо сильнее, чем между немецким и русским языками (РЯ), т. е. при изучении ИЯ2 учащиеся в первую очередь будут опираться на ИЯ1.

Таким образом, владение РЯ характеризуется наибольшей автономностью, в то время как ИЯ1 и ИЯ2 взаимодействует в сознании учащегося. В условиях ДТ это означает необходимость учета этого взаимовлияния при выстраивании учебного процесса, т. е. нужно разработать и применять такие подходы при обучении ИЯ2, которые опирались бы на знание учащимся системы и явлений ИЯ1 и родного языка [2].

Для оптимизации учебного процесса предыдущий лингвистический опыт обязательно должен быть учтен при изучении ИЯ2, где одним из основных учебных инструментов становится сопоставление явлений языков, составляющих ДТ. Сопоставление языковых элементов нескольких языковых систем позволяет учащимся легче и эффективнее усваивать языковые явления – общие для двух ИЯ, составляющих ДТ, а также избегать ошибок отрицательного переноса (интерференции). Наличие регулярного сопоставления языковых явлений соизучаемых языков определяет целесообразность контрастного подхода.

Принимая во внимание важность учета взаимовлияния языков, формирующих ДТ, в сознании учащихся, мы приходим к выводу, что основными принципами обучения ИЯ2 становятся сознательность (так как прямые методы не предусматривают анализ и сопоставление явлений языковых систем разных языков) и принцип учета интерференции и трансференции. Учебный процесс должен быть выстроен таким образом, чтобы осуществлялась опора на РЯ и ИЯ1 – тогда создаются предпосылки для положительного переноса употребления явлений одного языка на схожие явления другого по аналогии.

Частотность возникновения явлений интерференции и трансференции зависит от трех факторов:

1) уровня речевого развития в родном языке и осознанного владения им;

2) уровня владения ИЯ1: чем лучше обучающийся владеет ИЯ1, тем меньше явлений интерференции у него возникает и тем больше появляется возможностей для положительного переноса. Но это означает также, что низкий уровень владения ИЯ1 может оказывать тормозящее воздействие на овладение ИЯ2;

3) величины промежутка времени, который отделяет изучение ИЯ2 от ИЯ1: чем меньше промежуток, тем больше воздействие ИЯ1 на овладение ИЯ2.

В основе интерференции, как правило, лежат различия в плане выражения, когда присутствующие в обоих языках значения передаются разными лингвистическими средствами. Однако семантика языковых единиц и их функционирование еще в большей степени провоцируют нарушения норм ИЯ (порядок слов, согласование времен, специфические значения глагольных форм и др.).

Работа по предупреждению интерференции строится на принципах сознательности и активности, речевой направленности обучения, учета значения РЯ и ИЯ1, т. е. обучение ИЯ2 основывается на теоретических сведениях, раскрывающих особенности функционирования изучаемого явления в компаративном плане. При этом обеспечивается постоянное наличие устной практики для активизации знаний и умений с целью решения коммуникативных задач [1].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что при обучении ИЯ2 одной из основ-

ных задач преподавателя и составителей учебно-методических комплексов (УМК) является последовательная опора на уже сформированные у учащихся знания, навыки и умения, схожие в ИЯ1 и ИЯ2, и предупреждение ошибок при изучении тех явлений, где возможность подобной аналогии является только кажущейся.

Так, магистранты института энергетики и транспортных систем, института металлургии, машиностроения и транспорта, института информационных технологий и управления СПбПУ после 2–3-летнего перерыва приступают к изучению дисциплины «Технический иностранный язык» или «Технический перевод». На изучение данной дисциплины отводится 34–68 часов. В этой ситуации возникает противоречие: с одной стороны, желание и мотивация магистрантов изучить второй ИЯ для использования в профессиональной деятельности (многие магистранты имеют достаточные знания английского языка), с другой – ограниченное количество учебных часов. В связи с этим естественным является обучение второму ИЯ, в частности обучение переводу с учетом принципов ДТ, т. е. сознательной опоры на родной язык и первый иностранный.

При переводе профессиональной лексики чаще других используется прием калькирования. Под калькированием следует понимать один из приемов перевода, состоящий в том, что слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путем точного воспроизведения средствами ИЯ их морфемной или словесной структуры (примеры использования приема калькирования представлены в табл. 1).

В связи с тем, что студенты технических специальностей не изучали теоретические лингвистические дисциплины, задача преподавателя – на примере простых словосочетаний и составных слов объяснить словообразование в немецком языке (например: *theoretische Physik, angewandte Mechanik, die Kernenergetik, die Kühltechnik usw.*)

Следующий прием, используемый при переводе профессиональной лексики, – транслитерация, т. е. прием перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв языка перевода (см. табл. 2).

При использовании таких приемов, как транскрибирование и заимствование, необходи-

Таблица 1

Примеры использования приема калькирования

Русский язык	English	Deutsch
Авиационный двигатель	Aero-engine	Flugzeugtriebwerk, n.
Высшая математика	Higher mathematics	die höhere Mathematik
Гидроаэродинамика	Hydroaerodynamics	Hydroaerodynamik, f.
Гидротехника	Hydroengineering	Hydrotechnik, f. / Wassertechnik, f.
Информационные технологии	Information technology (IT)	Informationstechnologien, n. pl.
Квантовая электроника	Quantum electronics	Quantenelektronik, f.
Котельная установка	Boiler plant	Dampfkesselanlage, f.
Лазерные технологии	Laser technologies	Lasertechnologien, f. pl.
Литейное производство	Casting production	Gießbetrieb, m.
Машиностроение	Engineering	Maschinenbau, m.
Парогенератор	Steam generator	Dampferzeuger, m.
Полупроводник	Semiconductor	Halbleiter, m.
Прикладная механика	Applied mechanics	angewandte Mechanik
Проводник	Conductor	Leiter, m.
Радиотехника	Radio engineering	Radiotechnik, f.
Сопротивление материалов	Resistance of materials	Festigkeitslehre, f.
Станкостроение	Machine-tool construction	Werkzeugmaschinenbau, m.
Теоретическая физика	Theoretical physics	theoretische Physik
Физика плазмы	Plasma physics	Plasmaphysik, f.
Холодильная техника	Refrigeration engineering	Kühltechnik, f.
Экспериментальная физика	Experimental physics	Experimentalphysik, f.
Электрическая станция	Power plant	Elektrizitätswerk, n.
Ядерная энергетика	Nuclear power	Kernenergetik, f.

Таблица 2

Русский язык	English	Deutsch
Компрессор	Compressor	Kompressor, m.
Реактор	Reactor	Reaktor, m.
Турбина	Turbine	Turbine, f.

мо обращать внимание студентов на фонологическую сторону слов и словосочетаний (например: design – на английском языке, дизайн – на русском и das Design – на немецком; manager, der Manager, менеджер; die Telekommunikation в немецком языке, которое было постепенно заимствованно в английский и русский языки, т. е. «telecommunication» и «телекоммуникация» соответственно).

Первичные данные анализа использования способов перевода профессиональной лексики представлены на рисунке.

Использование приемов перевода профессиональной лексики

Как видно на рисунке, прием калькирования использовался чаще других (70 %), т. е. можно сделать предположение, что студенты при переводе используют свой лингвистический опыт, однако для достижения более эф-

фективных результатов, учитывая ограниченные сроки, отведенные программой на изучение дисциплины, преподаватель должен строить занятия с использованием всего потенциала системы ДТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников Н.В. Мультилингводидактика // Иностр. язык в школе. 2004. № 5. С. 19–27.
2. Видишева С.К. Специфика профессиональной лингводидактики // Межкультурная коммуникация и проф. ориентированное обучение иностр. языкам: матер. V Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию образования Белорус. гос. ун-та. 2011. С. 134–135.
3. Зеленина Т.И., Малых Л.М. Мультилингвальное образование как инновация в филологии // Иностр. языки в высш. школе. 2009. № 4. С. 5–13.

O.P. Ni, L.M. Filippova

PECULIARITIES OF TEACHING PROFESSIONAL VOCABULARY TRANSLATION IN TECHNICAL COLLEGES IN TERMS OF DIDACTIC TRILINGUALISM (with English and German languages as examples)

NI Olga P. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ni-olgaspb@yandex.ru

FILIPPOVA Lyubov M. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ljuzha@mail.ru

Teaching translation of professional vocabulary for students of technical specialties has a great importance now as graduates of our higher education institutions represent the outcome of their research at the international level. As a result, we need to teach translation in the conditions of a didactic trilingualism, using knowledge of the native language and the first foreign language. If we compare the languages of the didactic triglingualism in an educational process, we ought to remember about transference and interference. Consequently, we choose our own path of studying a language quite consciously. Translation of technical vocabulary demands the use of calquing, transcription and a transliteration more often than other methods. To make students remember professional vocabulary, the teacher has to teach semantization with the support of the first foreign language or native tongue, as it is illustrated by a mini dictionary with technical terms in order to represent some often used methods of translation

BILINGUALISM; MULTILINGUALISM; DIDACTIC TRILINGUALISM; CONTRASTIVE APPROACH; LINGUISTIC EXPERIENCE; TRANSFERENCE; INTERFERENCE; TRANSLITERATION; CALKING; DIRECT BORROWING; TRANSCRIPTION.

REFERENCES

1. Baryshnikov N.V. [Multilingvodidactics]. *Foreign languages at school*, 2004, no. 5, pp. 19–27. (In Russ.)
2. Vidisheva S.K. [Specific of a professional Lingvodidactics]. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 90-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cross-cultural communication and professionally focused training in foreign languages: materials of the V International scientific conference devoted to the 90 anniversary of formation of the Belarusian State University]. 2011. Pp. 134–135. (In Russ.)
3. Zelenina T.I., Malyih L.M. [Multilingual education as innovation in philology]. *Foreign languages at higher school*, 2009, no. 4, pp. 5–13. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015

DOI 10.5862/JHSS.215.24

УДК 37.012.3

М.А. Кувырталова, Д.В. Малий

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л.Н. ТОЛСТОГО НА ПРОБЛЕМУ СОЗДАНИЯ КОМФОРТНОЙ РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ

КУВЫРТАЛОВА Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125

e-mail: Dinaol@yandex.ru

МАЛИЙ Дмитрий Владимирович – аспирант Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125

e-mail: MaliyDmitriy@yandex.ru

Статья посвящена актуальной проблеме проектирования психологически комфортной и безопасной образовательной среды в современной школе. Проведен теоретический анализ педагогических взглядов Л.Н. Толстого на проблему создания комфортной развивающей среды и инклюзивного образования. Приведены результаты исторического анализа феномена «комфортная развивающая среда», раскрыто содержание данного понятия, рассмотрены основные условия для формирования комфортной среды. Особое внимание уделено технологиям и способам взаимодействия ученика и учителя, способствующим формированию «естественных» отношений между субъектами образовательного процесса. Проведена аналогия между приведенным понятием Л.Н. Толстого «дух школы» и психоэмоциональным состоянием личности, а именно чувством безопасности и комфортности. Обозначены основные личностные и профессиональные качества, необходимые, с позиции Толстого, учителю для создания комфортной среды.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ШКОЛЫ; КОМФОРТНАЯ РАЗВИВАЮЩАЯ СРЕДА; ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ; ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПЕДАГОГА.

Вопрос об ответственности учителя за развитие и самочувствие ребенка в образовательном процессе становится все более актуальным, получает новое значение. Современное информационное пространство содержит множество примеров проявления негативных форм поведения учителя и ученика по отношению друг к другу: школьная травля, насилие, буллинг, убийство. Снижение уровня психологического и физического насилия становится основным направлением в создании комфортной, психологически безопасной среды. Обеспечение педагогом комфортных условий для развития личности детей будет способствовать переживанию ими положительных эмоций, появлению веры в себя и актуализации их резервных возможностей.

В ходе работы по проблеме исследования мы пришли к выводу, что в педагогической науке нет единого понимания ключевых понятий и определений, касающихся комфортной развивающей среды. На наш взгляд, для полного представления о комфортной развивающей среде и структуризации данных понятий необходимо провести анализ этого феномена в историко-педагогическом аспекте. Рассмотрим поэтапно развитие отечественными педагогами идеи воспитания средой:

I этап (втор. пол. XIX в.) – идеи природосообразности воспитания (Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов);

II этап (кон. XIX – нач. XX в.) – средоведение и педагогика среды (С.Т. Шацкий,

В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, Н.К. Крупская, П.Ф. Лесгафт);

III этап (1920–1930-е гг.) – психолого-педагогические условия организации среды (Л.С. Выготский, Н.Н. Иорданский, А.Г. Калашников, М.В. Крупенина, А.П. Пинкевич, В.Н. Шульгин);

IV этап (1940–1950-е гг.) – рассмотрение среды как совокупности основных факторов развития личности: «среда – наследственность – воспитание» (Б.Г. Ананьев, Т.С. Костюк, И. Шмальцгаузен, П.П. Блонский, А.Р. Лурия);

V этап (1960–1970-е гг.) – отождествление среды с воспитанием и превращение ее в центральное понятие воспитания (В.А. Каракowski, А.Т. Куракин, В.А. Сухомлинский);

VI этап (кон. XX – нач. XXI в.) – изучение влияния среды на развитие личности ребенка проводится в рамках исследования «педагогической характеристики образовательной среды в различных типах образовательных учреждений» (Г.Ю. Беляев); использование средового подхода в воспитании (Ю.С. Мануйлов); среда рассматривается как комплекс воздействующих на человека условий, внешних сил и стимулов, из которых важной является психологическая безопасность (И.А. Баева, Е.Н. Волкова, Л.А. Гаязова, С.Н. Илларионов, А.Г. Ибрагимова, С.П. Иванова, Е.Б. Лактионова, В.В. Семикин, Л.А. Регуш, Б.А. Еремеев).

Для уточнения понятия «комфортная развивающая среда» укажем, что понятие «комфорт» рассматривается как удобная обстановка в самом общем толковании. В соотношении с педагогическим понятием это, на наш взгляд, благоприятные условия для развития и формирования личности. Т.Ф. Лошакова, разрабатывая модель комфортной среды, трактует понятие комфортной среды как совокупность условий, определяющих благоприятный климат для актуализации потенциала всех участников образовательного процесса [3]. Говоря о понятии «комфортная развивающая среда», необходимо отметить еще одно, тесно с ним связанное – «психологический климат». Психологический климат дает возможность охарактеризовать комфортную развивающую среду как положительное эмоциональное состояние личности в образовательном процессе.

Изучая проблему создания комфортной развивающей среды в контексте исторического

исследования технологий, приемов и методов ее формирования, применяемых учеными-педагогами, считаем целесообразным обратиться к педагогическому наследию Л.Н. Толстого, чтобы понять сущность комфортной развивающей среды школы с позиции «опыта и свободы», предполагающей организацию нового типа общения между учителем и учащимся и рассматриваемой как важнейшее условие эффективности учебного процесса.

Л.Н. Толстой убежден, что в школе необходимо создавать атмосферу естественных отношений между учителями и учениками, благоприятные условия для деятельной и творческой работы учителей и пытливого изучения детьми интересующих их предметов. Обучение детей должно быть пронизано новым духом, который способствовал бы расцвету их творчества, определял бы стиль работы школы в целом. Имея в виду свою школу, Толстой писал: «Есть в школе что-то неопределенное, почти не подчиняющееся руководству учителя, что-то совершенно неизвестное в науке педагогике и вместе с тем составляющее сущность, успешность учения, – это дух школы... Этот дух школы есть что-то быстро сообщаемое от одного ученика другому, сообщаемое даже учителю, выражающееся, очевидно, в звуках голоса, в глазах, движениях, в напряженности соревнования, что-то весьма осязательное, необходимое и драгоценнейшее и потому долженствующее быть целью всякого учителя» [Цит. по: 1, с. 72]. Здесь Толстой приводит характеристики, свойственные комфортной развивающей образовательной среде. Главная из них – психоэмоциональное состояние личности, переходящее от одного ученика к другому чувство безопасности и комфортности, которое, как мы считаем, писатель и назвал «духом школы».

Л.Н. Толстой выделяет основные условия для комфортного обучения ученика в школе. По его мнению, для этого необходимо:

- 1) чтобы не было новых, непривычных предметов и лиц там, где он учился;
- 2) ученик не стыдился учителя или товарищей;
- 3) (очень важно) ученик не боялся наказания за дурное учение, т. е. за непонимание; ум человека может действовать только тогда, когда он не подавляется внешним влиянием;
- 4) ум не утомлялся. Определить число часов или минут, после которого ум ученика

утомляется, невозможно ни для какого возраста, но для внимательного учителя всегда есть верные признаки утомления; если ум утомлен, надо заставить ученика делать физическое движение; лучше ошибиться и отпустить ученика, когда он еще не утомлен, чем ошибиться в обратном смысле и задержать ученика, когда он утомлен; тупик, столбняк, упрямство происходят только от этого;

5) урок был соразмерен силам ученика, т. е. не слишком легок, не слишком труден.

Следует заметить, что в современном образовании данные условия дополняются психопрофилактическими мероприятиями, ориентированными на развитие у педагогов и учащихся потребности в психологических знаниях, своевременное предупреждение возможных нарушений в становлении личности ребенка. Психопрофилактика предполагает:

- проведение работы по адаптации детей;
- вооружение родителей и воспитателей рекомендациями, облегчающими данный процесс при поступлении ребенка в школу и на последующих уровнях школьного образования;
- проведение психолого-педагогического обследования детей на разных ступенях школьного обучения с целью выявления трудностей в развитии и определения способов их нивелирования;
- диагностику психологической готовности к школьному обучению с целью раннего выявления возможных отклонений и их коррекции;
- реализацию совместно с учителями программ индивидуальной работы с детьми для обеспечения всестороннего и гармонического развития в процессе школьного обучения;
- проведение работы по предупреждению у детей психологической перегрузки и невротических срывов, связанных с условиями жизни, воспитания и обучения;
- организацию педагогических консилиумов с целью психологического анализа поведения и развития ребенка для наиболее полного раскрытия индивидуальных особенностей его личности, склонностей, способностей;
- создание благоприятного психологического климата в учебно-воспитательном учреждении;
- содействие развитию коммуникативных навыков;
- осуществление мероприятий по предупреждению и снятию психологической перегрузки у субъектов образовательного процесса.

Реализация данных условий, фактически, предполагает создание ситуации успеха для обучаемых. Успех означает наличие у учащихся цели — предвосхищаемого результата, мотивации и средств достижения. В обучении успех и мотивация тесно связаны друг с другом: желание знать больше и лучше усиливается, если процессу познания нового сопутствует личный успех обучаемого. В понимании Л.Н. Толстого это возможно при доступности обучения и интересе к нему. Лучшим приемом для достижения успеха обучения Толстой считал накопление учащимися возможно большего количества конкретных сведений и фактов, в отличие от традиционного сообщения обобщенных и отвлеченно-абстрактных истин. По Л.Н. Толстому, педагогу необходимо исходить из конкретного, жизненного опыта детей, из частных фактов и явлений вести детей к обобщениям. Он рекомендовал учителям обращать внимание учеников на полное понимание совершаемых ими действий, использовать элемент проблемности, подводить учащихся к самостоятельному выведению правил, заключений. В своем педагогическом труде «Общие замечания для учителя» Толстой писал, что ученику следует давать как можно больше сведений и вызывать его на наибольшее число наблюдений по всем отраслям знания, но как можно меньше сообщать ему общих выводов, определений.

По мнению Л.Н. Толстого, ситуация успеха предполагает удовлетворение образовательных потребностей ученика. Он отмечал, что желание учиться в детях так сильно, что для удовлетворения этого желания они подчиняются многим трудным условиям и простят много недостатков. Природное стремление ребенка к знанию, к открытию нового для себя является драгоценнейшим естественно-педагогическим условием, которое учителю необходимо всячески оберегать от разрушения и потерь. В статье «Сельский учитель» Толстой отмечал, что образование — потребность всякого человека, поэтому образование может быть только в форме удовлетворения потребности. Вернейший признак действительности и верности пути образования — удовлетворение, с которым оно воспринимается. Образование на деле и в книге не может быть насильственным и должно доставлять наслаждение учащимся. Именно учителю как организатору свободной и комфортной раз-

вивающей среды, ориентированной на успех ученика, принадлежит ведущая роль.

Особенно значимы данные размышления Л.Н. Толстого в осмыслении организации современной инклюзивной образовательной среды, которая ставит перед педагогом задачу обучения ребенка с особыми потребностями развития способам усвоения и присвоения общественного опыта и, естественно, требует от учителя гуманистической ориентации на личность воспитанника, развитой эмпатии, терпимости, наличия организаторских способностей. При реализации интегрированного обучения у учащихся может возникнуть кризис взаимоотношений, чему способствуют сложившиеся отрицательные представления о детях с особенностями психофизического развития. Симптомами кризиса взаимоотношений между школьниками являются: повышенная тревожность в общении, негативный характер общего эмоционального фона, проявление агрессии, нетерпимости, возбудимости. Следовательно, педагог как организатор инклюзивной среды должен быть лично и профессионально готов к конструктивному решению возникающих проблем взаимодействия ее субъектов.

Готовность будущего учителя к созданию предметно-развивающей инклюзивной образовательной среды означает способность его эффективно организовывать психолого-педагогическую работу с учащимися и их родителями, создавать условия для успешной адаптации и конструктивного взаимодействия в педагогическом процессе. В структуре этой готовности можно выделить когнитивный, деятельностный, мотивационно-эмоциональный компоненты.

Когнитивный компонент в готовности педагога к профессиональной деятельности в инклюзивной образовательной среде – это объем профессиональных знаний, характер профессиональной «картины мира», направленность на овладение спецификой деятельности в системе инклюзивного образования, познавательная активность, высокая обучаемость. Следует согласиться с мнением ученых, что знания составляют основной элемент любого вида образования (А.А. Фортунатов). Знания, действительно, играют важную роль в формировании личности и ее профессиональ-

ном становлении. Они способствуют образованию взглядов, убеждений, мировоззрения, сознания. На основе знаний формируются черты характера, отношения, мотивы: интерес, желание, стремление, потребности и т. д. Без знаний нет и умений. Качество когнитивного компонента готовности к деятельности в инклюзивном образовании оценивается с помощью таких показателей, как уровень психолого-педагогических знаний об особенностях инклюзии, индивидуальности учащихся с ограниченными возможностями здоровья, их семье, о родителях и уровень усвоения знаний о технологиях работы в инклюзивной среде.

Деятельностный компонент в науке объясняется как степень сформированности определенных практических умений и навыков (Е.В. Шипилова). Главный показатель мастерства в любой области профессиональной деятельности – владение специальными обобщенными умениями (В.А. Сластенин). Показателями оценки деятельностного компонента готовности к работе с субъектами инклюзивной среды являются: уровень сформированности умения проектировать инклюзивную образовательную среду, индивидуальную траекторию развития учащихся, организовывать различные виды деятельности с учетом принципа дифференциации, заниматься самообразованием по теории и практике инклюзивного образования; уровень сформированности умений и навыков осуществлять работу с родителями учащихся.

Мотивационно-эмоциональный компонент состоит из мотивов, побуждающих к работе в инклюзивной среде. Его показателями являются: характер отношения к особым учащимся; уровень сформированности мотивов психолого-педагогической работы с особыми детьми и их родителями; степень сформированности потребности в решении проблем эффективной организации инклюзивной образовательной среды.

Все компоненты готовности будущего учителя к работе в инклюзивной среде школьников взаимосвязаны и взаимообусловлены. В этой связи актуальна мысль Толстого о целостном характере деятельности. Он писал, что, чтобы определить какую-либо человеческую деятельность, надо понять ее смысл и значение, а чтобы понять смысл и значение какой-либо человеческой деятельности, необходимо прежде всего

рассматривать эту деятельность саму в себе, в зависимости от ее причин и последствий, а не только по отношению к тому удовольствию, которое мы от нее получаем [5].

Не менее важно подчеркнуть роль опыта в решении педагогом задач, ориентированных на создание развивающей и безопасной образовательной среды. Толстой отмечал, что степень свободы реального образовательного процесса не может определяться абстрактным правилом. Только опыт может подсказать, какой метод, прием требует меньше принуждения, меньше стесняет свободу ученика. В статье «О народном образовании» (1874) Л.Н. Толстой утверждал, что всестороннее знание окружающей среды помогает учителю лучше понять учеников и подготовить их к реальной жизни. В статье «О методах обучения грамоте» он высказал мысль, что всякое затруднение ребенка, испытываемое им в ходе обучения, следует искать в недостатке педагогического мастерства. Непосредственное наблюдение и изучение педагогического процесса, полученные в ходе него результаты позволяют учителю обосновать ряд собственных педагогических выводов, видеть перед собой «живого» ребенка, его цельную личность. Придерживаясь философского убеждения, что «жизнь есть движение», Толстой подчеркивал, что именно практическая педагогическая работа формирует у учителя стремление к самообразованию, способствует развитию педагогического мышления, желания и умения работать с детьми. Педагогический опыт, практика — главнейшая наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра, искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей по возможности затратой усилий.

При этом особо важное значение Л.Н. Толстой придавал такому условию успешной организации учебного процесса, как изучение передового опыта, превращение школы в «лабораторию творческого труда учителей и учащихся». Обобщение педагогического опыта, по его мнению, не следует возлагать лишь на одних теоретиков педагогики. Оно будет выполнено успешно только тогда, когда к этому делу удастся привлечь директоров и учителей гимназий, а также учителей уездных, приходских и частных училищ. Толстой подчеркивал, что только при полной свободе организации процесса обуче-

ния возможна полная реализация его содержания и целей, так как это позволяет:

- вести лучших учеников до тех пределов, до которых они могут дойти;
- избежать такого обычного явления, как «вызывание отвращения к предметам, которые в свое время и свободно были бы любимы»;
- узнать, к какой специальности какой ученик имеет склонность.

С точки зрения Л.Н. Толстого, свобода не нарушает воспитательного влияния. Он писал: «А то я буду говорить ученику, что не надо в жизни насилия, а над ним буду совершать самое тяжелое умственное насилие» [4, с. 26–27].

Создание комфортной развивающей среды обусловлено особенностями личностных и профессиональных качеств педагога. Толстой придавал особое значение таким личным качествам учителя, как любовь к делу и любовь к детям. «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученикам, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам — он совершенный учитель» [2, с. 118].

В статье «О народном образовании» (1879) Л.Н. Толстой писал, что народ, избирая учителя, по-своему смотрит на него и ценит его достоинства как учителя. Во-первых, он ценит его по «результатам работы, как хорошего или дурного учителя». Во-вторых, помимо учительских качеств, народ смотрит и на то, чтобы учитель был человек русский, близкий к мужику, умеющий понимать его жизнь и говорить его языком. В-третьих, народ берет себе учителя по средствам и избирает его преимущественно из местных людей [2]. Особые требования он предъявлял к учителю элементарной школы. Так, в «Проекте устава учебных заведений» Толстой писал, что, по его мнению, в элементарной школе невозможен учитель, который, преподавая один предмет, не может преподавать и всех других. Учитель истории, не могущий преподавать географии и естественной истории, не будет в состоянии сделать занимательным свой предмет и будет скучный зубрильщик, педант, уроки которого будут зубриться. Также Толстой неоднократно подчеркивал необходимость постоянного профессионального развития учи-

теля. Например, в статье «О методах обучения грамоте» он отмечал, что «всякий учитель грамоты должен твердо знать и опытом своим проверить одну выработанную в народе методу; должен стараться узнавать наибольшее число методов, принимая их как вспомогательные средства; должен принимать всякое затруднение понимания ученика не за недостаток ученика, а за недостаток своего учения, стараться развивать в себе способность изобретать новые приемы» [2].

На современном этапе появляются новые тенденции, подразумевающие отказ от простой передачи новому поколению готовых, проверенных временем знаний, поиск новых технологий, обуславливающих развитие самостоятельной и активной работы учащихся, их готовность к жизнедеятельности в гармонии со средой. Важной характеристикой технологического подхода является положение о принципах разработки новых образовательных технологий, среди которых наиболее значимым представляется вариант Г.К. Селевко, в котором, несомненно, просматриваются идеи Л.Н. Толстого:

- целостность технологии как системы;
- воспроизводимость технологии в конкретной среде для достижения поставленных педагогических целей;
- нелинейности педагогических структур и приоритетность тех факторов, которые оказывают непосредственное влияние на реализуемые процессы;
- адаптация образовательного процесса к личности и его познавательным способностям;
- потенциальная избыточность учебной информации, создающая оптимальные условия для формирования обобщенных знаний и умений.

Опираясь на данные современной педагогики и психологии, а также на результаты, полученные в ходе обобщения и анализа существующего опыта, в том числе инклюзивного образования, можно выделить следующие технологии, позволяющие учителю создавать предметно-развивающую среду обучения:

- проектирование индивидуальной образовательной траектории учащегося;
- создание развивающих ситуаций с учетом специфики предмета;
- организация игровой, проектной и других видов деятельности;

- реализация коммуникативных процессов на основе взаимодействия;
- педагогическая арт-терапия.

При этом следует заметить, что технологии педагогической арт-терапии рассматриваются как наиболее перспективные. Данные технологии позволяют наряду с педагогическими задачами реализовать и психологический потенциал коррекции с помощью арт-терапии: когда искусство позволяет в своеобразной символической форме переконструировать травмирующую ситуацию и найти выход из нее, используя креативные способности ребенка; когда под воздействием искусства появляется эстетическая реакция, позволяющая изменить действие «аффекта от мучительного к приносящему наслаждение» (Л.С. Выготский).

В этой связи небезынтересна мысль Л.Н. Толстого о том, что искусство «должно устранять насилие», оно «должно сделать так, чтобы чувства братства и любви к ближним... стали привычными чувствами, инстинктом всех людей». Для создания безопасной и развивающей среды важно искусство, созданное на основе идеи блага и любви. Назначение искусства Толстой видел в том, чтобы «перевести из области рассудка в область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собой, и установить на место царствующего теперь насилия то Царство Божие, то есть любви, которое представляется всем нам высшею цепью жизни человечества» [5].

Современному обществу нужен человек, обладающий полной внутренней свободой, имеющий широкий кругозор, желающий и умеющий работать творчески. В этой связи создание комфортной развивающей образовательной среды школы будет способствовать эффективному обучению и духовно-нравственному воспитанию учащихся в лучших отечественных педагогических традициях, сохранению их психофизического здоровья и формированию необходимых условий для социальной адаптации и развития личности. В контексте философско-педагогического наследия Л.Н. Толстого в основу психологически комфортной и развивающей образовательной среды должны быть положены идеи ненасилия, любви, добра, справедливости, духовности, ответственность учителя за результаты своей деятельности и создание «ситуации успеха» для учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Брешковская К.Ю., Кувырталова М.А.** Анализ взглядов Л.Н. Толстого на психолого-педагогические условия эффективной организации обучения // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2013. № 3 (7).
2. **Кипурова С.Н.** Значение взглядов Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого на проблемы подготовки учителя для становления гуманистической парадигмы российского образования // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 3.
3. **Лошакова Т.Ф.** Педагогическое управление процессом создания комфортной среды в образовательном учреждении: моногр. Екатеринбург, 2001. 269 с.
4. **Толстой Л.Н.** Педагогические сочинения / сост. Н.В. Кудрявая. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
5. **Толстой Л.Н.** Пора понять. Избранные публицистические статьи (1880–1910 гг.). 3-е изд., доп. М.: ВК, 2010. С. 139–172.

М.А. Kuvyrtalova, D.V. Maliy

PEDAGOGICAL VIEWS OF L.N. TOLSTOY ON THE PROBLEM OF CREATING A COMFORTABLE DEVELOPING ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

KUVYRTALOVA Marina A. – *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Pr. Lenina, 125, Tula, 300026, Russia
e-mail: Dinaol@yandex.ru

MALIY Dmitriy V. – *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.*

Pr. Lenina, 125, Tula, 300026, Russia
e-mail: MaliyDmitriy@yandex.ru

The article is devoted to the problem of creation of the psychologically comfortable and safe learning environment in the modern school. The authors conducted a theoretical analysis of Leo Tolstoy's pedagogical views on the problem of creating a comfortable learning environment. The article provides the results of historical analysis of the phenomenon of "comfortable developing environment", describes the content of this concept, and considers the basic conditions for a comfortable environment. The article also pays particular attention the technologies and methods for student-teacher interaction, which contribute to the formation of "natural" relationship between the subjects of the educational process. The authors carried out the analogy between the concept of Leo Tolstoy's "school spirit" and the psycho-emotional state of the individual, such as a sense of safety and comfort. The main personal and professional qualities, which are from Leo Tolstoy's point of view for creation of comfortable environment marked in this work. The article focuses on teachers, psychologists, pedagogical students and professionals, the scope of which is connected with the learning and upbringing of children in educational institutions.

EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SCHOOLS; COMFORTABLE DEVELOPING ENVIRONMENT; PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY; PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF A TEACHER.

REFERENCES

1. Breshkovskaya K.Yu., Kuvyrtaeva M.A. [Analysis views Leo Tolstoy on psycho-pedagogical conditions for effective learning organization]. *Humanities statements of L.N. Tolstoy TSPU*, 2013, no. 3 (7). (In Russ.)

2. Kipurova S.N. [The value of views N.I. Pirogov, K.D. Ushinsky and L.N. Tolstoy on problems of preparation of teachers for the formation of humanistic paradigm of Russian education]. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 2011, no. 3. (In Russ.)

3. Loshakova T.F. *Pedagogicheskoe upravlenie protsessom sozdaniya komfortnoy sredy v obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Pedagogical management of the process of creating a comfortable environment in the educational institution]. Yekaterinburg, 2001. 269 p. (In Russ.)

4. Tolstoy L.N. *Pedagogical Works*. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2010. (In Russ.)

5. Tolstoy L.N. *Pora ponyat'* [It is time to understand]. Selected articles (1880–1910). Moscow, VK Publ., 2010. Pp. 139–172. (In Russ.)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 1 (215) 2015

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 30.03.2015. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,87. Уч.-изд. л. 23,87. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru